

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАНА ЕЖЕНЕДЕЛНИК

№ 39 (201) 1994 г.

ЧЕРНЫЙ ОКТАБРЬ БЕЛОГО ДОМА

М. 76878

О ЦЕННЫХ БУМАГАХ АО "СУПРИМЭКС" ЧИТАЙТЕ НА СТР. 12

В НОМЕРЕ

Победоносный мятеж — гарантия гражданской войны. Подавленный мятеж — залог, что гражданской войны не будет, что нарыв вскрыт, проблема разрешена.

4

Идеальным образцом национального гимна остается текст петербургской поэтессы Нонны Слепаковой, сочиненный пять лет назад:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Дружбы народов
надежный оплот!
Боже, царя храни!
Славному долги дни!
Пусть к торжеству
коммунизма ведет!

26

ВНИМАНИЕ!

Редакция журнала «Столица» переехала.
Новый адрес: Москва, 101425, ГСП-4,
ул.Петровка, 16.
Телефоны: 200-43-43, 200-45-05
Телефакс: 200-11-11

Политика

- Удачный мятеж
остается мятежом
Леонид Радзиховский 4
- Братанье славянки
Валерия Новодворская 7
- За правое дело
Николай Троицкий 9
- Уходи уходя
Михаил Поздняев 10

Экономика

- Храните ваши денежки
на дальних берегах
Лариса Матрусенко 13
- Купил акцию? Защищайся!
Светлана Карташова 16

Жизнь

- Корабелы поднимают
паруса
Наталья Алякринская 18
- Самый большой
маленький колледж
Владимир Война 22
- Россия без гимна
Дмитрий Быков 26
- Афера века
Алексей Юрьев 30
- Москва — как
маленький Кавказ
Николай Бахрошин 31
- Вздумалось «козлику»
в лес погуляти...
Ольга Бакушинская 34
- Вокруг д-ра Чехова
Алексей Митрофанов 36
- Город-блюз и
город-джаз
Николай Малинин 38
- Остров памяти
Анатолий Жданов 42

Культура

- Майя и «Майя»
Интервью
с Майей Плисецкой 45
- Ностальгия по прошлому
и настоящему
Вера Погодина 46
- Юрий Никулин:
«Кажется, мой внук
сумеет стать клоуном»
Интервью с Ю.Никулиным 48
- Всё — вместе,
и всего — много
Виктор Славкин 54
- Горький и толстый
Алексей Баташев 57
- Палач Никифоров
уходит на небо
Валерий Роньшин 59
- Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская
Собрание сочинений
Игорь Иртеньев 63

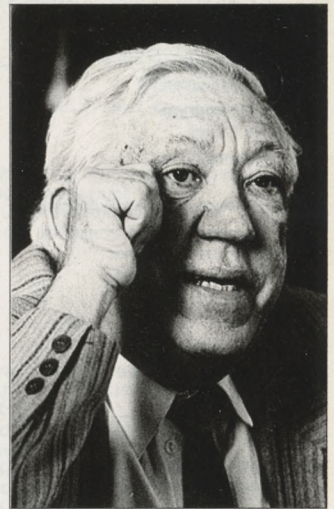
- Письма 2
- Цитатник 11
- С миру по нитке 29
- Дневник И. 52

На первой странице обложки
фото ИТАР—ТАСС, дизайн
С.Стыриковича

Из двадцати крупных преступных группировок, действующих сейчас в Москве, четыре приходится на долю кавказцев. В порядке значимости — чеченская, дагестанская, азербайджанская и грузинская.

31

Юрий НИКУЛИН:

«Я уверен, клоуном нельзя стать — надо родиться. Я все время мучительно думаю над тем, где найти смешных клоунов, к молодым присматриваюсь, даже в детях ищу черты будущего клоуна».

48

СТОЛИЦА

№ 39 (201), 1994

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 16

Телефоны: 200-43-43, 200-45-05
Телефакс: 200-11-11

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Юрий Бугельский

Главный художник:

Владимир Васин

Отдел политики:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел права:

Николай Бахрошин

Международный отдел:

Андрей Голубов

Отдел искусств:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем:

Наталья Туровская

Над номером работали:

В. Старчевский, С. Панов, И. Мельникова

Номер подписан в печать 22.09.1994 г.
Тираж 100 000

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 200-38-45

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 200-33-43

© «Столица», 1994

Отпечатано в Финляндии в типографии «UPC Consulting Ltd.» с диапозитивов, изготовленных в фотонаборном центре еженедельника «Столица»

П И С Ь М А

«Итак, она звалась...»

Хорошо понимаю, как трудно дать выразительное название фирме, магазину, издательству, как нелегко подыскать точное и яркое имя для журнала, газеты, романа, рассказа, статьи. Это еще сложнее, чем назвать ребенка.

Но все же фантазия множества бизнесменов и журналистов порой не поддается никакому объяснению. В сущности, мне, как и всем остальным, уже безразлично, почему печально известное АО называется утроенной таинственной буквой «М» и что же все-таки это означает. Никому уже не интересно, как расшифровать название «сгоревшей» компании «Л.Е.Н.И.Н.», хотя я не возражала бы знать, почему торговая фирма «Родити» называется именно так, а не иначе. А почему «Синти»? Почему банк «Империл»? А загадочный «Блик комьюн-кейшн»? Статьи, одно из значений слова «блик» в английском языке — «унылый», «мрачный».

Ну, впрочем, это не жизненно важно. Сложнее, на мой взгляд, обстоит дело с названиями газет и журналов. Скажем, почему журнал Жванецкого называется столь простенько — «Мэгэзин»? Журнал он и есть журнал? И нечего, мол, ломать себе голову над его наименованием? А стоило бы поломать. Или, например, почему так тривиальны названия: «Независимая газета», «Российская газета», «Общая газета», «Новая газета», «Очень страшная газета», «Бульварная газета»? А у последней в заголовках явно вынесен ее жанр.

Но вершиной журналистского творчества стало, конечно, название газеты «Женские дела». Очевидно, это какой-то медицинско-физиологический справочник для женщин в определенные дни: как себя вести раз в месяц, что есть, что пить, что носить, чтобы не простудиться, и т.п. А иначе как прикажете понимать?

Иногда я думаю, что, прочитав названия газет на прилавке, слишком многие уйдут, ничего не купив. Им не понравятся названия. И они, увы, будут правы.

З.КОЛЕСНИКОВА

Санкт-Петербург

Урок физкультуры

В школе этот урок для многих детей был и остается камнем преткновения. Особенно сейчас, когда в основном дети страдают многочисленными болезнями с самого рождения и для них просто невозможно стоять на голове, прыгать через «коня», делать кувырок...

Но главное даже не в этом. Дело в том, что за 45 минут, включая построение, переключки, разминку (да еще и опоздавшие из раздевалки плетутся), просто невозможно ничего сделать. Ни о какой закалке, физической подготовке, развитии ловкости и выносливости вопрос не стоит — успеть бы по залу разок-другой пробежать!

Практически невозможно дать детям подлинное представление о прелести и радости движенья, о красоте настоящего спорта, о гармонии. Невозможен и индивидуальный подход к ребенку.

Зачем тогда эти нудные, утомительные часы, эта псевдофизкультурная обвязаловка для детей и педагогов? Не лучше ли продумать и переменить всю систему физкультурной подготовки в школе? Как? Это задача для специалистов. А если уж они не могут ничего предложить, тогда самым разумным будет факкультатив. Иначе снова все закончится справкой об освобождении и облегченным вздохом ученика и учителя.

В.БОРОВСКИХ

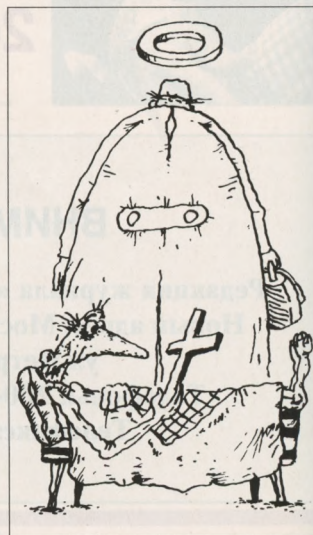
Тамбов

Если врач долго не работал...

Недавно я, немолодая уже женщина, потеряла дома сознание и упала, сильно разбившись. По вызову пришла врач из районной поликлиники. Незнакомая, не наша любимая Алевтина Михайловна, к которой мы все привыкли. Объяснила, что Алевтина Михайловна ушла в другую поликлинику, а она теперь наш новый терапевт, недавно вышла из декретного отпуска.

Новый врач мне очень понравилась: красивая, приветливая, ласковая женщина. И о своих детях рассказывала с большой любовью. Но вот она ушла... и оказалось, что лекарства, которое она выписала, в аптеках нет, а заменителей врач не назвала. Дочь обзвонила всех знакомых медиков, пытаясь выяснить, что это за лекарство и чем его можно заменить, но — безрезультатно. В конце концов мне пришлось обратиться в другую, ведомственную поликлинику, где я на учете как пенсионер, и «ведомственный» врач ситуацию прояснил, объяснив, что лекарство в рецепте — аналог привычного стугерона, который особо и искать не нужно. Кроме того, сделал массу других назначений, после которых я наконец встала...

Почему же ничего этого

АЛЕКСАНДР ЗАЯИН

не сказала врач районной поликлиники? Может быть, просидев дома с детьми, она просто уже многое забыла? Но к работе ее допустили: диплом-то есть. А правильно ли это? И не нужно ли в подобных случаях устраивать экзамен, посылать на курсы, в общем, контролировать ситуацию. Иначе расплачиваться за потерю врачебного опыта будут больные.

О. ПЕРЕПЕЛКИНА

Новосибирск

«Где эта улица, где этот дом...»

Не могу понять, зачем были прикрыты все уличные киоски «Мосгорсправки». Возможно, в связи с новыми формами оплаты нужно было перестроить их работу, но оставить город только с одним бюро «Мосгорсправки» возле метро «Новослободская», на мой взгляд, более чем неразумно.

Сложно приезжим, непоросто порой и москвичам. Кстати, все мы нуждаемся и в определенного рода справочной литературе, которой днем с огнем не сыщешь ни в магазинах, ни на книжных «развалах». Я имею в виду различные путеводители. Схемы есть, но они не слишком помогают.

Вот только один пример. Летом задумали с дочкой поехать по музеям Подмосковья. Их ведь немало: музей Блока в Тараканове, Абрамцево, Мураново, Архангельское, Кусково... И нигде, ни в одной схеме, которых у меня немало, нет справочных данных о том, как добраться в тот или иной музей. Кое-что знаешь сам, кое-что подскажут знакомые, но чаще вопросы остаются без ответа. А ведь они, я думаю, интересуют не одну меня.

А. КРУТОВА

Москва

Трудно сказать правду

В 32-м номере «Столицы» — интересная и познавательная статья «Бактерии: коварство и любовь», подготовленная по материалам зарубежной печати С. Толкачевым.

В ней наминается о том, что пенициллин из плесени первым получил английский микробиолог Александр Флеминг в 1928 году (по некоторым данным — в 1929-м). В нашей стране этот факт долгое время замалчивался, да и сейчас-то Флеминга вспоминают достаточно случайно.

Мы все читали прекрасный (без тени иронии!) роман Вениамина Каверина «Открытая книга» и смотрели отличный телевизионный фильм с одноименным названием. Но ведь основа книги — открытие пенициллина советской женщиной-врачом в годы Великой Отечественной войны — по сути своей ложна. Кому-то у нас в стране очень хотелось, чтобы приоритет в этой области был советским, ну и сделали! Что нам стоит... Тем более, что сделали талантливо, мастерски, увлекательно. И снова советские люди «вперед» — планеты всей...

Избави Бог упрекать большого писателя — кстати, и он тоже мог стать жертвой обыкновенного обмана. Но теперь, считаю, настало время подробно рассказать о великом открытии английского ученого. Случайных упоминаний Флеминга в журнальных статьях недостаточно, необходимо серьезный, обстоятельный рассказ о его открытии.

В. СУХАРЕВА

Подольск

Список фирм, опубликовавших свою рекламу в этом номере:

**Suprimex
STB card
Finnair
Кванта-инвест**

**Оникс
АМО
Renault
Гербалайф**

АО Торгово-промышленная компания «ОНИКС»

предлагает средним и крупным оптом со склада в Москве видеокассеты «SCOTT», производство Германия, пленка «BASF».

Имеется сертификат соответствия, выданный Госстандартом России.

Тел. 978-85-53 Fax 200-22-68

Быть стройным и здоровым поможет Вам

ГЕРБАЛАЙФ

— трава жизни.

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным.

Для желающих доставить удовольствие прекрасному полу — НОВИНКА!
СЕКС-КРЕМЫ!

У нас Вы также можете приобрести замечательные ФИЛЬТРЫ-КУВШИНЫ для очистки водопроводной воды дома и на даче. Маленькое чудо в Вашем доме — вибрационно-вакуумный ГИДРОМАССАЖЕР. 15 секунд — и он подключен к Вашему душу! БЛАГОДАРИ ПРЯМЫМ ПОСТАВКАМ У НАС САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ!

Фирма «Neway's» (США)
КОСМЕТИКА XXI ВЕКА

Приглашает к сотрудничеству распространителей

Тел./факс: 245-40-72, 245-59-56,
с 10.00 до 18.00.

Удачный мятеж остается мятежом

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

*Мятеж не может кончиться удачей:
Удачный называется иначе.*

Р.Бернс

Строки, написанные поэтом за последнее время, цитируются часто. Циничная фраза. Обычно ее понимают так: история — лотерея, рулетка в стране

дураков. Кому (обычно — бандиту какому-нибудь) выпадет «зеро» — заранее неизвестно. Но как только выпадет, тут же он из Ульянова становится Лениным, мятеж оказывается великой революцией. А господа профессиональные мыслители задним числом находят сто тысяч логичных, красивых, стройных объяснений любому безобразию и долго красиво и внушительно спорят друг с другом об этих объяснениях. Историки, философы, писатели — ни дать ни взять адвокаты и психологи, которые выступают перед судом. Сидит на скамье подсудимых тупая скотина со стеклянными глазами и бычьей шеей, которая зарезала и изнасиловала человек эдак 10, а умные адвокаты и эксперты поют Лазаря — и про детские комплексы, и про аффекты, и про многое другое. А он только шеей ворочает — даже не понимает, о чем это они...

Тупая скотина — это и есть могучий, слепой и безжалостный исторический процесс.

Да, есть такой взгляд. Иногда, когда история особо больно лупит по голове, нам, обиженным, хочется именно так ее обругать себе в утешение.

Но поэтические строчки Бернса можно понять и совсем иначе.

Нет, история — все-таки не слепая лотерея. Мятеж, действительно, редко кончается удачей. Но и удача его не спасает — он все равно остается мятежом. Революция — не просто удачливый мятеж, она нечто качественно иное. Она не только заканчивается, но и начинается, и проходит совсем не так, как нормальный мятеж. Да, бывает и самая страшная категория: мятеж, настоящий мятеж, все-таки закончившийся удачей! По своей психологии он остался мятежом, но по последствиям стал революцией. Победной революцией бандитов. Как его назвать?

Сейчас, в годовщину октябрьских событий 1993 года, эти мысли, естественно, приходят в голову. Был ли путч ВС-Руцкого обречен или это слепая фортуна (трусость и глупость Руцкого-Макашова превысили аналогичные качества генералов, верных правительству) спасла нас? Речь идет

не только о понимании прошлого, но и о прогнозе на завтра.

С внешней точки зрения, как всегда, в России столкнулись два «бардака». «Бардак» «Белого дома» — против аналогичного состояния Кремля. Победителей нет. Есть тот, кто первый сбежал с поля боя, и тот, кто остался и, тем самым, превратился в триумфатора. Примерно по такому же сценарию разворачивались все «публичные путчи» в России — восстание декабристов, октябрь 1917-го, мятеж левых эсеров. И у той и у другой стороны попеременно нет пуль, или они не того калибра, то Волконский, то Макашов побоялся, а латышских стрелков нет под рукой,

высказанная воля огромной массы людей, воля народа сказала свое слово. Хаоса было много — это естественно, когда приходят в движение сотни тысяч на узких улицах. Но тут уж слепым надо быть, чтобы не заметить что-то, от желаний отдельных политиканов не зависящее, мощно выходящее на сцену. Янаев и Николай II это заметили и — подчинились.

Вот это были не мятежи. С самого начала (а тут все происходит за считанные часы) было ясно, что это не мятеж. Революция, История, что-то еще, что пишется с заглавной буквы.

Что же такое Октябрь — 1993?

Революции точно не было — строй

а «Альфа» колеблется, казаки ушли от Зимнего, Руцкой бестолково матерится, Маруся Спиридонова истеричекает, но дело не движется, все на волоске — с обеих сторон... Бардак, вечный дурдом русской истории...

Вот уж, действительно, не позавидуешь госпоже удаче — оба ее поклонника равно беспомощны, бестолковы, спотыкаются на каждом шагу, а ведь все равно — кого-то из них выбрать в победители придется, никуда не денешься!

Но есть в России и другие примеры: февраль 1917-го, август 1991-го. Да, пожалуй, и здесь лидеры были далеко не на высоте (впрочем, будем справедливы, — про Ельцина—91 это не скажешь), но чашки весов не болтались как попало. На чьей стороне победа, решилось не подбрасыванием фальшивого двугривенного. В этих случаях не беготня «человеков с ружьем», а, действительно, явно

сохранился неизменным. Попытка изменить его провалилась. (Я, разумеется, не могу всерьез обсуждать лепет о том, что, мол, именно Ельцин своим антиконституционным указом как раз и изменил строй. Да, ясно, что указ антиконституционный, но ясно и то, что единственная его цель была — сохранить в неизменности строй, сложившийся порядок вещей, социально-экономических отношений. Об этом можно судить просто по результату: сломав конституцию, Ельцин обеспечил сохранение в полной неизменности реального строя всей социальной и политической жизни, со всеми ее свободами и безобразиями.) Но вот эта попытка — чем была она?

Когда видишь кадры с баркашовцами, «штурмующими» никем не защищаемую мэрию, видишь матерящегося и потрясающего ключами жирного Макашова, смотришь опять в безумные глаза Хасбулатова, который дурным голосом кричит: «На Кремль! Выг-

нать узурпатора из Кремля!» — то картина совершенно ясная. Мятеж вульгарис. Если угодно — путч вульгарис.

Революция так не начинается. И если бы — не будем мистиками, не все предначертано, случайности, конечно же, бывают — этот мятеж закончился удачей, он все равно не назывался бы иначе!

Что было бы, если?..

Чем, собственно, революция отличается от мятежа?

Не моральными качествами своих лидеров — Керенский, конечно, был порядочнее Ленина, но едва ли порядочнее большинства декабристов.

Не наличием программы действий — какая программа была у Временного правительства, да и у российского правительства, пока не пришла команда Гайдара (а пришла она именно тогда, когда к ноябрю 1991 года команда Силаева завела страну совсем уж в тупик)?

Не бескровностью. В февральскую революцию 1917-го погибли десятки, если не сотни людей, а то, что в августе 1991-го было три жертвы, — в общем, случайность.

Революция отличается от путча (мятежа) тем, что она назрела. Многие придут на баррикады, но в сознании общества старый режим (вот именно — «старый!») исчерпал себя. То, что говорил Ленин, — «низы не хотят

жить по-старому». Это, разумеется, ничуть не значит, что они представляют, как будут жить «по-новому» (если бы представляли, то, скорее всего, ничего бы не начинали!). Но это означает нечто более важное — перемены неизбежны, к лучшему они или к худшему. И еще — эти перемены, по крайней мере вначале, не вызовут раскола общества, не спровоцируют гражданскую войну.

Февраль гражданской войны не вызвал. Октябрь — вызвал.

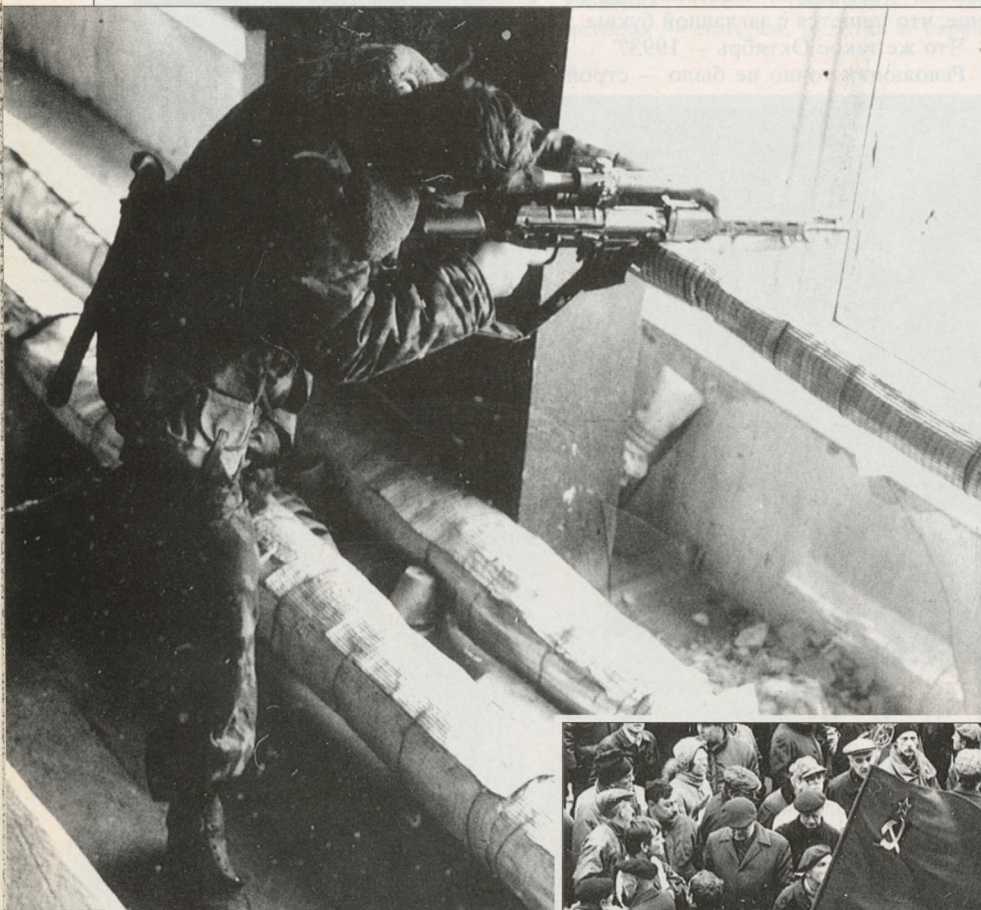
Нацистский путч в 1923 году был

как «старый». Режим полон сил, имел (и имеет) поддержку — он бы боролся. Была бы гражданская война.

Победоносный мятеж — гарантия гражданской войны. Подавленный мятеж — залог, что гражданской войны не будет, что нарыв вскрыт, проблема разрешена.

Поэтому исход мятежа определяется не на баррикадах. Он определяется через несколько недель, месяцев. Если в течение этого времени народ принимает новый режим, то тогда, действительно, мятеж закончился

удачей. И называется он революция. А мятеж, которому повезло, который прорвался к власти, так и останется мятежом — только во сто крат более кровавым. Может быть, поэтому мятежи редко побеждают — у общества есть инстинкт самосохранения, есть сопротивляемость. Этот инстинкт сработал в начале октября 1993-го — когда народ психологически не поддержал путч. И подавление путча, действительно, кончилось удачей.

путчем. Победы Гитлер — была бы неизбежной война Баварии с Берлином, гражданская война в Германии. В 1933 году уже была нацистская революция — Германия была готова принять в объятия своего мессии.

Август 1991-го гражданской войны не вызвал. Победа Ельцина в октябре 1993-го тоже не спровоцировала никаких беспорядков. Баркашовцы уползли через канализацию, депутаты выпустили по книге мемуаров, истерички покричали на митингах — и все. Но если бы победили ВС-Рудкой, то Ельцин и его сторонники так легко бы не сдались. Режим не считал себя «старым», народ его не воспринимал

Братанье славянки

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Пятое октября не посмеют объявить национальным праздником. А зря. Большевики же посмели объявить праздником 7 ноября, да так надежно, что до сих пор (увы!) это не рабочий день.

Гвозди бы делать из этих людей... Мы не гвозди, мы лапша на ложке. Слабó отменить чужой праздник и назначить свой собственный. Если захват власти 7 ноября стал поводом для праздника, то предотвращение захвата № 2 — чем не повод?

Мы прожили этот год. А могли бы не прожить. Это наши десять тысяч трупов (если не больше, ведь тысяч пятьдесят по Тверской, Никольской и у Моссовета было) лежали бы в моргах, на стадионах, наматалась бы на гусеницы танков. Это наши фотографии печатала бы «Нью-Йорк таймс», за неимением на следующее утро после их победы демократических газет. Только у Моссовета не дали бы поставить крест, как дал поставить у «Белого дома» «оккупационный» ельцинский режим, да и некому было бы ставить. И некому было бы объявлять всеобщую политическую стачку ни 21 сентября, ни 3-го, ни 4 октября. Это все можно только при «диктаторе» Ельцине. А

попробуйте при Проханове, Лимонове, Говорухине и Власове, «растерявшихся русских интеллигентах», которых, по словам московских мудрецов, в стан «псов и палачей» загнала демократическая пресса! Нет, лучше не пробуйте или пробуйте сначала на лабораторных мышках.

Этот праздник отметит все та же «могучая кучка» полуживых демократов, еще не отрехавшихся от содеянного ими, которая отмечала августовские события. Поскольку 20 августа Ельцин послал нам приветственную телеграмму, которая свидетельствовала о том, что он не хозяин в этой стране, но зато питает самые похвальные демократические чувства, и поскольку он же в своем бестселлере не кается ни в сентябрьском, ни в октябрьском «деле» и в этом хотя бы остается порядочным человеком, праздник будет общим и, значит, нет оснований для расторжения президентско-демократического брака, скрепленного такими обручальными кольцами из своей и чужой крови.

Да, «венценосный супруг» нам изменит по с г-ном Сосковцом, то с премьером Черномырдиным, то со спикером Рыбкиным (а ведь сердце спикера склонно к измене и к перемене, как ветер мая, что Руслан Имранович уже доказал), то с директорией, то с председателями колхозов и совхозов. Да, мы жалуемся на него соседям и друзьям и угрожаем забрать детей и хлопнуть дверью. Но ни нам, ни ему после октября некуда идти. Кто на глазах у мстительного, развороченного муравейника — России, на которую выплеснули ведро реформ, — дерзнет взять руку президента и снова произнести эту формулу: «В беде и в радости, в здравии и в болезни, в богатстве и в бедности, пока не разлучит нас смерть»? Кто же, если не мы? «Нам умирать. Мы обещали. И сдержим мы слово свое».

Октябрьская эпопея с преамбулой сентября запечатлена на одном батальном полотне, «в котором отразился век и современный человек». Тот современный человек, кто должен унаследовать ту самую капиталистическую Землю Обетованную, которую мы, ломовые лошади из старой демократической гвардии, ему обеспечили. Земля эта сильно напоминает неподнятую целину, но наше дело было довести, время от времени лягаясь в сторону войск фараона. А обустроить Эльдорадо должны бы-

ли они, кому сегодня 20—30 лет.

Батальное полотно написано Вероникой Куцылло и называется «Записки из Белого дома». «Сумерки. Природа. Флейты голос нежный. Позднее катанье». Катанье на декоративном пони по жестоким и больным просторам нешутливой российской истории. Вы можете себе представить корреспондентов «Красной звезды», или «Вашингтон пост», или «Таймс» в гитлеровском бункере, сидящих там, дабы объективно запечатлеть конец третьего рейха, ибо нацисты имеют на это право? А красных соборов, приписанных к Белой армии, и наоборот — врангелевских журналистов, берущих интервью у красных во время взятия последнего Перекопа, вы видели? Правильно. Не видели. Война — дело серьезное. О жизни речь идет. И о смерти. Да и в августе 91-го никому из «прогрессивных журналистов» не пришло бы в голову ходить за гэкачепистами день и ночь, дабы не лишить их света гласности, вместо того чтобы защищать «Белый дом».

Почему же это «Коммерсантъ-DAILY» и Вероника Куцылло решили через два года, что их место во вражеских окопах, в «Белом доме» от звонка до звонка? Объективность в этих обстоятельствах, с 21 сентября по 4 октября, — это или равнодушие тех, кого это не касается, кого не повесят на утро на флагштоках от трехцветных флагов, или безответственность недорослей, слишком уверенных в том, что мама обо всем позаботится (Гайдар призывает безоружных москвичей, Ельцин уговорит танкистов), а они могут покапризничать, надув губки: «Я гречневую кашу есть не буду!». Такие же хорошенькие барышни с красными бантами собирали средства в пользу большевиков и рукоплескали «братишкам». Пока не сгнули в ГУЛАГе.

Начинается книга с утверждения, что Ельцину нужна была кровь. Какой у нас хитроумный президент, как славно все задумал! Сам чуть не лег в могилу со всеми своими сторонниками, провоцируя голодного тигра собственной головой, засунутой тому в пасть! И не в уголке Дурова, а в джунглях. Тот, кто видел в 18 часов 3 октября заходящий над Красной площадью президентский вертолет, бледных офицеров Кремлевского полка с автоматами у старинных ворот, на вопрос о том, сколько они будут держаться, отвечавших: «До конца», — и еще маленькую

кучку демократов, вооруженных значками с портретом Ельцина и трехцветными флагами, не усомнится в том, что это была подлинная катастрофа, подлинная беспомощность.

И в прорыв, как всегда, пошли штрафные батальоны. Чертыхаясь, стиснув зубы от унижительной нелепости ситуации, от того, что врага надо было закидывать даже не шапками, а трупами, уставшие от слабости и компромиссов Ельцина демократы пошли защищать своих головоутипов и недотеп, потому что человеческая слабость все-таки привлекательнее нечеловеческой злобной агрессии тех, кто был по ту сторону баррикад. Там, где оказалась Вероника Куцылло. Своя среди чужих, чужая среди своих (ведь «Коммерсантъ-DAILY» не «Завтра» и даже не «Независимая газета»). Сначала автор всячески корит Ельцина за то, что он не дает материала для газеты и не разгоняет ВС; через 10 страниц Вероника Куцылло, как некий сталкер, обследует свою зону (хотя запрет администрации и у Стругацких, и в случае с «Белым домом» вполне обоснован и разумен), и зона изменяет ее природу, начинается мутация. Она уже видит убитых Рущкого и Хасбулатова и гневно порицает за это гипотетическое убийство президента. Какой кошмар! Спикер, презирающий удобства, умирает на сырой земле! Не надо беспокоиться о Рущком и Хасбулатове, они, как Паниковский, всех продадут и купят, они будут жить вечно, а закопают их несчастную мазовку.

Но самое интересное в книге — это тот момент, когда «они» взяли мэрию и пошли на «Останкино». Даже тогда

Веронике Куцылло не пришло в голову, что место у Моссовета достаточно похоже на Лобное, так что пора туда пойти. В ту ночь было не до журналистики. Какой там журналистский долг, если наутро не выйдут газеты, и не только «Куранты», «Столица» и «Огонек», но даже и «Коммерсантъ-DAILY»! По-моему, журналист — прежде всего человек. А остальное все приложится. У Вероники Куцылло не нашлось ни капли жалости для невольников чести, которые давно не получали от «официоза» (термин автора книги) ничего, кроме пинков и плевков, но пошли умирать к Моссовету, потому что «есть одна присяга — кружится голова!..»

На рассвете на нашу баррикаду пришел Смоктуновский, легкий и невесомый от старости. Он едва шел, актерский долг сюда идти его не обязывал. Веронике Куцылло он годился в дедушки. Эта его последняя роль наверняка затмила все, что он сделал в театре и кинематографе.

Я думаю, что нельзя объективно изображать войну, нельзя бежать в атаку с камерой, если это не твоя война, если это не твой батальон. Журналисты, объективно показывающие чужую войну, — мародеры. Участвовать в войне — трагедия. Показывать войну, не участвуя в войне, — преступление. Не надо делать из войны цирк и созывать на нее новых акробатов и зрителей.

Сначала Вероника Куцылло капризно требовала от президента войска и топала ножкой: «Почему они еще не пришли?» Когда пришли, обозвала сволочками, за то, что стреляют.

Вероника Куцылло требует, чтобы ей сделали и красиво, и безопас-

но. Увы! Надо выбирать что-нибудь одно.

Из книги мы узнаем, что убивать нехорошо. Мы, конечно, сами бы не догадались. Демократы всю жизнь снимали скальпы и пили вино из вражеских черепов. Да, мы убили. Чтобы жить. На войне убивают. Не мы первыми в 1917 году начали эту войну. Мы даже не можем раскаяться. «Какими же словами молиться тут? Прости убийство мне?» Мы же не вернули добычи, и не вернем, пока живы. При нас все то, зачем мы убивали: трехцветный флаг, вывод войск из Эстонии, Латвии и Германии, снятие поста № 1 у Мавзолея, наш дикий и уродливый капитализм, который красив, как херувим, по сравнению с тем, что мы имели до 1991 года.

В книге есть жуткий эпизод избития казаками юноши в форме Красного Креста. Вероника Куцылло не заступилась за него, потому что не хотела, чтобы били и ее. А их было много, и они взяли мэрию...

Вероника Куцылло в случае победы своих «однополчан» из «Белого дома» собиралась в Австралию. Может быть, не стоит откладывать? А то появится за кордоном еще одна книга с таким финалом: «Под Кремлевской стеной в длинный ряд выстроились виселицы. На них люди в черной форме вешали демократов. Я не стала вмешиваться, потому что очень не хотелось, чтобы они повесили и меня. Их было много, и они только что взяли Кремль».

Хватит и одной книги, «Записок из Белого дома». Она останется в истории как памятник журналистскому долгу и человеческому предательству.

Лефортовские амнистанты вернулись к любимым занятиям: Хасбулатов призывает свергнуть президента (на этот раз — чеченского), Анпилов водит «трудороссов» на политтусовки, Рущкой грозит оппонентам тюрьмой

За правое дело

Николай ТРОИЦКИЙ

Год назад революция в России закончилась. Страна дернулась и с трудом проползла чуть вперед, по пути прогресса и цивилизации.

Это звучит парадоксально и может показаться даже кощунственным: танки на московских улицах, выстрелы из гранатомета по телецентру, разогнанный силой парламент и единоличная отмена Конституции вроде бы не слишком ассоциируются с цивилизацией и прогрессом. Все так. Но я вовсе не имею в виду официальные власти. Ни первую — законодательную, ни вторую — исполнительную, ни третью — судебную. Они или не действовали вообще, или действовали в духе не то средневековой, не то большевистской эпохи. И на их совести — жертвы среди мирного населения.

Но гражданской войны не вышло. Граждане не пожелали поголовно делиться на красных и белых, на демократов и коммуно-фашистов, на сторонников Ельцина и приверженцев Руцкого—Хасбулатова. Лишь немногие ненавоевавшие построили баррикады, причем каждая сторона строила свою на особицу. В результате «красно-коричневые» баррикады вокруг «Белого дома» никого не защитили, а на «демократические» баррикады вокруг Тверской улицы никто не напал.

Год назад случилось не «народное восстание», не «коммуно-фашистский мятеж черных полковников», а последняя судорога борьбы за власть, за «всю власть» в России. Правда, в эту сугубо номенклатурно-кабинетную грызнюю должностные лица и государственные деятели вовлекли несколько тысяч безоружных граждан и несколько сот вооруженных людей. Конфликт мировоззрений тут был ни при чем. Неужели кто-то поверит, что баркашловцы «защищали Конституцию», а ОМОН и спецназ «боролся за реформы и демократию»?

Так что неофициальная четвертая власть, журналисты, имели полное право слезть с баррикад и заняться своим прямым делом.

Да, такого раньше не было! Корреспонденты «прогрессивных», «демократических» изданий — внутри «Белого дома», в самом «логове врага»! Три года назад на заседаниях ГКЧП не было журналистов не то что из «Коммерсанта-DAILY», а даже

из «Правды». Зато Хасбулатов с Руцким по три раза в день, а то и ночью устраивали пресс-конференции и радовались, когда видели камеры CNN, BBC или микрофоны радио «Свобода». Станный «коммуно-фашистский мятеж», не правда ли?

Журналисты вышли из схватки. Некоторые революционеры, такие, как госпожа Новодворская, это осуждают. По ее мнению, корреспондент «Коммерсанта» в кабинете Хасбулатова — это или Штирлиц в ставке Гитлера, или предатель. Кто не с нами, тот против нас. Как могла Вероника Куцылло сидеть в «осином гнезде контрреволюции» да еще негодовать на тех, кто стрелял по этому гнезду? Значит, предала дело священной борьбы за светлое капиталистическое будущее?

Да нет, ничего Вероника не предала. В своих «Записках из Белого дома» она честно призналась, что ее политические симпатии были на стороне Ельцина, но ей очень не нравится, когда из танков и пулеметов стреляют по людям. Возможно, стреляют по идеологически «неправильным» людям. Но Веронике это не нравится.

Впрочем, это эмоции. Главное, что Вероника Куцылло выполнила профессиональный долг. Ее «Записки» могут нравиться или не нравиться, могут быть кому-то неинтересны, но там нет вранья, сплошь — достоверная информация. А единственная обязанность журналиста — сообщать новости и объективно инфор-

мировать. То есть писать правду. Даже если она кому-то или ему самому неприятна. Даже из «штаба» идеологического противника.

Для нас это в новинку. Значит, опять отстали от цивилизованного мира. Американские журналисты во время «Бури в пустыне» сидели в Багдаде и брали интервью у Саддама Хусейна, хотя их страна — США — находилась в состоянии войны с Ираком. По-моему, этих журналистов никто не называл предателями. Для Запада — это норма, которую признал даже кровавый диктатор Хусейн. Осенью прошлого года эта норма, наконец, утвердилась и в России. Что ни говори, а ведь это был шаг в сторону цивилизации и прогресса.

Да и что поделаешь? Прошлогодние «события», видимо, стали для многих ранее ангажированных журналистов чем-то вроде инъекции деполитизации. Даже те из нас, кто называются политическими обозревателями либо парламентскими корреспондентами, не живут политикой, не занимаются политикой, а всего лишь информируют о политике и политиках. Не более, но и не менее того. И если есть у нас политические убеждения, то лишь постольку, поскольку они не мешают профессии.

И последнее. Не в укор будь понято, да и нелепо тут кого-то укорять, однако в октябре 1993 года не Валерия Новодворская, а Вероника Куцылло и мы, ее коллеги, очутившиеся внутри «Белого дома», рисковали жизнью. Нет здесь ничего героического — по крайней мере я так считаю, — а просто вдруг наша работа сделалась ненадолго опасной. Журналисты, выезжающие в «горячие точки», регулярно рискуют жизнью. А когда парламент превратился в «горячую точку», там естественным образом очутились парламентские корреспонденты. Так уж вышло не по нашей инициативе.

Мы не воевали там против Ельцина, реформ или демократии. Лично я ни за одного политического деятеля современной эпохи воевать не намерен, да и большинство моих товарищей, насколько я знаю, не желает воевать, сражаться и бороться. Но любой из нас мог третьего октября уйти домой и переждать штурм у телевизоров. Всем было ясно, что дело идет к развязке и без крови не обойдется. Так ради чего, во имя чего мы год назад предпочли рискнуть? Не знаю. В тот момент об этом не думалось. Ради того, чтобы рассказать все, как было... Может быть, по большому счету, это и был вклад в прогрессивное, правое дело борьбы за демократию? За светлое будущее без баррикад, революционеров и революций...

Уходи уходя

Этой фотографии без какой-то малости шесть лет. Володя Машатин, один из самых лихих наших репортеров, запечатлел меня в Баку на следующий день после объявления чрезвычайного положения. Целую неделю в городе продолжались армянские погромы, на площади перед Домом Советов день и ночь бесновалась толпа. Лысый истукан впервые на своем веку делал ручкой не алым, но зеленым знаменам; впервые прищурился в ответ не на «Миру — мир!», а на «Карабах — наш!»... Силы митингующих подкреплялись здесь же, на площади, возлияниями под шашлычок и любовными утехами. Горничные в гостинице, где мы поселились, все до одной русские, рассказывали нам, как они тряслись эту неделю: постояльцы — разбежались, а у них — дежурство.

Вся площадь усеяна была язвами кострищ. Много часов подряд по ней ездили туда-сюда поливальные машины, орошая бетонку дезинфицирующим раствором. Кабы так легко было вывести заразу из душ тех десятков тысяч преимущественно очень юных людей, которые прожили на площади тогда, в начале зимы 88-го, как им, должно быть, и до сих пор кажется, лучшие дни своей жизни!

За городом, в пансионате, разместился лагерь беженцев из Армении, из районов, задетых землетрясением. Их дома, построенные и два, и три века назад, не рухнули, наподобие тех карточных домиков, что возводились в середине семидесятых, и они бы не покинули своего родового гнезда, кабы не подъехали к селу, спустя день или два после первого толчка, шесть армянских парней на двух бензовозах: «На сборы — полчаса!»... Взойдя на перевал, оглянулись — пламя до неба. Пока дошли до азербайджанской границы, двоих похоронили, у двоих приняли роды (одни — неудачные)...

Я спросил: «Вы на площади в эти дни были?» Бесстрастно, уставившись в одну точку: «Нет... нет...» «А к вам сюда кто-нибудь с площади приезжал — помочь, утешить?» — «Нет... нет...»

Возвращаясь в Москву, сидя, аки Иона во чреве кита, в брюхе огромного военнотранспортного самолета (он отvez в Баку лекарства, одежду и провиант), бормотал слова, так и не ставшие стихами: «Теперь я знаю, ничего нет страшней того, когда тебя с постели подняли и гонят из дома прочь невесть куда. Ишак, навьюченный по шее, по грудь увязнувший в снегу. Чужие, господа, чужие! Не озирайтесь ж на бегу. Ты ничего там не увидишь...»

Ничего я не мог увидеть в том, на что взирал и пристально и страстно, — я, чужой, третий лишний. Всего ужаснее было, что на вопрос: «Кто виноват — армяне или азербайджанцы?» — я твердо знал ответ: «Русские». Но вот стыдобища — это не помешало мне, увя, ни сфотографироваться с нашими солдатами, пришедшими в Баку после драки, после крови, не только кулаками махать, но и табельное оружие в дело пустить (и пострадали, как у нас водится, более всего — безвинные), ни напечатать заметку о посылках, собранных пионера-

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Не швыряйте
мне

под ноги цветы.

Не оглушайте
меня фанфарами.

Не пихайте меня в
спину, рыча, что в

жизни всегда есть
место подвигу. Не

называйте меня
героем.

ми Баку для их сверстников в Армении, пострадавших при землетрясении. Ко мне потом пришли три женщины, бежавшие из Баку за несколько дней до моего туда прилета, — армянка, еврейка и русская, и спросили: «Неужели вы не понимаете, что вся эта ваша дружба народов — липа?»...

Вот — исторический снимок. Это я, русский, улыбаюсь с броневика, стоящего в центре Баку (Тбилиси, Вильнюса, Таллина, Праги, Будапешта, Кабула, Улан-Батора, Берлина), задумавшись на минутку: уходить или не уходить? Могу уйти, а могу — отчего бы и нет? — и остаться. Кто возьмется мне доказать, что вот это — совсем не рука помощи, а нечто иное? Сказано же: «Чужую беду руками разведу...»

Преуспев во «всемирной отзывчивости» (кроя ее, разумеется, на свой, отличный от Достоевского, лад), мы почти утратили к концу самого бурного века своей истории способность «всемерного боления за всех» (слова того же автора). Оттого и у нас столь низкий болевой порог, оттого мы и взвиваемся по любому случаю — к примеру, когда на мощенной бульжником улочке в маленьком городке ближнего зарубежья на вопрос: «Эй, где бы тут пивка попить?» — пожилой прохожий отвечает нам по-басурмански, — оттого оно все, что для нас этот городок отродясь не был ни зарубежьем, ни, тем паче, ближним.

У любимого моего митрополита Антония (Блума) — русского с шотландской фамилией, полжизни прожившего в Париже, полжизни в Лондоне, — есть рассказ о потрясении, испытанном после многочасового боренья со своим «Я», когда он сидел за письменным столом, смотрел неотрывно на огрызок карандаша и едва удерживал себя, чтобы не сказать про эту малость: «МОЕ». Карандаш был им куплен, им очинен, им исписан, им изгрызан — но даже и все это не означало, что карандаш принадлежит всецело своему хозяину, а не самому себе, столу, комнате и всему Божьему миру!

Безобразнее, чем мы встретили наших из Германии, нельзя было придумать. Кошунственнее, чем сравнить их приезд с возвращением победителей в 45-м, нельзя было ничего заявить. Тех, между прочим, не звали из толпы немедля идти водружать Знамя Победы над Кремлем. Тем — не свали в нос плакат с объявлением Сталина и Жукова предателями русского солдата. Тех — обнимали молча и молча плакали. Видимо, тогда, в середине века, всемирной отзывчивости и всемерного боления за всех было в нас все же побольше, чем ныне, когда век на исходе. Но и еще: встречавшие сердцем угадывали будущую судьбу солдата, названного его генералиссимусом на банкете в Кремле и в тиком.

Не швыряйте мне под ноги цветы. Не оглушайте меня фанфарами. Не пихайте меня в спину, рыча, что в жизни всегда есть место подвигу. Не называйте меня героем.

Я, вернувшийся оттуда, где меня никто не помянет добром, могу подумать, что и здесь — мне все дозволено.

Цитатник

Руслан ХАСБУЛАТОВ, профессор: «...Если народ будет просить меня возглавить республику, я буду просить его освободить меня от этого. Вы знаете — здесь все разграблено! <...> Откровенно говоря, я не чувствую, что я способен все это честно тащить на себе... Другое дело, что, если люди захотят, я готов быть моральным лидером, не неся государственной ответственности».

(«Независимая газета», № 165)

Андрей КОЗЫРЕВ, министр иностранных дел: «...Я не угрожаю войной, но тот, кто с мечом пойдет против российских пограничников, от меча и погибнет».

(«Московские новости», № 35)

И правильно! На том, как говорил один исторический персонаж, стояла и стоять будет таджикская земля!

Александр ЗАВЕРЮХА, вице-премьер: «...Фермерское движение в России «пойдет своим путем, опираясь на собственный исторический опыт».

(«Сегодня», № 165)

Опять «своим путем» — и опять туда же?

Виталий ТРЕТЬЯКОВ, независимый главный редактор: «...К сожалению, мы думали, что играют в преферанс, а играли, оказываясь, в очко... Это, огрубляя, конечно. Но чтобы понятнее было тем, кто порой пишет в газете примитивные глупости. Не надо. Бумага, конечно, все стерпит, но я не стерплю...»

(«Независимая газета», № 166)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Борис НОТКИН, человек, регулярно берущий интервью у Ю.М.Лужкова: «...Лужков, безусловно, считает, что его место — быть мэром Москвы. Он не любит людей не на своем месте. Второе его ка-

чество, может быть, не самое лучшее, — это верность шефу. Он был верен Попову, пока тот был мэром. Сейчас верен Ельцину...»

(«Аргументы и факты», № 35)

Автор: В.Чумачёв.

Виктор ЗЕРКАЛЬЦЕВ, депутат Госдумы от коммунистической фракции: «...Накануне политических всплесков в России, как правило, снижаются цены на водку».

(«Сегодня», № 166)

Можно спать спокойно. Цены неуклонно повышаются, следовательно, никаких политических всплесков не ожидается.

Генри КИССИНДЖЕР, бывший госсекретарь США, лауреат Нобелевской премии мира: «...Превращение России в центр американской атлантической политики означает, что эта неслышанно ответственная роль поручается одному из наиболее нестабильных государств мира».

(«Сегодня», № 168)

Евгений ШАПОШНИКОВ, бывший министр обороны, а ныне отец-основатель «новой социал-демократии» России: «Нынешнее разнообразие политических сил, партий, движений и течений в России вызывает рябь в глазах, но свидетельствует об отсутствии прессы единомыслия и единовластия...»

(«Век», № 33)

В период, когда получающие ошеломляющие прибыли молодые банкиры и бизнесмены России буквально забили улицы «мерседесбенцами» и «БМВ», склонность к покупке земельных участков за рубежом быстро растет. Согласно некоторым статистическим данным, около миллиарда долларов ежемесячно уходит из России на счета в швейцарских банках и в совместные владения в Майами.

«Крисчен сайенс монитор» (ИТАР—ТАСС)

Под лежащий камень вода не течет

По статистике, в России каждый второй гражданин является акционером, а каждый третий держит на руках акции двух-трех фирм. Ценные бумаги приобрести предельно просто: продаются они на улицах, в почтовых отделениях, в подземных переходах рядом с газетными и книжными «развалами». Словом, дело немудреное. Главное — не ошибиться в выборе. В случае неудачи вместо обещанных дивидендов будут настоятельно предлагать купить еще акции, а если владелец ценной бумаги решил ее продать, с этим также возникают проблемы. Объяснения в таких ситуациях приводят разные, но заманчивое слово «ликвидность» приобретает привкус горечи.

В июле на фондовый рынок выпущены в обращение ценные бумаги АО «Супримэкс». Появление на рынке этого эмитента сопровождалось выпуском новой, доселе невиданной в России бумаги. Называется она варрант. В мировой практике варрант выпускается перед началом серьезной кампании — размещением эмиссии. Варрант — своего рода пробный шар и для его владельца, и для эмитента. Эмитент может выяснить, будут ли ценные бумаги пользоваться спросом, а владелец варранта на протяжении всего года размещения эмиссии (в данном случае, с 1 августа текущего года по 31 июля будущего) может выкупить причитающиеся ему акции по номинальной цене. Варрант можно продать, да при этом еще оказаться в прибыли, потому что он растет в цене, как и любая ценная бумага. Удобно, выгодно, тем более для тех, кто «набил шишки» с акциями других компаний и в результате остался ни с чем.

Делать какие-либо предположения, что же в результате будет с фондовым рынком, преждевременно. Разоблачения и арест, обман и демотивации, запреты на рекламу — августовские события стали своеобразной вехой в мире ценных бумаг. На мой взгляд, происходящее

На пресс-конференции АО «Супримэкс».

Слева направо: Олег Коннов, Чингиз Андержанов, Анатолий Горелов

должно было насторожить и, возможно, стоило бы переждать, не выходить на фондовый рынок.

«Супримэкс» заявил о себе не пустыми обещаниями, а с первого шага предложил присмотреться к себе. Присматриваются и до сих пор, но в период падения курса практически всех ценных бумаг акции АО «Супримэкс» не только остались на прежней отметке, но и выросли. Показатель.

Комментарий генерального директора АО «Супримэкс» Чингиза АНДЕРЖАНОВА.

— Российский рынок ценных бумаг пребывает в стадии становления. И, как любой процесс, его развитие сопровождается падениями, ушибами, промахами: пройти этот путь необходимо.

А что касается времени выпуска в обращение ценных бумаг АО «Супримэкс», ответ один: когда-то надо начинать. Рассуждения о несовершенстве рынка ни к какому результату не приведут — под лежащий камень вода не течет. Выход — только действие. Мы прекрасно понимали, что путь будет нелегким: падает доверие к фирмам, не верят обещаниям, растет «черный список» Антимонопольного комитета. Мы взяли на себя смелость изменить отношение к рынку ценных бумаг. Спала пелена соблазна, нужно показать иной путь развития цивилизованного фондового рынка. Нет ничего плохого в том, что люди покупают акции с одной целью — деньги. Раньше практически все принимали во внимание только доходность, делали ставки на большую прибыль, чуть позже обозначилась и началась игра «купил-продал» (на этом также наживали деньги). Теперь начался другой этап — ставки на надежность.

Вот поэтому варрант стал первой ценной бумагой АО «Супримэкс» — проверкой спроса и интереса. Дивиденды, которые будут получать наши акционеры, — 20 процентов годовых

плюс инфляционная компенсация не ниже ставки рефинансирования Центробанка (это составит около 150%).

За несколько месяцев продаж акций АО «Супримэкс» мне не приходилось встречать акции этой фирмы у уличных торговцев, не встречались указатели пунктов продаж АО «Супримэкс».

Комментарий президента управляющей компании «Платан» Анатолия ГОРЕЛОВА:

— Продажа акций АО «Супримэкс» идет через уполномоченных представителей, трансфер-агентов, через фондовые магазины, биржу. Не могут, а главное, не должны продаваться акции в метро. На то и ценные бумаги, отношение к ним должно быть ответственное. Продажу должны осуществлять компетентные лица, которые могут разъяснить любой вопрос, дать квалифицированную консультацию. Каждый должен заниматься тем, что умеет делать хорошо.

Ценные бумаги АО «Супримэкс» рассчитаны на тех, кто думает о будущем: на пенсионные фонды, солидные компании. Помимо продажи акций, варрантов сегодня мы работаем и с опционными контрактами. Предназначены они главным образом для трансфер-агентов.

Что же изменилось за месяц с наибольшим с начала продажи акций, куда пошли полученные средства? Как уже сообщалось, один из проектов — создание линии по производству коттеджей на ДОКЕ «Вологодский». По сведениям, полученным от члена Совета директоров группы компаний «Супримэкс» Олега Коннова, проект начал действовать. Технологи, менеджеры-строители в ближайшее время уезжают в Америку на учебу. А с визитом в столицу и в Вологду из США прибывает президент одной из компаний, которая участвует в осуществлении проекта.

Наталья КОПТЕЛОВА

РЕКЛАМА

Храните ваши денежки на дальних берегах

Как скрывать доходы, не скрываясь от закона

Лариса МАТРУСЕНКО

Жила-была обыкновенная торговая фирма. Дела шли у нее неплохо, да вот беда — налоги совсем задушили.

Однажды директору стало страшно играть с налоговой инспекцией в кошки-мышки. И решил он не пожалеть двух-трех тысяч долларов для создания еще одной компании — офшорной. Не в России, а где-нибудь на Багамских островах. Там налоги вообще не надо платить. Способ вполне цивилизованный, а главное — легальный.

Подсчитал директор возможные доходы и ахнул: прибыльная компания получается! Обычно покупала фирма в Европе джинсы — по двести долларов за партию, в России продавала по четыреста. Примерно сто долларов с каждой партии съедали налоги. А с офшорной компанией совсем иная арифметика. По-прежнему получая товар напрямую из Европы, фирма будет проводить торговые операции через офшор (на

бумаге, разумеется). Западная компания продаст джинсы офшорной — по двести долларов. Офшорная в свою очередь — российской (то есть самой себе) по триста пятьдесят. А российская — по 400, как и прежде. Зато налог с прибыли составит долларов двадцать пять, не больше.

В переводе с английского на русский офшор означает «вдали от берега». Если фирма офшорная, то вдали от родного берега оседает значительная часть ее прибыли. Российский бизнес активно перенимает эту международную практику.

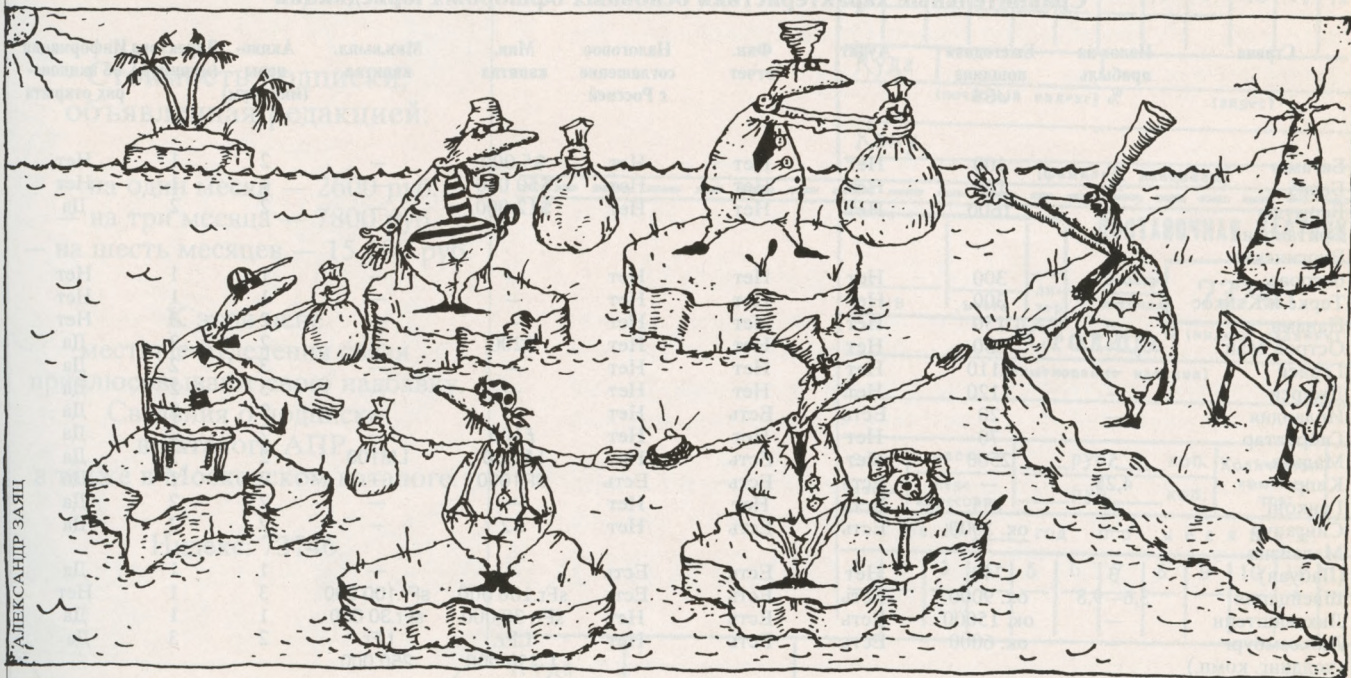
Купить компанию — пара пустяков

Покупка компании где-нибудь на Багамах или в Ирландии не потребует утомительных перелетов и переговоров с местными властями. Главное — понять: а есть ли нужда покупать офшор? На этот вопрос могут ответить только специалисты. И за первую консультацию они, как правило, денег не берут. А выбор на российском рынке услуг по регист-

рации и обслуживанию офшорных компаний уже достаточно широк: здесь работают десятки фирм, которые по уровню обслуживания можно разделить на несколько групп.

Лидирующие позиции занимают представительства крупных иностранных компаний: OCRA, ICSL, UNILINTEX Inc., WINTANA. Следом идут дилеры рангом пониже. Для них продажа офшорных компаний в двух-трех зонах — лишь одно из направлений деятельности. Нередко офшорной торговлей занимаются туристские фирмы — они «поставляют» местным адвокатам клиентов за определенный процент от стоимости сделки. Торгуют офшорами и дельцы-одиночки. Их доход равен разнице между ценой покупки и продажи фирмы. Свой бизнес они стараются «прокручивать» вдали от Москвы, подальше от серьезных конкурентов.

В законодательстве тех стран, где благоприятствуют офшорам, фирмы эти называют компаниями для международного бизнеса. Их сфера

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ

действия — экспортно-импортные операции. В простейших схемах они выполняют роль кошелька, на имя владельца которого открывается счет в западном банке и куда на законных основаниях переводят деньги. Но кроме обычных офшорных торговых компаний существуют аналогичные инвестиционные, холдинговые, судоходные, страховые, банковские. Все они «в ходу» на российском рынке, и многие, вопреки расхожему мнению об утечке капитала на Запад, как раз способствуют сохранению и инвестированию средств в российскую экономику.

Казалось бы, ну кто устоит против столь выгодной «офшоризации» всей страны! Но, скажем, малому бизнесу не всегда выгодно тратить две-три тысячи на покупку офшора. По самым грубым прикидкам он окупается при совершении сделки в десять—двадцать тысяч долларов. Совсем уж ни к чему офшорные компании тем, кто ведет торговые операции только на территории России. Зато крупный капитал старается скрыть «злоупотребление» офшорами от посторонних глаз. Слишком много денег уплывает к дальним берегам.

В странах с развитой рыночной экономикой деятельность офшорных компаний строго контролируется государством. Строго оговорены и правила распределения прибыли между родительской компанией и офшором. А нашей налоговой полицией, не успевающей наводить порядок на собственной территории,

пока не до «чужих берегов». В России, увы, до сих пор нет даже статистики по этому новому рынку услуг...

Как только выбор сделан — где, у кого и зачем купить офшорную компанию, можно спокойно вздохнуть. Все остальное сделает менеджер. Через неделю-две фирма-исполнитель передаст тонкую папку с документами. Среди бумаг будет и свидетельство о владении компанией. Стандартная стоимость офшора — от двух тысяч долларов и выше.

Офшорная компания должна иметь юридический и почтовый адрес, банковский счет. И, если того требуют местные власти, ежегодно проводить финансовую проверку. Эти услуги, именуемые секретарскими, за дополнительную плату тоже предоставляет фирма, торгующая офшорами. Выбор банка происходит на основании нескольких критериев: надежность и солидность, степень секретности банковской информации, уровень банковских тарифов, удобство управления счетом, возможность операций с наличной валютой, получение корпоративной карточки...

«Зоны» бывают приятными

На распространенный вопрос: «Какая офшорная зона самая лучшая?» — нет однозначного ответа. Никто не знает, сколько существует в мире офшорных территорий — эта цифра колеблется от 45 до 215 и зависит от критериев оценки налоговых льгот. Одни специалисты относят к офшорам только безналоговые террито-

рии, другие — допускают налог в размере до семи процентов. С определенной долей условности офшорные зоны по географическому принципу можно поделить на следующие группы: страны Карибского бассейна, острова Мэн, Герси и Джерси, страны Средиземноморья, Швейцария, Лихтенштейн, Люксембург, страны Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона, США. Особый случай представляет Венгрия.

«Офшорная» география заслуживает отдельного серьезного разговора. Но есть несколько факторов, которые стоит учесть, выбирая страну регистрации. Это — налоговый режим и политическая стабильность, юридическая защита конфиденциальности, наконец, имидж государства. Эти критерии находятся между собой в непримиримом противоречии; как правило, чем меньше стоимость офшора, тем сомнительнее репутация места регистрации. Дорогие компании с хорошей репутацией надо покупать в Швейцарии или Лихтенштейне — стоимостью в десять—пятнадцать тысяч долларов. Торговлей, при условии, что имидж не имеет значения, лучше заниматься от имени карибской компании. Страховые дела лучше вести в Барбадосе, банковские — на Вануату. А Либерия и Кипр известны как страны для регистрации дешевого торгового флага.

Большинство покупателей офшоров не понимают, как можно, сидя в России, управлять заморской компанией. На самом деле нет ниче-

Сравнительные характеристики основных офшорных юрисдикций

Страна	Налог на прибыль %	Ежегодная пошлина US\$	Аудит	Фин. отчет	Налоговое соглашение с Россией	Мин. капитал	Мин.выпл. капитал	Акционеры (минимум)	Директора (минимум)	Информация об акционерах открыта
Багамы	—	100	Нет	Нет	Нет	\$5 000	—	2	1	Нет
Белиз	—	100	Нет	Нет	Нет	\$50 000	—	1	1	Нет
Бермуды	—	1600	Нет	Нет	Нет	\$12 000	—	2	2	Да
Британские Виргинские острова	—	300	Нет	Нет	Нет	—	—	1	1	Нет
Теркс и Кайкос	—	300	Нет	Нет	Нет	—	—	1	1	Нет
Панама	—	150	Нет	Нет	Нет	—	—	2	3	Нет
Остров Мэн	—	850	Нет	Нет	Нет	£200	—	2	3	Да
Гернси	—	1110	Нет	Нет	Нет	—	—	3	2	Да
Джерси	—	1120	Нет	Нет	Нет	—	—	3	2	Да
Ирландия	—	20	Есть	Есть	Нет	—	—	2	2	Да
Гибралтар	—	70	Нет	Нет	Нет	£100	—	2	2	Да
Мальта	5	2500	Нет	Есть	Нет	LM500	LM100	2	1	Да
Кипр	4,25	—	Есть	Есть	Есть	CP1000	—	2	1	Да
Гонконг	—	155	Есть	Нет	Нет	—	—	2	2	Да
Сингапур	—	ок. 3000	Есть	Есть	Нет	\$2	—	2	2	Да
Малайзия (Лабуан)	3	740	Нет	Есть	Есть	—	—	1	1	Да
Швейцария	3,6—9,8	ок. 9000	Есть	Есть	Есть	sFr.100 000	sFr.100 000	3	1	Нет
Лихтенштейн	—	ок. 15000	Есть	Есть	Нет	sFr. 30 000	sFr.30 000	1	1	Да
Люксембург (холдинг. комп.)	—	ок. 6000	Есть	Есть	Нет	LFr. 1 250 000	LFr. 250 000	2	3	Да

го проще этого. Главное — понять, как работать с банковским счетом. В сущности, управление компанией происходит на двух уровнях. На первом, административном, все проблемы решает фирма, у которой куплена компания. Она, по желанию клиента, предоставляет секретаря, а тот обеспечивает связь с местными властями. На втором уровне — назовем его содержательным — работают непосредственно владелец компании, совет директоров или уполномоченные лица. Они-то и заключают контракты и управляют счетом компании.

Офшорная компания и банк устанавливают «правила игры». Например, совет директоров передает банку специальный документ, в котором указаны лица, имеющие право подписи под банковскими документами. А документы эти поступают в банк по факсу, телетайпу, почте. Можно даже позвонить и дать устное распоряжение. Но банк снимает с себя ответственность за работу с поддельными документами и ложными звонками, которые часто поступают из России. Чтобы предотвратить подделку, владельцы компании придумывают специальную таблицу кодов. С ней знакомы только руководитель фирмы и менеджер банка.

И последние станут первыми?

Недавно в России появилась собственная офшорная зона — на территории Ингушетии. Ингушетия считается, пожалуй, одной из самых неблагоустроенных республик. Четвертая часть жителей — беженцы, более половины граждан — безработные. Деревни заброшены, нефтяные скважины мертвы, нет собственной промышленности. Экономические советники президента Ингушетии Руслана Аушева подсказали ему нестандартный — по российским меркам — выход из тупика: объявить республику зоной экономического благоприятствования, где регистрируемые предприятия освобождаются от местных налогов. Российское правительство поддержало начинание и приняло решение: выделить Ингушетии очень своеобразную бюджетную ссуду.

Как известно, российские предприниматели платят налоги и в бюджет Российской Федерации и в бюджет республик, входящих в состав России. Ингушетия для привлечения предпринимателей отказалась от причитающегося ей налога. Предприятия, фирмы, компании, зарегистрированные в республике, платят только российский налог. А из

него Ингушетия и получает выделенную правительством России ссуду. В этом году ссуда должна составить сто пятьдесят миллиардов рублей, в следующем — пятьсот и в 1996 году — триста миллиардов. Деньги эти — не подарок. Ингушетия будет возвращать их в течение пяти лет под десять процентов годовых.

Чтобы обезопасить себя в этом рискованном эксперименте, правительство России разрешило регистрацию только 150 тысяч предприятий. Все они имеют финансовый юридический адрес: город Назрань, Дом правительства. А реально могут находиться в любой точке Российской Федерации.

В Москве открыт офис финансовой корпорации «БИН», представляющей интересы правительства Ингушетии в российской столице. Проще говоря, «БИН» продает офшоры в Ингушетии. Стандартный срок, необходимый для регистрации предприятия, — три дня. Уставный фонд — не меньше двух с половиной миллионов рублей. Регистрационный сбор составляет около четырех тысяч долларов, ежегодная плата за продление регистрации — почти три тысячи долларов.

Открыта подписка на журнал «СТОЛИЦА»

на I полугодие 1995 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:

- на один месяц — 2600 руб.
- на три месяца — 7800 руб.
- на шесть месяцев — 15 600 руб.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.

Сведения о подписке в каталоге АПР, а также в Московском каталоге.

Индекс: 73746

Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
"Столица" (индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов:

на 19 **94** год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка

ПВ место литер на газету журнал **73746**
"Столица" (индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество комплектов: руб. коп.

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому

Купил акцию? Защищайся!

После выхода в свет указов правительства о защите потребителей от недоброкачественной рекламы и о защите прав инвесторов на рынке финансовых услуг создалась конфликтная ситуация, которая может нанести ущерб прежде всего потребителям — так считает Александр Аузан, президент Международной конфедерации обществ потребителей (Конфоп).

Из-за прекращения заранее оплаченной рекламы некоторых финансовых компаний образовались огромные суммы ущерба, которые средства массовой информации оплатить не в силах. И если эти компании обратятся в суд, то деньги придется выплачивать из карманов налогоплательщиков. «Мы не против контроля за рекламой. Информация должна быть достоверной», — сказал господин Аузан. — Однако ответственность за неправомерные действия правительства несправедливо перекладывать на плечи налогоплательщиков».

Главное требование Конфоп — предоставить вкладчику возможность осмысленного выбора. То есть он должен иметь представление о надежности тех или иных фирм на рынке. Но указ о защите прав инвесторов открытости не прибавил. Более того — он отдал на откуп государственным органам и регистрацию, и лицензирование. В перечне фирм, которые Конфедерация сегодня считает ненадежными, есть и такие, которые прошли государственную регистрацию, получили лицензию. Но никто из них не спешит открывать на всеобщее обозрение свою финансовую отчетность.

В конце лета ряд компаний, среди которых популярные в народе «Тибет» и «РДС», приостановили свои операции, мотивируя это тем, что они подали документы на банковское лицензирование, но до сих пор не получили ответа. В данной ситуации, по мнению Конфоп, было бы разумнее отменить указ о защите прав инвесторов. А требование о необходимости банковского или страхового лицензирования заменить на другой способ регулирования — более эффективный.

По мнению Александра Аузана, во всем виноваты банки. Из каждой строки указа «торчат» их интересы. Банки проиграли схватку за доверие населения и теперь берут реванш, используя свое влияние на правительство.

Что же делать? Необходимо срочно принять закон о защите прав потребителей финансовых услуг. Он должен содержать всего несколько позиций. Например, какая информация о деятельности представителей финансовых услуг должна быть общедоступна? Какие наказания влечет за собой уклонение участников финансового рынка от сообщения этой информации? Какие конкретно механизмы могут использовать потребители для того, чтобы получить информацию и наказать тех, кто ее не предоставляет?

Светлана КАРТАШОВА

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

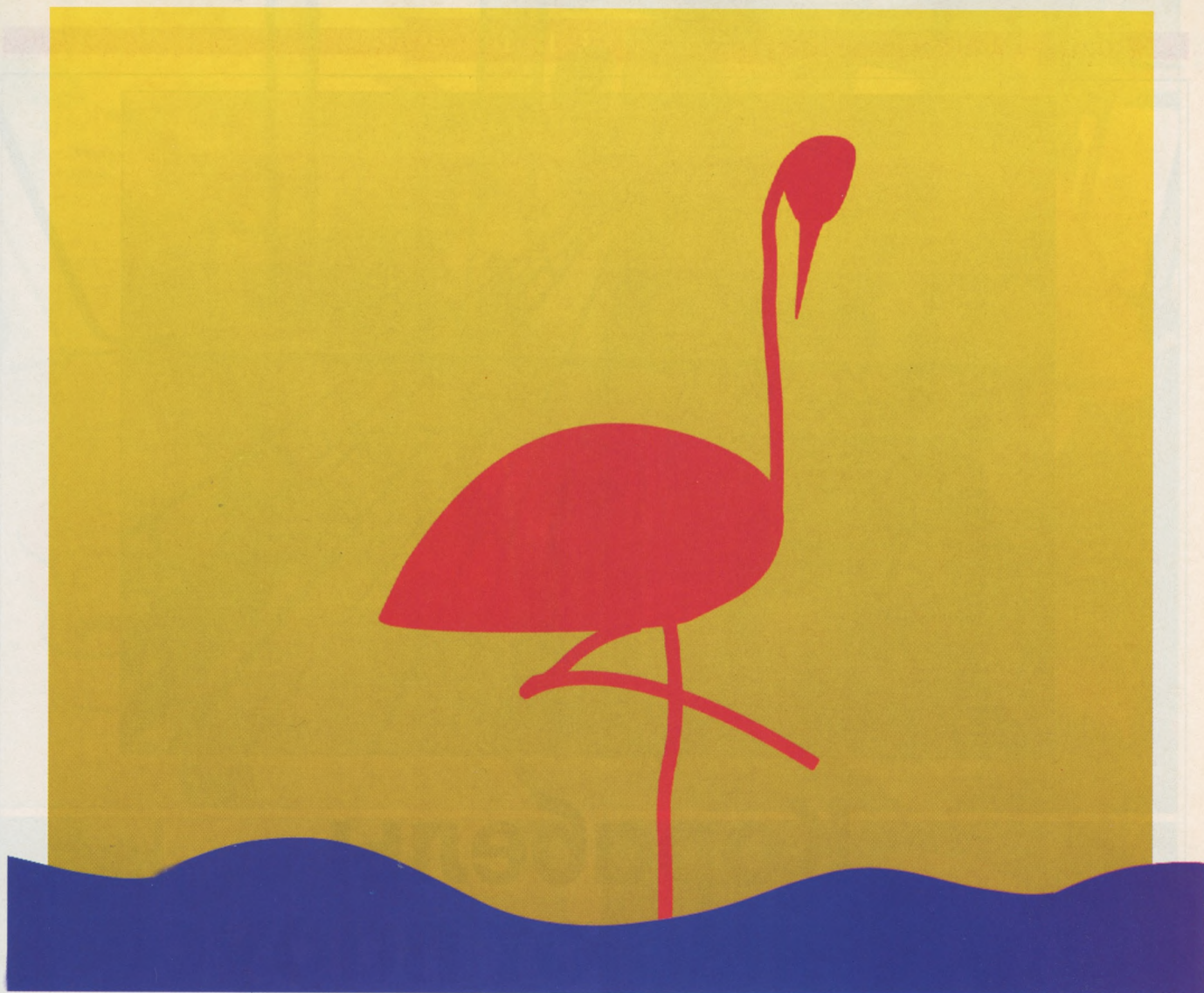
На абонементах должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементах проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемента выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

MIAMI NONSTOP. once a week

Полет через Хельсинки с удобными стыковками

Москва - Майами

Майами - Москва

Вылет в 16.25

Вылет в 23.40

Прилет в 21.50

Прилет в 21.35 (на следующий день)

Один раз в неделю начиная с 02.11.94

На самолетах компании **ФИННЭЙР**

Камергерский пер.6, Москва, 103009

Тел. 292-87-88, 292-17-52, 292-33-37 Факс: 292-49-48

Корабелы поднимают паруса

Необычная экспедиция
по древнему торговому пути

Все началось с Коломенского. Благословенный покой здешних мест был нарушен: откуда-то появился на реке двухэтажный дебаркадер, застучали топоры, завизжала пила. И вроде дух самого царя Петра стал частенько сюда навеваться... Оказалось, здесь должна родиться целая казачья флотилия. А первое ее судно уже готово — это казачий струг XVII века.

...Год назад в Коломенском учредили Морской подростковый клуб «Петрокорабел». А нынешним летом юные корабелы стали участниками историко-этнографической экспедиции по древнему Волго-Балтийскому торговому пути в Санкт-Петербург. Хотелось опробовать струг в плавании, но дойти на веслах до Питера было нереально. А потому решили погрузить струг на

верхнюю палубу теплохода «Антарес», предоставленного экспедиции Московским детским речным пароходством. С тем чтобы спустить струг на воду в Петербурге.

И вот наконец все на борту. Заплетены косички, украдкой положена в сумку еще одна пачка конфет... Прощай, Коломенское! Впереди — месяц приключений.

...После шумной и суетливой столы Углич показался удивительно тихим и провинциальным. Однако покой был нарушен, когда на угличский берег высадился десант юных московских корабелов. Одетые в матросские робы, незнакомцы двинулись на штурм местной бани: после вахты так хочется смыть с себя усталость!.. А вахты приходилось стоять каждый день: драить па-

лубу, мыть котлы и тарелки на камбузе, мешками чистить картошку, качать помпой воду в цистерны, спускаться в адски шумящее машинное отделение, красить и доконопачивать струг...

Провожал Углич колокольным звоном. Играли «Славься...». И большие белые теплоходы у причала словно примолкли, слушая дивную музыку, которую издавали такие большие и неуклюжие с виду чугунные колокола...

В дни Международного фестиваля парусных судов Петрозаводск напоминал английский Портсмут: на волнах Онежского озера покачивался поморский «Святитель Николай», норвежские яхты «Виктория» и «Эдита», английская «Бриллю», российская шхуна «Онега», принадлежа-

щая петрозаводскому Клубу юных моряков...

У пристани ошвартовался «Ковчег Одиссеев» — баржа, переоборудованная в плавучий культурный центр. Заглянули туда и наши путешественники. В брюхе у «Одиссея» было шумно и весело, как у самого дьявола морского: кто-то плясал, кто-то подпевал разудалому карельскому фольклорному ансамблю, выступавшему на сцене, а кто-то просто устроился за деревянным столом и, потягивая светлое пиво, мысленно уносился в далекие петровские времена, славившиеся такими же буйными вечеринками. Но петровские времена славилась и своими морскими традициями. И когда, день спустя, состоялась парусная регата по маршруту Петрозаводск — остров Кижь, петрокорабель стали ее участницами.

А после регаты наслаждались тишиной заповедных Кижей, запахом цветущих трав, отведали ухи, приготовленной на костре. Наутро, после ночевки в старинном деревянном доме, состоялся веселый фольклорный праздник...

...В Санкт-Петербурге свершилось долгожданное: «Князь Игорь» был спущен на воду. Теперь ему предстояло испытание, поход по маршруту: Александро-Невская лавра — Зимний дворец. Вычерпана со дна вода, неизбежно проникающая через обшивку любого нового деревянного судна. Надеты пухлые оранжевые спасжилеты. Все расселись по банкам. «Весла — на воду!»

Можно держать пари: до этого момента по Неве на казацком струге не плавал никто. Вот проплывает снежно-белый, с золотыми куполами красавец Смольный... Финляндский вокзал... Серая «Аврора», скучающая на вечно приколе... Гулко отдаются голоса под низкими сводами каменных мостов. Сплошной стеной домов тянется Дворцовая набережная...

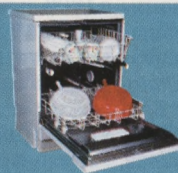
Кто-то, приехав в Москву, будет вспоминать развод мостов в светлом Петербурге. Кто-то припомнит древний Белозерск с его великолепными храмами и земляным валом. Кто-то взахлеб будет рассказывать друзьям о старинных позеленевших монетах и медалях, найденных на берегу Новой Ладogi...

А ветер уже готов надувать паруса новых путешествий. Счастливого плавания!

Наталья АЛЯКРИНСКАЯ

Фото Анатолия ЖДАНОВА

Отдыхайте! АМО делает все за Вас

АМО предлагает:

- стиральные машины для больших и маленьких кухонь
- холодильники NO FROST
- посудомоечные машины
- электро- и газовые плиты, печи СВЧ
- специальные моющие средства и многое другое

Гарантии на все товары – 3 года.

SING JORGIO OCEAN sital Candy ASKO smeg BOSCH

АМО

Справки и заказы: 344-99-99

Автозаводская ул., 5. Тел. 275-43-14

Каширское ш., 57, корп. 2. Тел. 344-66-04

Графский пер., 4/9 (пр-т Мира). Тел. 287-37-09 Тихвинская ул., 3. Тел. 258-70-37

Самый большой маленький колледж

Владимир ВОЙНА

Боудуэн колледжу нынешним летом исполнилось двести лет. Расположенный в городе Брансуик (штат Мэн), у побережья Атлантики, этот колледж считается одним из самых престижных в США. Конкурс в этом году — 3651 абитуриент на 415 мест, причем сюда подают документы лучшие из лучших выпускников школ.

На краю земли?

Слава учебного заведения — это прежде всего известность его выпускников. Боудуэн колледж выпустил в свет президента США (Франклин Пирс), двух великих писателей — Генри Лонгфелло и Натаниэла Готорна, знаменитого путешественника — покорителя Северного полюса Роберта Пири и его сподвижника, тоже адмирала, Доналда Макмиллана.

Джеймс Боудуэн Второй, в честь которого назван колледж, был губернатором Массачусетса (до 1820 года Мэн входил в этот штат на правах округа), героем Американской революции и ученым-любителем. Его сын, Джеймс Боудуэн Третий, дипломат и коллекционер произведений искусства, после смерти отца подарил колледжу тридцать акров принадлежавшей семье земли, да и штат вместе с городом Брансуиком выделили неиспользуемые общественные земли на продажу, чтобы на вырученные средства расширить этот участок (колледж занимает территорию площадью 110 акров). И в 1802 году Боудуэн принял первых студентов.

Город Брансуик (21 тыс. жителей, основан в 1628 году), в котором находится колледж, известен тем, что здесь заканчивалась «тайная железная дорога», по которой сторонники отмены рабства переправляли беглых рабов с плантаций Юга на Север, вплоть до Канады. Сохранился дом, где находилась последняя станция этой тайной, или «подземной» дороги. Есть и еще один памятник архитекту-

ры середины прошлого столетия. Сейчас здесь уютная гостиница и ресторан, вполне в стиле XIX века, а когда-то дом принадлежал профессору Боудуэна (и его выпускнику 1825 года) Кальвину Бичер-Стоу и его супруге, которая в свободное от домашних хлопот время написала великую книгу — «Хижину дяди Тома»...

Словом, Боудуэн колледж находится в стороне от больших городов. До Бостона — два с половиной часа автобусом или на машине, железнодорожная же ветка давно бездействует за ненадобностью. Одно из живописных, излюбленных туристами мест на берегу океана неподалеку от Боудуэна носит название «На краю света». Однако городок этот неизменно оказывался связанным с мировыми событиями, с ветрами странствий.

Покоритель Северного полюса (в 1909 году) геодезист ВМС США Роберт Пири, произведенный за свои заслуги сразу в адмиралы, не потерял связь со своей альма-матер, куда попала часть материалов его экспедиции. Доналд Макмиллан продолжал свои арктические исследования до 1954 года — на борту шхуны «Боудуэн», которую он сам спроектировал для дрейфов во льдах. На ней обычно можно было найти студентов Боудуэна, тоже влюбленных в Арктику.

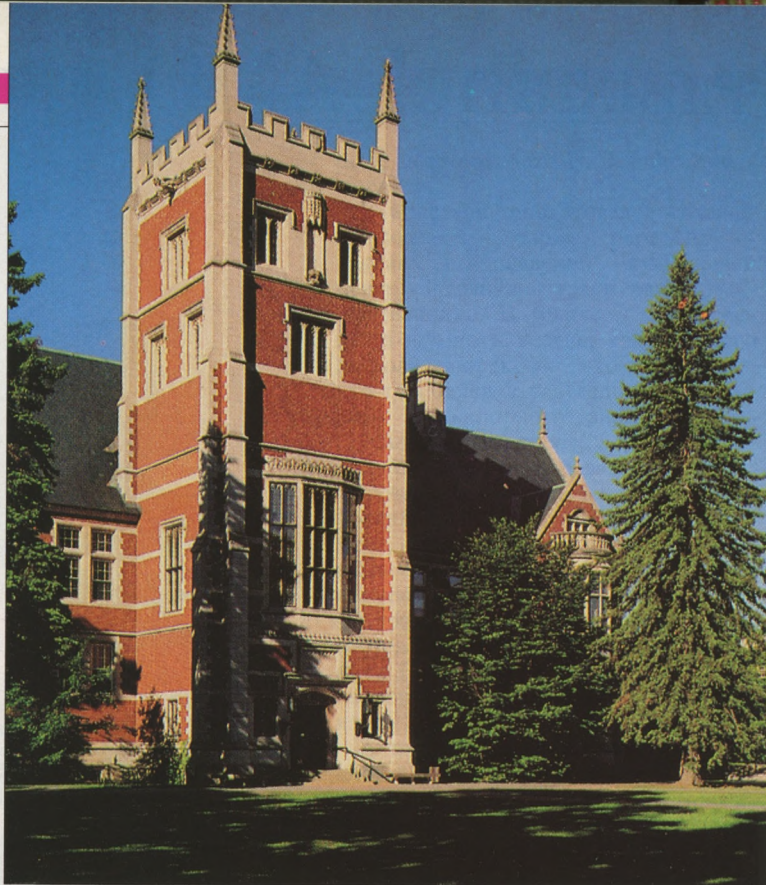
При колледже существует (с 1985 года) Центр арктических исследований, с Арктикой связана и эмблема Боудуэна — белый медведь.

Вообще же, путешествия «на край

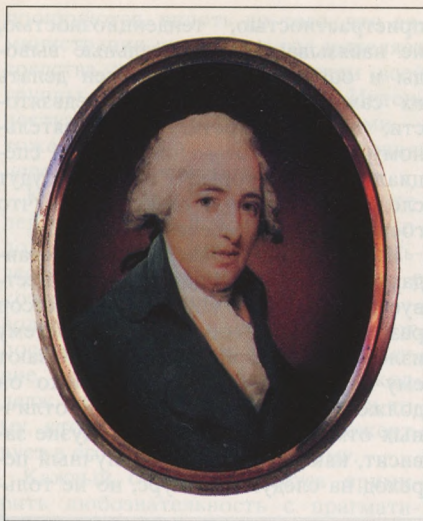
Земли» — почти неперемнная часть образования: третьекурсники Боудуэна проводят по обмену один или два семестра в других высших учебных заведениях, иногда в США, но чаще в Европе или Азии, а то и в Африке, Латинской Америке, изучая чужие цивилизации, языки, культуры. Причем каждый студент может составить собственную программу и отправиться в выбранные лично им дальние края. Неизменны годовые поездки студентов, специализирующихся на изучении России, в Москву, Петербург, Ярославль, Магадан.

А, например, коллекция Музея изобразительных искусств Боудуэн колледжа состоит из 12 тысяч работ известных американских и европейских художников, произведений античного и восточного искусства, а главное, богатой подборки рисунков старых мастеров. Первым сделал щедрый дар в эту коллекцию Джеймс Боудуэн Третий в 1811 году, затем собрание пополнялось заботами выпускников и покровителей колледжа. И сегодня невозможно изучить, например, творчество Уинслоу Хомера или Роквелла Кента, не познакомившись с находящимися в этом музее их картинами и архивными документами.

Что же до прямых контактов с миром политики, спорта, искусства, науки, то и политики, и ученые, и общественные деятели, музыканты, актеры — из первого ряда! — сами охотно приезжают к студентам в Боудуэн — выступить, провести семинар, занятия... Благо есть площадки для

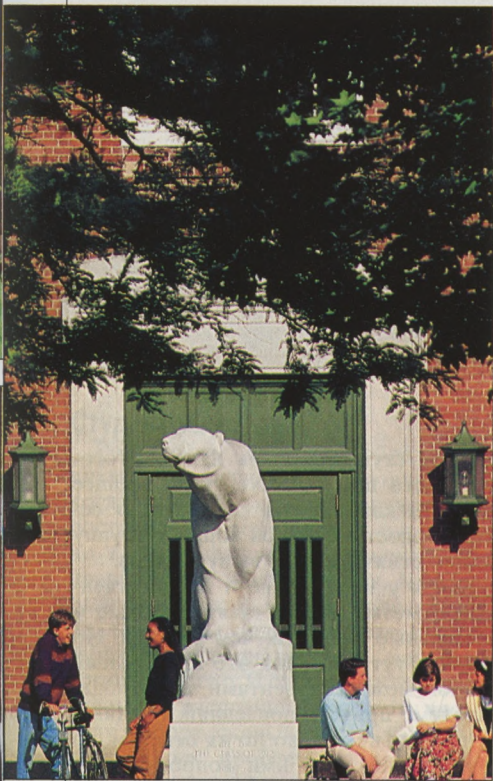

Хаббард Холл — одно из самых старых зданий колледжа

Портрет Джеймса Боудуэна III, написанный в 1804 году, хранится в Музее изобразительных искусств колледжа

Белый медведь — эмблема Боудуэна

выступлений: крытый стадион с ледовой ареной, вмещающий 2600 зрителей, баскетбольный зал на 2000 мест и замечательный театральный зал на 600 мест.

Деньги — товар — деньги

Но ни прошлые заслуги, ни выгодное расположение на карте не гарантируют успех деловому предпринятию.

А в Америке высшее учебное заведение — это прежде всего деловое предприятие: платишь деньги — покупаешь товар, в данном случае — знания. И чтобы поддерживать высокую репутацию в условиях жесточайшей конкуренции на рынке знаний, нужно постоянно подтверждать качество этого товара. Чем более успешную карьеру делают выпускники, тем убедительнее слава колледжа.

Известна закономерность: чем меньше учеников у учителя, тем продуктивнее результат. Продолжительность учебы в любом колледже четыре года, и на каждом курсе в Боудуэне занимаются более четырехсот студентов (третий курс, как мы помним, в разъездах). Получается, что весь кампус, где столько разных по назначению построек, где библиотеки вмещают 800 тыс. книг и есть бассейн с 16 дорожками, и 8 теннисных кортов, обсерватория, 16-этажная башня (жилой дом для студентов и профессоров) и соревнующаяся с ней по высоте горделивая церковь середины прошлого века, много учебных корпусов и общежитий, словом, весь этот автономно живущий город расчитан... на 1300—1400 студентов?!

Даже для Америки это мало. Но традиция недаром закрепила за Боудуэном славу «самого большого маленького колледжа». Подготовка студентов здесь «штучная», соотношение числа обучаемых и обучающихся (менее 12 студентов на одного педагога) оптимальное — с точки зрения эффективности обучения. При таком раскладе обзорные лекции посещают примерно 150 студентов, какие-то занятия собирают по 20 слушателей, а какие-то рассчитаны всего на 7—8 человек.

Но за это и платить надо. Образование здесь ежегодно обходится почти в 25 тысяч долларов, что сопоставимо с платой за учебу, например, в Гарварде.

Помимо оплаты за саму учебу (18 тысяч) 7 тысяч долларов уходит на проживание в удобном общежитии (или в арендованной квартире, или в частном доме), медицинское обслуживание, великолепное питание в столовой. Учатся здесь большей частью дети родителей, принадлежащих к среднему и высшему классам. Хотя это, как мы убедимся ниже, вовсе не правило.

Богач, бедняк...

В студенческой среде Америки не часто увидишь лоботряса, сидящего на шее родителей. По достижении 18 лет полагается перейти на «самообеспечение». К тому же редко у кого из молодых людей есть желание учиться в том городе, где живут роди-

тели, оставаясь под их опекой и продолжая испытывать денежную зависимость: детство кончилось! Студенты обычно работают, чтобы оплатить свою независимость и свободу, так принято.

Чаще всего это работа в самом колледже: в столовой и в книжном магазине, в лабораториях, в библиотеках, в обширном хозяйстве Боудуэна, причем преимущественное право получить место имеют студенты из небогатых семей. Работают и вне колледжа, и во время каникул: объявления в студенческой газете Боудуэна рекламируют места, позволяющие за два летних месяца заработать до 8 тысяч долларов.

Правительство США поощряет работающих студентов, приплачивая им вознаграждение за счет госбюджета; оно также во многих случаях берет на себя выплату процентов по денежным займам, о которых пойдет речь чуть ниже. На программы помощи студентам ежегодно расходуются миллиарды долларов. Зато не привились здесь привычные нам стипендии, которые — в теории по крайней мере — должны освободить студента от необходимости работать. В Америке считают, что ничто так не способствует обретению чувства ответственности, ранней самостоятельности, как совмещение учебы с работой.

Но остается вопрос: можно ли при неполном рабочем дне и «трудовых каникулах», обходясь без помощи родителей, самостоятельно заработать и выплатить 100 000 долларов за четырехлетнее обучение? Нет, конечно. Одни выходят из положения за счет родительской помощи (все-таки!), другие берут деньги в долг, чтобы потом погасить его частями, из будущей высокой зарплаты специалиста. «Одолженная» сумма, обрастая процентами банковского кредита, увеличилась бы по прошествии лет весьма существенно, если бы не помощь студенту от государства: разницу оно берет на себя, отдавать придется ровно столько, сколько взял в долг.

Ну а тот, кто отслужил в армии, вообще освобождается (за счет Управления по делам ветеранов, то есть государства) от платы за учебу; это, собственно, и привлекает многих после средней школы пройти воинскую службу.

Для студентов из малоимущих семей есть и другие льготы: наиболее талантливых освобождают от платы за обучение, им останутся только заработать на общежитие и питание, что реально; они могут получить грант или именную стипендию... Если велика тяга к науке и есть способности, высшее образование получиши

вне зависимости от имущественного ценза: сорок процентов студентов Боудуэна полностью или частично освобождены от платы за учебу! И еще одна красноречивая цифра: в Америке две трети выпускников средней школы получают высшее образование...

Приемная комиссия Боудуэна сообщила, что в новом году помимо американцев в колледже будут учиться молодые люди из 21 страны; на 22 процента увеличивается доля небелых студентов (а конкретно прошли конкурс 32 черных, 106 японцев, 47 латиноамериканцев, 8 американских индейцев).

Но не все выпускники и не любого колледжа сразу найдут хорошую работу. Происходит «конкурс аттестатов» — чем престижнее колледж, тем легче после него найти место. Иными словами, более высокие расходы на образование в Боудуэне должны окупились: что посеешь, то и пожнешь.

С полной отдачей

Студенты работают не считаясь со временем. Скажем, в прошедшем учебном году каждый вторник группа, изучающая русскую культуру, смотрела очередной фильм, который заканчивался в девять вечера, а то и в десять, и тут же студент садился за компьютер — по свежим впечатлениям написать сочинение, на несколько страниц, и утром представить его на суд профессора. Схалтурить, списать, отложить знакомство с книгами на период сессии не получается: занятия построены так, что постоянно проверяется усвоение материала, идет диалог с педагогом, в который вовлечены все. Занудных лекций, на которых можно отсыпаться после ночных гулянок, тут не читают...

Я спросил у Стаса, приехавшего в Боудуэн по обмену из университета в Нижнем Новгороде, как он расценивает интенсивность учебы здесь и дома. Его ответ: десять «верхних» процентов, самых серьезных и успешных студентов в Нижнем Новгороде, не отличаются от студентов в Боудуэне, занимаются с тем же напряжением, зато остальные девяносто процентов нет даже смысла сравнивать с американцами — эти занимаются куда серьезнее!

В ежегодно переиздаваемом перечне учебных дисциплин, из которых студент Боудуэна должен выбрать те, что ему по вкусу, значится примерно 750 курсов: на свободном рынке не должно быть ничего «в обрез». Если на занятия никто не записался, их отменяют. Преподавателю, конечно, это идет в минус. И потому каждый педагог старается привлечь студентов необычностью тем, оригинальностью постановки проблемы.

Вообще, все занятия должны быть увлекательными, основанными на ярком иллюстративном материале. Профессор тщательно продумывает не только научную аргументацию, но и то, как он рассмешит слушателей анекдотами и шутками, как внесет дух состязания, игры... Учиться интересно. Зато труднее преподавать.

В конце семестра каждый преподаватель раздает студентам своей группы опросные листки, чтобы те оценили занятия с разных сторон. Иными словами, не только педагоги ставят оценки студентам, но и наоборот! Профессор собирает листки и передает их с кем-то из ребят в администрацию; заглядывать в листки он не имеет права. А вот сводные данные

пристрастностью, тенденциозностью, не навязывают окончательные выводы и оценки: студент должен делать их сам. Студента учат непредвзятости, объективности, самостоятельному мышлению — кому нужны специалисты, которые всегда будут следовать лишь той точке зрения, что господствует в обществе, в науке?

Никто не навязывает педагогу стандартную методику, да ее и не существует, поскольку каждый профессор разрабатывает собственную систему изложения материала. Не навязывают ему и того, как, кому и сколько он должен поставить хороших и отличных отметок. А от них в Боудуэне зависит, как и у нас, благополучный переход на следующий курс, но не толь-

Здание Музея изобразительных искусств было построено к столетнему юбилею колледжа

предаются огласке, и каждый профессор знает, чего он стоит в глазах своих студентов. И эта оценка немало влияет на то, сколько будут преподавателю платить в новом учебном году.

Учителя и ученики

Но если колледж доверяет самостоятельности студентов, он в еще большей степени полагается на независимость профессоров.

Их в Америке отличает не просто профессиональное умение, но и широта взглядов, суждений, оценок: страстная приверженность одной системе взглядов, одной идеологии или «партийной линии» полностью дисквалифицирует педагога. Никого не интересует, во что он верует в свободное от работы время, за кого голосует на выборах, кто он в душе — консерватор, либерал, коммунист, расист. Однако колледж должен быть уверен, что его уроки не окрашены

ко: для студента очень важно итоговое место при выпуске, позволяющее при поисках работы сообщить о себе с гордостью, что он вошел в группу самых отличившихся выпускников.

Как и у нас, плохие и посредственные отметки чаще ставят молодые и неопытные педагоги, чем светила. Но вот что тут иное, так это постоянный диалог между студентами и преподавателем, причем последний оценивает первых не только по их ответам, но и по задаваемым ими вопросам: чем они «труднее» (для ответа) и необычнее, тем, следовательно, ребята больше работали и думали над материалом. Иной раз урок похож на игру, на конкурс: кто задаст самый трудный вопрос? Так, кстати, легче запоминается материал.

У студентов Боудуэна много возможностей и для неформального контакта с профессорами — на кафедре или вне колледжа. Такие контакты

поощряются, вплоть до того, что администрация пару раз в год выделяет средства на обеды с участием всей группы дома у профессора. Интеллектуальная близость между ними — тоже старая академическая традиция: перед наукой все равны.

Кстати, на занятиях среди слушателей встречаются и люди отнюдь не молодые, подчас в возрасте «за восемьдесят», как, например, Ли Рассел, с которой я хорошо знаком. Они — вольнослушатели, экзамены не сдают, посещают занятия в свое удовольствие, денег с них не берут, хотя колледж не откажет в благодарности тому, кто, подобно Ли Рассел, пожертвует в его фонд какую-то сумму.

Каждый студент пытается примирить любознательность с прагматическим подходом: понадобится ли ему тот или иной предмет в будущей профессии? Но существует еще и увлеченность посторонними, не относящимися к делу вещами — театром, музыкой, балетом, живописью, литературой (к примеру, в Боудуэне есть курс писательского мастерства, курс драматургии).

Есть в колледже свой студенческий театр «Маска и мантия». Ребята ставят Шекспира и Мольера, мюзиклы, а то и пьесы своего сочинения. За год 11 постановок, из них три крупномасштабные. Идут занятия по актерскому мастерству, режиссуре, драматургии.

Есть тут камерный (25 голосов) «Хор Боудуэн колледжа», симфонический и духовой оркестры и джаз-ансамбль «Полярный медведь», струнный квартет и квинтет духовых инструментов, маленький вокальный ансамбль «Скола канторум».

Студент ищет себя

Российская система образования чревата трагедиями и потерями — когда студент вдруг обнаружит, что поступил не в тот институт или неверно выбрал факультет, изменить, как правило, уже ничего нельзя. Как исправить ошибку? Кто-то бросает учебу, но чаще люди становятся никому не нужными специалистами, ненавидящими свое дело. И само общество дорогой ценой распахивается за эту несвободу выбора, скрываящую таланты.

Подобных проблем не знает американская система образования. Сам платишь — сам выбираешь (пользуясь советами прикрепленного наставника — есть такой у каждого студента) круг предметов, по ходу дела меняя, если надо, направление, первоначально выбранную профессию. Первые два года уходят, скорее, на общие, обзорные дисциплины, специализация происходит потом. И тут нет жесткого деления студентов на факульте-

ты и учебные группы, можно посещать занятия на любом факультете и отделении — по договоренности с администрацией. Не нужно в Америке «заканчивать два вуза», но можно получить «два высших образования», соединив, скажем, математику с... балетом. Или биологию с социологией. И получить документ, подтверждающий, что ты в обеих сферах профессионал.

За четыре года учебы студент должен пройти не менее 32 зачетных дисциплин. По основной специализации («мэйджор») — восемь дисциплин, непосредственно относящихся к данной науке, плюс две близкие к ней и две — «смежные». Итого — двенадцать. У студента еще целых двадцать зачетных дисциплин, которые он может «потратить» на удовлетворение собственной любознательности: учи что угодно, к чему душа лежит! И, может быть, вторая специальность со временем станет первой?

У студентов не бывает двух одинаковых расписаний: программы индивидуальные, как индивидуальные люди. Нагрузку по дням недели, по семестрам и учебным годам поможет здраво распределить прикрепленный к студенту «каунсилор», советчик, профессиональный педагог. Но последнее слово всегда за тем, кто учится.

Да, наши педагогические системы разнятся во всем, налицо полное несоответствие самой идеи образования. И не в том дело, какая из них и в чем именно лучше: признано, например, что точные науки (особенно математику) многие из выпускников в России знают лучше, чем их американские сверстники.

Советская система предполагала более узкую специализацию, американская отдает предпочтение пусть более поверхностному (углубление произойдет на рабочем месте, путем до- и переподготовки), зато более широкому, творческому подходу, основанному на разнообразии воззрений и культур. «Читать критически, писать эффективно, говорить ясно и страстно, поступать конструктивно» — такими несколькими старомодными формулами определяет Боудуэн колледж то, чему он хочет научить студента. Немного как будто бы... Знания? Они приложатся!

У студентов в Америке стойкие демократические убеждения, и разброс мнений по множеству вопросов не затрагивает основы основ, солидарности в оценке тоталитаризма, насилия, свободы и рабства: они никогда не подпишутся под апологией коммунизма или фашизма. И потому за всем происходящим сейчас в России они следят не любопытства ради, близко к сердцу принимая события в далекой стране.

Вспоминаю занятие студентов-

политологов, которое проводила профессор Марша Вейгле. Оно было посвящено итогам декабрьских выборов в России, размежеванию сил в Думе. Была предложена игра: студенты имитировали открытие Думы, речи лидеров думских фракций — «Женщин России» и коммунистов, демократов и националистов; выступали «Ельцин» и «Жириновский»... Все были невероятно увлечены и, войдя в роли, выступали с пафосом, убедительно. Подспудно проверялось знание и понимание материалов прессы, истории России, политологии вообще. Но я еще видел и другое: им невероятно интересна Россия.

Право на свободу

О студенческом самоуправлении можно писать много, но суть в том, что каждый мечтающий о карьере общественного деятеля, политика старается получить первую закалку в годы учебы. Нужно собрать не менее 50 голосов для того, чтобы выставить свою кандидатуру на выборах в студенческую ассамблею, орган самоуправления. Предвыборная кампания напоминает в миниатюре «большую политику», а работа ассамблеи — деятельность законодательных органов штатов или же конгресса США.

В колледже действуют шестьдесят политических и общественных организаций, иногда весьма экзотичных, с нашей точки зрения.

Каждый студент при поступлении ставит свою подпись под двумя кодексами — академической чести и правил поведения. Там четко определены, в частности, критерии плагиата. За этим в Боудуэне следят весьма бдительно, и, когда студент в курсовой работе «передирает», ему грозит даже исключение. Такой случай произошел в минувшем учебном году: молодой человек, уличенный в плагиате и исключенный за это на год, не захотел признать себя виновным, даже подал в суд (обычный, не студенческий). Потом, однако, понял, что огласка и подмоченная репутация для него не только не выгодны, но и дело тут заведомо проигрышное. И отозвал иск. Больше учиться в Боудуэне он не будет.

Объясняя принципы, регулирующие поведение студентов, действующие правила подчеркивают, что студентам не навязывается какая-то определенная мораль: каждый сам выбирает себе моральные нормы, следуя, скажем, предписанию своей религии, культуры, системе домашнего воспитания и так далее. Но при этом он обязан уважать интересы других людей. И правила поведения в Боудуэне весьма строги.

Брансуик, штат Мэн

Россия без гимна

Дмитрий БЫКОВ

Государственного гимна у России нет.

Объяснений тому много. Недавно в качестве герба нам возвращен двуглавый орел; если вдуматься, для современного государства это довольно сомнительный символ, особенно на фоне разговоров о том, что Россия — страна мутантов. Когтистое двухголовое чудовище вряд ли способно олицетворять миролюбие, но в одном отношении герб России идеален: он искони символизирует двойственность российской истории и географии. Одна голова смотрит на Восток, другая — на Запад, один глаз — в Арзамас, а другой — на Кавказ. Сегодняшние головы должны бы выклевать друг другу глаза. Двойственность остается неотъемлемой чертой российской политики и местного сознания. С одной стороны, России необходима новая патриотическая идеология со всеми приметами державности; с другой — орел около десяти лет клюет с западной ладони, терзая собственную печень чувством вины за такой рацион.

Двуглавых гимнов не бывает. Будущему автору российского гимна (конкурс объявлен, но рвения не наблюдается) придется угодить обеим головам, скользя между сциллой шовинизма и харибдой низкопоклонства. Поскольку сама Россия еще ни в каком отношении не определилась, а лучшие умы нации избегают разговоров о том, совместима ли демократия с державной идеологией, вместо гимна у нас фигура умолчания: «Патриотическая песня» Глинки, песня без слов, да и вся наша жизнь — песня без слов, видимость.

Интерес к геральдике, в том числе недавнее гулянье вокруг нового герба столицы, свидетельствует об откате, стабилизации, отвердении жизни. Без официальной концепции патриотизма со всей ее внешней атрибутикой нормальное государство построить нельзя: может быть, среднему интеллигенту и приятно болтаться в воздухе, но для гигантской страны такая подвешенность невыносима. Стране нужна песня, при звуках которой все могут вставать и испытывать кратковременный прилив слез и восторгов. Почвенничество и беспочвенность — эти две головы российского орла в их сегодняшней модификации суть равно отталкивающие крайности: да и потом, голова головой, но туловище у всякой уважающей себя птицы должно быть едино.

Гимн — вещь нежная: он легко уносится ветром перемен. В особенности это касается текста. Россия обзавелась гимном сравнительно поздно: долгое время его роль играла патриотическая песня «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс» — на стихи Державина и музыку Козловского. В 1833 году по заказу Василия Жуковский сочинил «Боже, царя храни!» на музыку Алексея Львова. Пикантная ситуация в том, что до 1917 года у России было не много ни мало три гимна, исполнявшихся в зависимости от ситуации. «Боже, царя храни!» — гимн основной, народный, для гуляний, торжеств и гимназических построений. Существовал и собственно государственный гимн, ныне совершенно забытый, — «Коль славен наш Господь в Сионе», переложение псалма на музыку Бортнянского. Именно этот гимн играли кремлевские куранты. Наконец, царская семья имела нечто вроде собственного гимна, олицетворявшего российскую монархию, — финальный хор «Славься» из «Жизни за царя» на музыку Глинки и стихи Кукольника. Этим гимном встречали представителей царствующей фамилии, когда они удостоивали своим посещением то или иное мероприятие. Как видим, самодержавие, правослаvie и народность имели по песне.

После 1917 года возобладали космополитический «Интернационал»: старик Пьер Дегейтер, создавший эту действительно могучую музыку, присутствовал на параде в Москве и услышал свою песню 1888 года в качестве гимна. Во время Великой Отечественной войны произошел очередной и вполне объяснимый откат к державности (с тех пор понятия «патриотизм» и «коммунистическая идейность» слились нераздельно). Потребовался гимн патриотического толка. Мелодия была написана еще

до войны: более быстрая и бравурная, она служила красноармейским маршем. В ночь на новый, сорок четвертый год гимн впервые прозвучал по радио. Косметически модифицированный в конце семидесятых, он остался неизменным до начала перестройки. Любопытно, что одна из правок семидесятых годов не вызывалась конъюнктурными соображениями, но отражала изменение самого качества жизни: в первоначальном тексте припева было «Счастья народов надежный оплот» — впоследствии стало «Дружбы народов». Счастья, видимо, стало меньше, а дружбы вследствие этого — больше.

Обратимся к чужому опыту. В ситуации безгимнья до сих пор существует большинство бывших республик — так, украинцы довольствуются мелодией песни «Ще не вмерла Украина», но текст, за явной националистической окраской, не утверждает. Гораздо оперативнее оказались страны Балтии. Но им и легче, их патриотизм не только не связан с имперской идеологией, но прямо противопоставляется ей благодаря печальному опыту оккупации. Государственные гимны вообще бывают трех типов: абстрактно-патриотические, в духе мирной пейзажной лирики; политические или идеологические, наиболее скоропортящиеся; наконец, проникнутые чувством национальной ущемленности, переходящей в исключительность. Для России желателен максимально расплывчатый синтез всех трех типов, чтобы никто не обижался и все вставали как один. Маленьким государствам довольно и одной модификации.

От гимна Эстонии веет покоем, как от анекдота про горячих эстонских «парней». Текст был сочинен в 1868 году пастором, просветителем и поэтом Йоханом Вольдемаром Яннсоном (1819—1890). Портрет его дочери, эстонской поэтессы Лидии Койдуллы, каждый состоятельный эстонец может видеть на стокроновой купюре. Первые строфы гимна звучат универсально:

«Моя Родина, мое счастье и радость, как ты прекрасна! Никогда не найди мне здесь, на огромной Земле, ничего милее тебя, моя Родина. Ты меня родила и воспитала, тебя благодарю я всегда и останусь тебе верен до смерти, ты мне милее всего, моя дорогая Родина». Если все это облечь в чеканные русские ямбы, Россия вполне могла бы воспользоваться этой матрицей, которая в силу своей декларативности и общепонятности равно удовлетворила бы космополита и патриота. Третья строфа, пожалуй, у нас не пройдет: «Пусть Бог тебя хранит, моя любимая Родина. Пусть он будет твоим заступником, и пусть будет благословенно все, что ты ни предпримешь, моя дорогая Родина». Наша дорогая Родина предприняла и предпринимает столько чудесного, что просить Божьего благословения на каждый ее очередной зигзаг было бы неосмотрительно.

Гимн Литвы был написан журналистом, писателем и естествоиспытателем Винкасом Кудиркой и впервые опубликован в литовском журнале «Колокол» в 1898 году. С 1918 по 1944 год он служил символом Литовской республики, после чего до 18 ноября 1988 года существовал под глухим запретом. «Литва, наша Родина, страна прославленных героев! Пусть сыны твои черпают силу из нашего славного прошлого. Пусть дети твои всегда идут по пути добродетели, и пусть твое благо совпадает с благом всего человечества!» (Прекрасные слова, но как мало они подходят для гимна России: что русскому здорово, то остальному миру карачун.) Пусть любовь к Литве вечно горит в наших сердцах, и пусть наше единство крепнет во благо Родины!» Положим, призыв к единству более чем уместен в национальном гимне, но в наших сегодняшних условиях он прозвучал бы непросительным примиренчеством, особенно после пакта о национальном ненападении.

Радикалов куда больше устроил бы мексиканский национальный гимн — безусловно, самый экспрессивный и длинный в мировой практике (32 строки с четырехстрочным припевом). В художественном отношении этот текст много выше традиционных официозных песнопений, но в смысле политическом он

устроил бы только крайних — как слева, так и справа; в нем слышится горячее дыхание пустыни и пылкий латиноамериканский темперамент: «Мексиканцы, наполните клич войны сталью и твердостью! Многократно дрожат самые основы Земли от грохота пушек. О Родина, да увенчают твое чело оливковые ветви, и чудный архангел мира да снизойдет к тебе, начертав в небесах Божьим перстом твою вечную судьбу! (Некоторое логическое противоречие между трясущимися основами Земли и оливковыми ветвями, но дальше все объяснится.) Припев: «Если и надумает коварный враг осквернять стопой твою землю, — помни, о дорогая Родина, что небо в каждом сыне дало тебе солдата!» (Похвальные поиски национального единства на почве общего врага.)

«Война, война без передышки тому, кто попытается запятнать лик Родины! Война, война им, подонкам! (Столь сильных выражений не знает ни один национальный гимн.) Война, война в горах и в долинах, грохот ужасных пушек — и эхо, многократно повторяющее слова: *Союз и Свобода!*»

По совести говоря, этот гимн с его благородным гневом и столь же благородным трехстопным анапестом мне как поэту особенно мил и дорог. Но его пугающая боевитость во времена национального примирения как-то не идет к нашей политике — по крайней мере, к ее фасаду. В очередной раз приходится жертвовать поэзией во имя государственных интересов.

Попробуем обратиться к опыту стран бывшего соцлагеря. Символично, что в большинстве стран Восточной Европы гимн остался неизменен! Дальновидные европейцы избркали в качестве национальной песни пейзажные, почти пантеистические тексты и умиротворенные мелодии. Необычайно мил **гимн Болгарии** — он так и называется: «Милая Родина». Не великая, не любимая, — но именно милая, слово-то какое домашнее! Этим опытом не худо бы воспользоваться, чтобы не менять гимн каждые полвека. Я не буду перелагать этот текст своей корявой прозой — кириллица у нас общая: «Горда Стара планина, до ней Дунава синей. Слънце Тракия огрява, над Пирина пламеней. Родино! Мила Родино! Ти си земен рай! Твойта хубост, твойта прелест — ах! те нямат край!»

Во втором куплете, правда, речь идет о народном благе и борцах за него, — но, во-первых, большинство болгар знает только первый куплет с припевом, а во-вторых, борцами за народное счастье гордо именуют себя все, тем более что ни один народ пока не сформулировал внятно своих представлений о счастье. Другое дело, что назвать сегодняшнюю Россию земным раем можно лишь в припадке особенно горького сарказма, — гимн будут петь с кривой усмешкой и порушат всю церемонию. А жаль! Может, имеет смысл называть свою Родину земным раем, чтобы это сбылось? Тем более что и чехи так поступили.

Гимн Чехословакии состоял из двух независимых песен, игравшихся и певшихся с незначительной паузой, — теперь чехи ограничиваются первой половиной гимна, написанной Йозефом Каетаном Тылом для пьесы «Фидловачка» в 1834 году. Этим гимном Чехия пользуется с 1919 года — ни революция, ни пражская весна, ни бархатный переворот 1986 года не поколебали его. Эта нежная элегическая песнь, по мнению самих чехов, идеально подходит для малой страны: «Где Родина моя, где реки протекают по лугам, в горах шумят леса, в садах богатый урожай и все напоминает рай? Это прекрасная страна, чешская земля, дом родной.

Где Родина моя? В краю, милом Богу, — о, крохотная душа в бодром, деятельном теле! (А у нас нет и быть не может ничего крохотного!) Мысль ясная и деловая, успех и удача, способность постоять за себя — все это славная земля чехов, среди чехов мой дом!»

От этого гимна нам годилась бы только первая строка — «Где Родина моя?»

Не знаю.

У меня несколько Родин. Первая — гигантская, недораспавшаяся Империя, полагающаяся в числе своих заслуг именно этот гигантский масштаб — символ доблести предков, неуклонно расширявших территорию. Это Родина кваса, валенка и «Катюши», — к каждому из этих понятий по отдельности я отношусь с нежностью, но в сумме они производят удручающее впечатление. Мы не знаем Родины как дома — только Родину как абстракцию, которую надлежит (заметим директивность!) изучать, лю-

бить и ставить превыше всего. А где абстракция во главе угла — там моему дому не место. Вторая моя Родина — язык и культура, русская проза и русский стих, тоже вечно мечущиеся в поисках почвы. Есть и еще одна Родина — пейзаж, улица, дом, семья; но гимном такой Родины давно уже служат авторские песни и рок-баллады, которые никак не годятся на роль государственного гимна. Россия распалась на несколько малых родин — есть еще колонизируемая страна «новых русских», но она не нуждается ни в гимне, ни в народе.

Может быть, стоит обратиться к идеологизированным государствам с жесткой патриотической концепцией? Их на карте пока хватает: возьмем Ирак. Приблизительный перевод национального **иракского гимна** таков: «Ирак — родина цивилизации (не моя, не твоя — бери выше). Мы научили мир земледелию и культуре. Ирак — славная страна, древняя страна, страна вождей. Наша земля богата и плодородна, на ней все обильно произрастает». Далее Ирак сравнивается с огромной птицей, раскинувшей мощные крылья. Пейзажная тема отсутствует вовсе. Попытки Ирака научить мир культуре слишком известны. При всех амбициях наших патриотов эта песня чрезмерна даже для них, — хотя у баркашовцев уже есть гимн «Русский порядок», венчающийся двустушием:

*Ведь в мире должен быть один порядок,
И он по праву русским должен быть!*

Автор этого гимна, двадцатидвухлетний юноша, был недавно сбит машиной. Обстоятельства его гибели интерпретируются патриотической прессой, естественно, как явные приметы наемного убийства. О мертвых — или хорошо, или ничего. Я только хочу подчеркнуть, что идея единого мирового порядка, которому мы можем научить остальных, пустила прочные корни в новой патриотической поэзии. Родины слонов Россия уже была — теперь будет родиной цивилизации.

Пример крайне идеологизированного гимна являет **гимн Ирана**. Его текст иранское посольство перевело для меня даже в рифму (низкий поклон):

*Солнце Востока озарило земли стран.
Истинная вера души просветила нам.
Нам вера и символ величия веры — Бахман.
Смысл всей нашей жизни — призыв твой к свободе, имам!
Призыву тому жизнь вручили наказ времени дан.
Славься, исламская республика Иран!*

В этом гимне поражает причудливое сочетание идеи свободы — и вместе с тем тотальной подчиненности единственно истинной вере. Как видим, между Сциллой и Харибдой приходится проскальзывать не нам одним. В каком-то смысле подобным компромиссом был прежний гимн СССР: в нем державность обнималась с коммунизмом, а свобода — с партией.

Любопытно вышла из положения **Германия**: едва ли многим известно, что «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес», сочиненная в прошлом веке Хоффманом фон Фаллерслебеном, остается государственным гимном объединенной страны! С той только разницей, что первые два куплета прочно запрещены — настолько нагло, что средний немец их не помнит. Зато третий признан пригодным и в самом деле устраивает всех: «*Согласие (единодушие), права и свобода — германскому Отечеству! Будем же к этому стремиться по-братски, соединив сердца и руки. Согласие и право на свободу — залог счастья. Припев: Прощай в блеске своего счастья, процветай, германское Отечество!*»

Этот выход вполне подошел бы и нам — никто не мешает адаптировать «Интернационал» к мирным условиям. Я не удивлюсь, услышав его где-нибудь в Дворянском собрании, тем более что слова «А паразиты — никогда» вполне приложимы к партии и иным коллективным собственникам. Следует только произвести косметические изменения:

*Лишь мы, присвоившие право
Продукт фабричного труда,
Владеть землей имеем право,
А паразиты — никогда!*

Далее по тексту.

Подобная операция легко может быть произведена с гимном СССР, тем более что идея Великой Руси снова взята на вооружение — правительство и президент откровенно заигрывают с имперской идеологией. А наиболее радикальные западники склонны полагать, что мы не выдерживаем даже конституцион-

ной монархии и жаждем абсолютизма, который вскоре и получим — не под красным, так под трехцветным флагом. И скоро всех будет устраивать такой примерно текст — обтекаемый, торжественный и в меру туманный:

*И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Мой верный товарищ, махая крылом,
В больших сапогах, в полушубке овчинном
Кровавую пищу клюет под окном!
Славься, Отечество наше свободное!*

*Только не сжата полоска одна.
Партия Ленина, сила народная —
Грустную думу наводит она!*

Здесь присутствует вся атрибутика русской государственности: орел, кровавая пища, полушубок овчинный и вечно несжатая полоса (на этот раз в ее несжати повинны коммунисты).

А нужен ли России вообще государственный гимн? Обязательно. Я, например, по нему ужасно ностальгирую. Соберемся, бывало, сейчас в компании, захочется попеть, — ну-ка, братва, какую песню знают ВСЕ? Государственный гимн Советского Союза. И, ненавидевшие когда-то эту музыку до дрожи (особенно те, кто под нее просыпался и шел на работу ли, в вуз ли), — поем с надрывом, почти без иронии: «Са-аюз нерушимый республик свободных...»

Гимн сакрален повсюду. Например, чтобы получить гимн Анголы, надо послать в посольство письменный запрос, там свяжутся с правительством (!!!) и дадут (или не дадут) разрешение. Да и сотрудники других посольств передавали мне текст гимна, как родители передают любимое и балованное дитя в военное училище: не обижу ли, пойму ли всю исключительность ребенка... Завидую: у них есть Родина.

Не могу сказать, что я люблю державную Россию. Мне очень ее жалко. У меня к ней сейчас нежные чувства. Сострадание, например, и смутная вина. Так что гимну нашему, по-моему, надлежит быть сострадательным, тихим и очень домашним.

Не вина наших публицистов, что в слове «патриот» им аукается слово «погром». Так было. Но поднимать визг при упоминании о русском патриотизме, честное слово, не стоит. Без патриотизма (который, безусловно, придется отмыть) в государстве жить невозможно. Это не имеет никакого отношения к державности, к изучению «истории родного края», к патриотизму как доктрине. «Но люблю эту бедную землю, потому что иной не видал» — вот идеальное отношение к Родине. Нам пора перейти с ней на ты.

В этом смысле трогательна попытка Евгения Евтушенко написать новый национальный гимн — гимн, примиряющий с Родиной. Получилось не слишком убедительно, несколько напыщенно и прочая. Дорога здесь эта, пусть неуклюжая, попытка нащупать интимную, частную интонацию в разговоре с Родиной и объединить нас на почве общего «мы», — но нам уже пора объединиться не на сомнительной почве национальной гордости, а на пространстве общей печали. Строчки «Родились мы на свет в самой снежной, но и в самой нежной стране» — явно расходятся с действительностью. Знаем мы эти нежности.

Увы, возрождение патриотизма идет у нас все больше по казенной линии. Борис Ельцин и придворные идеологи мало склонны к частному, доверительному общению с народом. Любовь к Родине у нас чрезвычайно идеологична: призывают любить демократическое отечество, используя при этом демократию исключительно в качестве клишированной вывески. И любовь эта становится такой же фикцией, какова и наша демократия.

В наших празднествах все больше унылой помпезности, как в торжествах типа «Русская зима». Имперская идеология отвергается и приветствуется одновременно. Отвратительная провинциальность, сусальная духовность и натужный историзм в духе школьного краеведческого музея — вот наш патриотизм. Так что идеальным образцом национального гимна остается текст петербургской поэтессы Нонны Слепаковой, сочиненный пять лет назад:

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Дружбы народов надежный оплот!
Боже, царя храни!
Славному долги дни!
Пусть к торжеству коммунизма ведет!*

Усатый-полосатый демократ из Белого дома

Пожалуй, на единственном обитателе Белого дома никак не отражается накал царящих вокруг политических страстей. Родился он, вероятно, в Литл-Роке. Его возраст — приблизительно 4 года. Дату и место рождения точно никто не знает, так как он не блещет знатностью происхождения. Зато его политические симпатии хорошо известны — явный сторонник демократов. Ежемесячно в его адрес поступает 150—200 писем. Для особо любопытных дополнительная «информация к размышлению»: кастрирован. Любимая книга — «Сокс едет в Вашингтон» (на сегодняшний день продано более 70 тысяч экземпляров).

Речь идет о любимце президентской семьи Соксе. Еще его называют «первым котом Америки»... Понятно, что он не страдает от недостатка внимания к своей персоне. Напротив, ему посвящаются газетные статьи, публикации в журналах и даже книги. Не счесть фотографий, сделанных ведущими репортерами страны, и кадров кинохроники. Возможно, о нем скоро появятся видеофильмы или компакт-диски с записью его голоса. Во всяком случае, все это очень пришлось бы по душе его поклонникам. А таких, судя по всему, немало.

Сразу после президентских выборов 1992 года был создан клуб почитателей Сокса. Его основатель, консультант управления по защите окружающей среды Джин Уинд, печалится только об одном: официальная эмблема этого общества, проходящая обычное утверждение в недрах бюрократического аппарата, из-за волокиты может появиться на свет вместе со сменой хозяина в Белом доме. Сейчас общество любителей Сокса активно внедряет на американский рынок футболки, бейсбольные кепки, сумки, игры, брелоки и много всякой прочей всячины с изображением своего кумира.

С МИРУ ПО НИТКЕ

Захмелевшая корова опасна для футбола

В последнее время в Кении уже несколько матчей футбольного первенства не были доиграны до конца: то футболисты не согласятся с решением арбитра, то болельщики устроят дебош. А вот поединок в городе Малакиси, на западе Кении, сорвала... захмелевшая корова.

Встреча между местным

клубом и командой из Ньюта была в самом разгаре, когда на поле вдруг выскочила разъяренная корова. Она принялась гоняться за бросившимися врасыпную игроками, судьей и болельщиками, норовя поддеть их рогами.

Секрет агрессивности обычно мирного животного оказался прост. Кто-то из болельщиков видел, как незадолго до начала матча корова с явным удовольствием поела выброшенные на мусорную кучу близ стадиона отжимки сахарного тростника, из которого приготавливают местную самогонку — «камасифва».

Хмельного запала буренке хватило ненадолго. Через несколько минут, изрядно «перепыхав» земляное поле и попугав собравшихся, она «проветрилась» и направилась на ближайшую зеленую лужайку закусить свежей травкой.

Пигмеи садятся за школьные парты

Пигмеи Конго вскоре сядут за школьные парты. Отложив в сторону луки и копья, эти прирожденные охотники будут учиться писать и читать, постигать правила игры в футбол и волейбол. В районе Сибити, близ города Пуэнт-Нуар, полным ходом идет строительство учебного комплекса для низкорослых обитателей тропических лесов.

Эти «дети джунглей» до сих пор живут по законам первобытно-общинного строя, скрываясь в труднодоступной чаще от неожиданных встреч с «цивилизацией». Не секрет, что они часто подвергаются притеснениям и дискриминации со стороны соседних племен банту, не говоря уже о «приобщившихся к культуре» жителях деревень и городов.

Инициатива создания учебного центра на лоне природы исходит от миссионеров евангелистской церкви, которые рассчитывают облегчить процесс адаптации пигмеев к современной жизни. Священнослужители планируют возвести десять учебных зданий, четыре стадиона: для футбола, гандбола, волейбола и баскетбола. На территории комплекса предусматривается создание медицинского центра, установки для очистки воды. Электроэнергию должны вырабатывать солнечные батареи. На эти цели по линии гуманитарных и религиозных организаций выделено более 6 млн французских франков.

Пигмеи, занимающие особое место среди символов конголезской экзотики, оказались в стороне от современной жизни из-за самоизоляции и труднодоступности мест обитания. Из 11 тысяч маленьких людей, проживающих, согласно данным последней переписи, в районе Сибити, лишь 20 человек посещали школу. Только один из тысячи пигмеев пользовался услугами врачей, несмотря на то, что они почти повально заражены различными тропическими болезнями.

Страдания печатной прессы

За последний год южноафриканцы стали значительно меньше читать периодические издания и слушать радио, но больше смотреть телевизор. Согласно опубликованным здесь последним статистическим данным, электронные средства массовой информации постепенно вытесняют традиционные газеты и журналы. Причем эта тенденция особенно заметна среди черного населения.

Первенство по-прежнему удерживает еженедельная газета «Санди таймс», которая расходуется тиражом порядка 2,4 млн экземпляров. Но и она за последнее время потеряла около 10 процентов читателей. Аналогичная картина наблюдается и с наиболее популярными среди африканцев ежедневными газетами «Соуэтан» и «Сити пресс».

Но самый тяжелый удар пришелся на все без исключения журналы — от общественно-политических до чисто развлекательных. Их тиражи упали в среднем на 20—25 процентов.

Вместе с тем продажа телевизоров, особенно дешевых моделей, переживает настоящий бум. Не говоря уж о фешенебельных больших районах, телевизионные антенны в африканских поселках растут как грибы после дождя. Даже в лагерях бездомных над лачугами из гофрированного железа, досок и картона нередко можно увидеть незамысловатое приемное устройство.

Однако этот явный прогресс совсем не радует издателей периодики, которые в основном существуют за счет доходов от рекламы. А ее объем прямо зависит от тиражей. Поэтому неудивительно, что по настоянию редакторов газет и журналов данные проведенного исследования были «положены под сукно» и стали достоянием гласности лишь благодаря утечке информации, организованной, как утверждают, все тем же телевидением.

Афера века

Он был «авторитетом» в уголовном мире. А сегодня эпитет кровавые «разборки» — не дежес сфер влияния, а Божье предупреждение таким, как он.

Встретил приятеля-журналиста. «Тут в одном издательстве книжку дали, — рассказывает, — хотели, чтоб рецензию опубликовал. Какой-то уголовник, авторитет из Минска, напечатал за свои деньги. Я отказался, естественно, — чепуха какая-то: зона, мама, Бог, менты плюс словарь блатного жаргона». «Написал, наверное, тоже за свои деньги?» — говорю. Посмеялись. Книжку он мне дал — «Леонид Менский. Ад. Записки грешного человека», сделана неплохо, на глянцевого обложке смерть в облике симпатичной медсестры. Позвонил издателю: «Автор сейчас в Москве, встретиться с ним можно. Но он ведь съехал» на православии, никакого криминала из него теперь не вытащишь — все больше экзистенциальные рассуждения о смерти... Ну, приезжайте, попробуйте».

Так я познакомился с Леонидом. «Менский» — псевдоним. В белорусском криминальном мире он был хорошо известным человеком. Даже слишком хорошо. В этой консервативной республике со старыми застойными порядками даже преступность долго не хотела меняться, придерживаясь прежних «добрых» воровских традиций. Рассказывает Леонид Менский:

«В Белоруссии раньше воров «в законе» не было. Были только авторитеты по лагерю». В местах лишения свободы я провел в общей сложности около 8 лет, я 1959 года рождения. Первый раз еще «на малолетке». Могилев, Львов, Таллин. Где только не сидел — судим 5 раз. Статьи разные были: 143-я, часть 2, грабеж с разбоем, 201-я — хулиганство, 141-я, часть 2, карманное воровство, 187-я, часть 2, сопротивление властям. Была государственная кража. Нанесение

тяжких телесных повреждений — ножевое ранение — доказать не смогли и не осудили.

В 1992 году мысль у меня зародилась — написать книгу за воровской мир. Я был безграмотен в духовной жизни, меня обуревало тщеславие. Не мог праведно зреть, а рассуждал своим убогим умом. Пришел к друзьям в одну редакцию, говорю: «Надо, ребята, за воровской мир написать. Вот, вернусь из-за границы — напишу». О себе хорошего сказать ничего не могу. Я вел беззаконную жизнь и у нас в стране и за границей, в Польше. В Польшу мы — несколько белорусских группировок — «высадились» первыми из Союза. Был 1990 год. Крутили наперстки, «ломали» занимающихся валютным обменом. Были грабежи, разбои, угоны — то, что делали в Минске, привезли в Польшу. Рэкетом не занимались. Наша «бригада» держала Краковское и Катовицкое воеводства, часть Варшавы. Из Союза никто не мог приехать туда «работать» без нашего согласия. Все подчинялись воровским законам, все было спокойно, польские криминальные деньги шли в общак и «грели» российские зоны.

И тогда Господь меня пресек. В варшавском госпитале от простого внутримышечного укола у меня вдруг произошла клиническая смерть. И я попал в ад. И понял, что не имею воли — не могу никуда пойти, ничего сделать, не имею права двигаться... там был страх нечеловеческой природы. И Господь не пустил мою душу дальше, вернул ее. Представляю, как бы она там мучилась.

Я начал винить себя за то, что не ожидал смерти. Выжил — и начал ждать ее каждый день. Смерть приходила ко мне каждую ночь, я начал колотиться, плотно сел на наркотики. По-другому я не мог скинуть этот страх, не имел опоры, ничего не знал. Так просел, что чувствую — беда. Решил,

что, когда вернусь в Минск, — все брошу. И случилось необъяснимое — я бросил наркотики, резко перестал курить и пить. Правда, ночами я практически не спал. Когда я умер, демоны меня звали вниз, туда, к себе. Но голос сказал мне: «Борись!», и я вернулся для этого.

Я уходил от дел постепенно, сразу не получалось. Было трудно, но с Божьей помощью нет ничего невозможного. И начал предупреждать своих: «Остановитесь, скоро начнется смерть». Тогда еще не было сегодняшних разборок. Я чувствовал беду для нас всех, ощущал, но не мог понять. «Ребята, прекращайте все дела, — убеждал я их, — будете убивать друг друга, будет беда всем русским и в Польше, и здесь». Никто меня не слушал — тогда умирали разве что от наркотиков и несчастных случаев. И вот наконец поехали первые гробы из Польши, начались выстрелы, взрывы — все это с конца 1992 года.

Это мы здесь плотским мудрованием считаем: «Вот, они там дерутся, делают сферы влияния...» А это ведь нас Господь предупреждает: «Остановитесь, уйдите от беззакония!» Скольких мы сейчас отпеваем — встречаемся только на похоронах. Наши гордость, тщеславие, леность... сребролюбие... Человек считает, что все — ерунда, что источник истины для него закрыт. Но ничего нельзя забрать с собой туда — наши дела, дома, деньги остаются здесь. А большая часть жизни отдается именно этому. «Я сам знаю, что делать, сам умею верить» — это самонадеянно, это нельзя.

Недавно один мой друг почувствовал беду. Приезжает ко мне. Он человек скрытный, ничего конкретно не рассказывает, просто: «Леник, мне плохо, Бог меня предупреждает». Я сказал ему, чтобы он шел в церковь и исповедался. Он обещал пойти завтра... Так вот, он утром выходит из дома — а ему ночью подкладывают управляемую пластиковую мину. Он выходит, она взрывается. Он не должен дальше жить, это невозможно! А он жив, и до сих пор, только покалечил ногу. Но во многих моих друзей стреляли — и они уже не возвращались. Они обещали друг другу, постоянно, что пойдут, но не ходили. У меня погибло за два последних года 90 друзей. Большинство — до 37 лет. Все из моего круга общения.

Я понимаю — не может человек, даже поняв свое греховное состояние, сразу уйти от всех страстей. Мир соблазнов огромен, особенно сейчас. Я понимаю тех людей, которые не могут уйти от этих дел, знают, что погибнут, но не спасаются...

Да, ребята-журналисты постара-

лись какой-то бестселлер из моей книги сделать. Мне все это не слишком нравится, ведь я задумывал ее, еще будучи слепым. Многие переменялось в моей жизни за эти два года. Насчет книги я в свое время задавал вопросы священнику — и мне тогда не понравилось, что он мне ответил. Это потом я уже понял, что он прав. Человек должен исцеляться духовно. А моя книга — дань моему прежнему тщеславию. Я хотел, чтобы меня похвалили, сказали, что я делаю хорошее дело, говорю «за воровской мир»... Что такое литературный труд? Что я могу, невежественный человек, написать? Ничего... А смерти наши будут до тех пор продолжаться, пока не одумаемся. Мне всех наших ребят, кто еще жив, — жалко. А сколько я сгубил, тех, которые под моим началом работали и говорили: «Леник, мы хотим быть, как ты». Я никого не обвиняю, кроме себя. Я еще раз хочу им сказать, что есть ад. И если они все не оставят — хорошего им ждать не приходится...

Господь удержал меня тогда от ворот в Польшу. Соратники хотели закинуть меня в «Мерседес» и насильно увезти — это когда я еще не совсем укрепился в своем желании «завязать». Они думали, что мне это поможет вернуться к «нормальной жизни». «Леник, ты задумал аферу века», — говорят многие в Минске. Милиция тоже еще наблюдает, не верит».

P.S. «Все-таки сознание у него осталось уголовное, — сказал мне потом один его знакомый. — Книжки отпечатали в Минске, надо было везти в Москву — он купил два грузовика, не стал даже заказывать. Негде было их хранить — не арендовал, а тоже купил здесь небольшой домик. В Польше ведь в день имел до 1000 долларов лично себе. Имел свою долю в каком-то русском бизнесе в Штатах... Много чего про него рассказывают. С ним в Москву приехал один — минские авторитеты послали «помогать Ленику книжки продавать». Когда-то у него была мощная фигура с бычьей шеей — так рассказывают друзья. Сейчас он много постится, исхудал, отпустил бороду. А когда волнуется — начинает заикаться. Руки перебирают четки.

Мы втроем едем по Москве. «Девятку» Леонида в сутолоке машин кто-то цепляет. Слышится скрежет. Провинившийся водитель тормозит, оборачивается, готовый обороняться. Леонид улыбается, прикладывает руку к сердцу: «Ничего, ничего, брат». Человек ничего не понимает. «Леня, а что бы ты с ним сделал года три назад?» — смеется издатель. Леонид не реагирует на его веселый смех и продолжает вести машину.

Записал Алексей ЮРЬЕВ

Москва — как маленький Кавказ

В Москве действуют четыре кавказские преступные группировки

Николай БАХРОШИН

Ну почему же «маленький», думаю, спросят многие, оскорбленные в законной гордости за нашу большую, бестолковую столицу. Ответу. Потому что на Кавказе их все-таки больше. Тех, кого здесь называют «лицами». По национальному признаку.

Нет, это не моя шуточка. Это тоже с Кавказа. У нас шутят по-другому. Чаще уже не шутят. Поток беженцев, торговцев, рэкетиров, хлынувший в Россию со времен «новых кавказских войн», обострил отношения между солнечным югом и озлобленным севером до предела терпимости, и чем все это кончится, остается только предполагать...

Для меня этот репортаж начался с одного застольного разговора. Человек, купивший в Тульской области домик в деревне, жаловался на засилье там кавказцев. Мол, кем только они там не работают, а многие вообще не работают, скупают на корню богатые черноземные урожаи и везут их дальше, на Урал, в Сибирь, в северные районы. Делают бизнес, так это теперь называется. Другими словами, скупают за гроши, продают втридорога, раскатывают на «мерседесах» и

плюют русскому крестьянину в его широкое лицо со следами бывшего гостеприимства.

Не правда ли, ситуация знакомая до боли? Что там Тульская область, совсем не надо забираться в провинцию, чтобы это увидеть. Центральные московские улицы, безликие шлакоблочные окраины. Столики, киоски, магазинчики. Помидоры, цветы, сигареты, ананасы... Бери, дорогой, деньги есть — все бери, ничего не жалко. Нет — пошел на фиг. И снова длинные ряды расцветченных импортными этикетками киосков. Сколько у нас официально богатых? Правильно, остальные — злые.

«Заполонили все!» Теперь к этому безотнотельному лозунгу прибавляется еще и попытка политического анализа. Свою, мол, землю разорили бесконечными войнами, теперь сюда пришли. Тоже грабить. Я вспоминаю, сколько интереса вызвала состоявшаяся год-два назад разборка по поводу того, кому хозяйствовать на Арбате между чеченской и одной из московских группировок. Как негласно, но искренне приветствовалась победа москвичей. Хоть и бандиты, но свои все-таки.

Конечно, Москва как центр не

только политической, но и коммерческой жизни притягивает к себе не одних кавказцев. Едут со всей России, едут из других стран СНГ. Молдаване, украинцы, даже бурятские шаманы тянутся в столицу за длинным рублем. Кавказцы заметнее. Сплоченнее. Модное сейчас слово — национальная ментальность развита у них в той степени, как положено маленьким народам, привыкшим воевать со всеми на свете. Деньги, конечно, объединяют народы. Но не при дележе.

Так, по официальным данным, в Москве сейчас проживает 150 тысяч кавказцев. По официальным — значит, имеющие постоянную прописку и место жительства. Неофициально проживающих — в два раза больше. Почти полмиллиона на девятимиллионное население города — цифра уже достойная внимания.

Самолеты взлетали, самолеты садились. Металлический голос диктора объявлял прибытие и посадку. По черному полю табло перебегали зеленые огоньки.

Внуковский аэропорт. Теперь, когда бывшую державу пересекают многочисленные границы, когда часть республик вообще отрезана от центра воюющими соседями, его с полным правом можно назвать главными воротами на юг. На Кавказ.

Лотки, лоточки, ларечки, бабушки с батонами колбасы. Все, как везде, только на фоне турбореактивных шумов. Будни аэропорта.

— Извините, один вопрос, как вы относитесь к «лицам кавказской национальности»?

— Я к ним не отношусь.

— Все равно не напишете.

— Как, как, неужели непонятно?

Конечно же... негативно (ред. авт.).

— А почему так?

— А неужели непонятно?

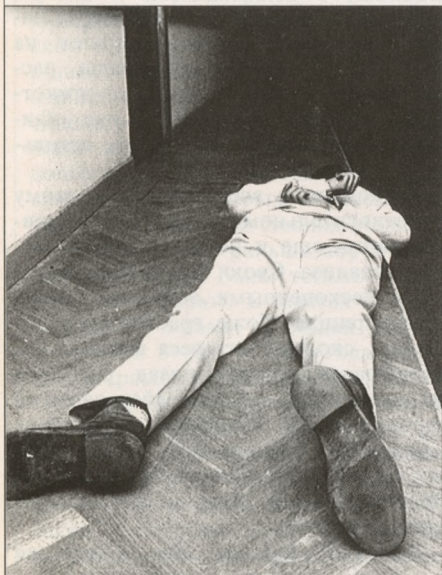
Понятно, конечно. Все понятно и знакомо, и предсказуемо. Но, тем не менее, один из сотрудников внуковской милиции счел нужным пояснить свои слова:

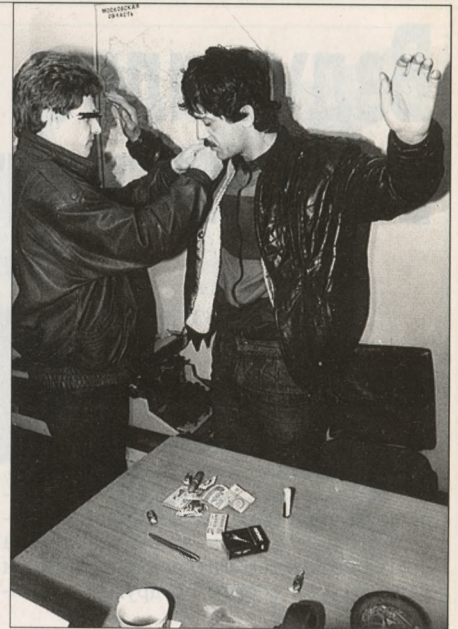
— Что касается меня, то я к кавказцам отношусь спокойно. А что, люди как люди. Но, честно говоря, я их не люблю. Наглые слишком. Ничего не понимают. Лезут везде, суются. Билетов нет — любую дырку ищут, чтоб только на летное поле пролезть. За сутки по 30—40 человек доставляем в КПЗ. К тому же оружия слишком много. Какие только стволы не отбираем: импортные, самодельные, наши. Наркотики, золото, чего только нет...

Милиционеры охотно продемонстрировали свой «музей оружия». Действительно, впечатляет. Механика уничтожения представлена от самодельных стволов до дорогих израильских автоматов.

Кроме милиции, во Внукове сейчас работают и таможня, и пограничники. Немножко заскучала аэродромная obsлуга. Доходы, которые они раньше имели, продавая билеты на «горячие» направления за три-четыре-пять и так далее номинальных стоимостей, называются теперь коммерческой оплатой авиарейсов и взимаются централизованно. Впрочем, прокуриться всегда можно. Кто как может. Ворота Кавказа считаются сейчас одним из самых доходных аэропортов, уступая разве что заграничному Шереметьеву. Пока что за границей валюты больше, чем на Кавказе...

Помню, год с чем-то назад, улетаю с транспортным самолетом из того же самого Внукова в Ереван, я случайно стал свидетелем так называемых нео-

фициальных расчетов. Грузчикам за погрузку самолета — 100 тысяч, летчикам за полет — миллион. По тем временам еще очень приличные деньги. Все это, конечно, помимо официальной оплаты Аэрофлоту. Везли на транспортнике, добавлю, зимнее и легче военное обмундирование.

Кормятся, конечно. Всем надо кушать, и большинству хотелось бы хорошо.

Аэропорт Внуково начал становиться «горячей точкой» еще во времена первых карабахских событий. Стычки между армянами и азербайджанцами вспыхивали тут же, не дожидаясь прилета на родную землю. Пришлось даже развести рейсы: все азербайджанские отдали в Домодедово, армянские оттуда забрали себе. Тогда из Москвы везли на Кавказ оружие, боеприпасы. В чем угодно везли. В кастрюлях, в мешках, даже в куриных тушках. Обнаруживали на досмотре, отбирали.

Война — дело дорогое. Требуется денег. Везли из Москвы деньги. Речной жемчуг, благо он здесь был еще дешевый. Потом переключились на драгметаллы. В день на досмотре отбирали до 160 монет царской чеканки — до 40 000 долларов в переводе на СКВ, чем не Клондайк? Стали хитрее, повезли радиодетали. Везут. Только за прошлый год сотрудники милиции сдали на завод 300 кг радиодеталей. Для справки: в десяти килограммах содержится 10 граммов золота, не говоря уже о других ценных редких металлах.

Но я не хочу загружать читателей долгим перечнем цифр, тем более что сейчас они стали совсем астрономическими. Сейчас из Москвы везут деньги. Мешками, на килограммы. Все вроде бы законно, с разрешени-

ем Центробанка. Куда, зачем? Мамоненки только разводит руками.

...Эта операция готовилась долго и тщательно. Совместными силами сотрудников РУВД, городского управления и ОМОНа. Люди в штатском взяли под наблюдение кафе, прилегающие территории. Группа захвата из омоновцев была наготове.

Рэкетеры начали съезжаться к обеду. Одна иномарка, вторая, третья. Теперь пора. Пошли.

Люди в касках и защитных комбинезонах справились быстро. С двух сторон ворвались в кафе, положили всех на пол. Успел прозвучать только один выстрел, с противоположной стороны. К счастью, мимо.

Выводили, обыскивали, грузили. Несколько газовых баллончиков, электрошоки, четыре пистолета, патроны к ним. Девять арестованных.

Так в Кировском районе была задержана одна из группировок рэкета. Семь из девяти — чеченцы. Рядовая операция, одна из многих. Как это раньше называлось — милицейские будни.

Если отталкиваться от милицейской статистики, то из двадцати крупных преступных группировок, действующих сейчас в Москве, четыре приходятся на долю кавказцев. (Только четыре? Или целых четыре?) В порядке значимости — чеченская, дагестанская, азербайджанская и грузинская.

Ведущее место занимает, конечно, знаменитая «чеченская мафия». Численность ее «рядового и руководящего состава» превышает 500 человек, и сферы деятельности самые разнообразные — от хищения оружия до контроля гостиниц. Следующая по значимости — дагестанская. Их около четырехсот, рэкет, грабежи, все тот же бандитский набор.

Азербайджанцы заняты в основном наркобизнесом. Чем, чем, а этим цветущий Азербайджан всегда славился. Производство наркотиков поставлено там сейчас чуть ли не на промышленную основу. Поговаривают даже о большом наркозаводе, якобы контролируемом правительством республики, который и оплачивал большую часть расходов по карабахской войне. Так что, если верить слухам, тяжелое бремя этой южной войны несли на своих плечах и московские наркоманы.

Грузинская группировка занята в первую очередь автобизнесом. По численности она самая маленькая, но вопрос о ее влиянии не так прост, как кажется. Авторитет грузинских «воров в законе» общеизвестен.

Есть такое умное слово — тенденция. К росту. К ненависти. К национальному неприятию. В этом смысле у россиян и кавказцев «все в порядке». Тенденция стойкая и неизменно прогрессирующая.

За державу, конечно, обидно. Что говорить, за многое обидно в этой бывшей державе. Виноватого найти сложно, крайнего — легче. Нетрудно догадаться, кто окажется крайним на этот раз. В порядке общей тенденции.

...Снова Внуково. Только что совершил посадку... словом, прибыл один из южных рейсов. Пограничный контроль, досмотр, таможня. Первыми к обалдевшим от процедур пассажирам кидаются «бомбилы». Частный извоз. Цены — в несколько раз выше рыночных и более чем — выше разумных.

Все в порядке. Москва встречает гостей.

Вздумалось «козлику» в лес погуляти...

Жизнь женщины в пяти ошибках

Ольга БАКУШИНСКАЯ

Несчастливая любовь — распространенная женская слабость. Трагедии, связанные с неудачным чувством, мужчины переживают только в очень юном возрасте, а потом незаметно матеренеют, звереют и балдеют уже совсем по другим причинам.

Несчастливая любовь — это женская слабость.

А рассуждать о ней, естественно, любят мужчины. Если свести их любовные советы и пожелания к одной фразе, то получится примерно следующее: «Вы должны нас понять и встать по струнке, тогда все будет о'кей».

Ах, если все было бы так просто! Проблема не в том, чтобы женщина встала по струнке, а в доступности для мужского восприятия, если можно так выразиться, формы ее стояния.

Вот моя знакомая — по кличке Козлик (она сама себя так обозначила). Ее жизнь прекрасно демонстрирует основные бабские «заморочки».

Ошибка первая. Муж

Для получения типичного Козлика требуется одинокое несчастное детство. У нашего Козлика оно было представлено в избытке: отец-алкоголик достал ее до такой степени, что она с четвертого класса стала ночевать на пустых чердаках и посещать школу крайне нерегулярно.

В современных условиях ей бы прямая дорога в подпольный публичный дом для малолеток, но в те времена она с грехом пополам получила свидетельство об окончании восьмого класса и превратилась в пугливую девушку, ничего не читавшую и не видевшую, однако с прирожденным воображением.

Охотники за такими «козликами», как правило, мужчины вокруг сорока, пережившие пару семейных жизней и обиженные на предыдущих жен за «непонимание». Они начинают искать «неиспорченных» особ, чтобы воспитать их по своему вкусу.

Как только появился покровитель, наш Козлик в возрасте первой любви перешла под его защиту. Он представил ее в доме своей жены как подругу

старшей дочери и сел себе спокойно писать кандидатскую диссертацию. Вскоре жена явилась случайным свидетелем интимной части воспитания Козлика. Последовал развод, и Козлик обрела собственного мужа...

Стоп! Первая ошибка. Не выходите за «воспитателей». Рано или поздно детский пластилин, из которого вы состоите, превратится во взрослый железобетон... и «учитель» спишет вас в педагогический брак...

Итак, муж запретил Козлику учиться и работать, общаться с кем бы то ни было, кроме себя и родившейся к тому времени дочки. «Главное предназначение женщины — семья!» — заapel он любимую песню русского народа.

Козлик целый день крутилась как ненормальная — хозяйствование требовалось по высшему разряду. Вечеру возвращался новоиспеченный кандидат, и на стол ему выставлялся ужин, а под стол — тазик с отваром лечебных трав для ног. К тому же довольно скоро на горизонте замелькали новые и старые любовницы «воспитателя». Попытки Козлика возразить воспринимались как «предательство интересов любимого».

Короче, выращивание идеальной жены шло полным ходом, пока Козлику не исполнилось двадцать шесть, дочке — восемь, а муж решил приняться за докторскую. Для этого необходимо было, чтобы Козлик с реbenком сидели все лето в городе, обеспечивая процесс едой и ножными ваннами. И тогда Козлик впервые в жизни злобно мемекнул, стукнул копытом по столу и отвалил с дочкой на месяц в деревню.

Вернулась она в пустую квартиру, а муж уже всю «растил» молоденькую замену (как потом оказалось, далеко не последней). Так или иначе, домохозяйки всегда оказываются у разбитого корыта, в котором до этого тщательнее стирали пеленки и рубашки. Козлик осталась без копейки, без профессии, а после раздела имущества — и без разбитого корыта.

Ошибка вторая. Еще один муж

Выписавшись из клиники неврозов, Козлик пошла в вечернюю школу и, получив с надомной фабрики вязаль-

ную машину, стала «заколачивать» во семьдесят рублей нелегким трудом. Даже для тех лет восьмидесяти рублей было мало. Козлик же решила не повторять ошибок молодости и выйти за «добытчика» — без выкрутасов, желательно некрасивого.

Некрасивых у нас много, и желающий жениться среди них вскоре нашелся. Хороший глупый парень, работающий на технической должности в милиции. Забегая вперед, скажу, что даже после развода он продолжал прилично содержать Козлика и ее ребенка.

Козлик мужа никому не показывала. Стыдилась.

Вторая ошибка. Если уж с кем-то связалась, то делай вид, что так и надо. А у Козлика собственные психологические комплексы перевешивали удобства брака.

...Дочка еще немного подросла, а Козлику стукнуло тридцать. Опытные женщины утверждают, что в тридцать женщину охватывает бесшество. Козлику захотелось великой любви.

Ошибка третья. Возлюбленный

Для великой любви нужен самый неподходящий объект, и Козлик превзошла в этом всех. Как-то одна подружка дала ей билет на вечер в Концертной студии «Останкино». Неискушенная Козлик сочла это событие величайшим бомондом, а знакомство с соседом по залу ее мнение только укрепило. Он оказался журналистом, сотрудничающим в газете «Тришкина трибуна», и представлял собой немытое, но вполне самоуверенное существо.

Этот сорокалетний мужик вел тетрадку, куда округлым почерком записывал все спектакли, которые посетил, и книги, которые прочитал. Если ему удавалось подержаться за рукав двоюродного брата помощника администратора Игоря Кио, подробный отчет об этом «эпохальном» событии слушала вся редакция.

Самое главное — у него не было ни одной близкой женщины. Просто совсем. И жены у него никогда не было. Таким образом, влюбившись в предполагаемого импотента, Козлик довела проблему несчастной любви до логической завершенности.

В Концертной студии «Останкино» они обменялись телефонами — и по-неслось!!! Роман сводился к тому, что Козлик кормила журналиста, а он надувал щеки и изрекал фразы типа: «Я закончил МГУ — витрину советской высшей школы!» Тут как раз начались перебои с продуктами, и Козлик немальными путями доставала тушенку — ящиками, яйца — сотнями, лекарства — партиями и перла все это сумками к «любимому человеку».

Второй муж, который из милиции, наконец, не выдержал неприкрытого

ОЛЕГ ФРАНЧЕВ

семейного безобразия и ушел. А тут и «любимый человек» отправился отдыхать в Пицунду. Просил писать, и даже сам написал первое письмо, которое начиналось (журналист все-таки) очень художественно: «В данный момент я сижу на балконе Дома творчества Союза журналистов СССР. Передо мной светятся окна Дома творчества Союза писателей СССР...» Козлик сомлела от светских подробностей, а еще более от того, что заканчивалось письмо страстной просьбой изложить в ответе свои чувства к отдыхавшему. И некому было сказать Козлику (кроме Козьмы Пруткова): «Если у тебя есть фонтан — заткни его».

Третья ошибка. Раз уж полюбила смертельно — никогда этого не показывай. Мужчины смертельно боятся половодья женской любви.

Итак, некому было сказать Козлику, чтобы она заткнулась, и она отписала, что мысленно лелеет каждое шевеление его мизинца. А также призналась, что не против развития отношения в горизонтальной плоскости.

Журналист убежал в сильном испуге. «Вы знаете, каких она от меня хотела отношений? — делился он потом в редакции. — Представляете — этих самых!..»

Ошибка четвертая. Любовник

Зализав душевные раны, Козлик еще долго пыталась вернуть любимого.

Дополнение к третьей ошибке. Попытка вернуть смывшегося мужчину — артель «Напрасный труд». Легче покончить жизнь самоубийством.

Потом Козлик стала писать стихи. Про любовь. Хотела уехать из страны — с глаз долой, да никому оказалась не нужна, кроме как на сборе винограда в Греции.

...Пожалуй, настало время нарисовать ее портрет, а то я так поливаю ее мужиков, что можно подумать, будто Козлик — вовсе не Козлик, а готовый ангел. На данный момент она: не столько умная — сколько хитрая, не столько красивая — сколько забавная, не столько добрая — сколько расчетливая... Короче говоря, обычная (а значит, завистливая) женщина тридцати пяти лет. Надеется, что подросшая дочь реализует ее честолюбивые планы... Не повторяя ошибок.

Козлику стали подозрительны мужчины, которые сразу не «тянут в койку», и ей опять, можно сказать, повезло. Постельные совпадения случаются так же редко, как взаимная любовь. Она встретила мужчину талантливого в «области секса», а также лично у нее вызывающего восторг организма.

Но вот опять: хороших ночей ей показалось мало, и однажды утром Козлик решила поговорить с любовником о том, что она называла «отношениями». «Терпеть не могу эту трепотню!» — отреагировал он. — И предлагаю молча жить вплоть до самого расставания». Козлик подумала-подумала да и выгнала любовника. Днем еще ничего, а ночью скучает.

Снова ошибка. Мужчины никогда не смешивают секс с «отношениями». Ну и нам не стоит.

Ошибка пятая. Нелюбовь

Еще раз повторю, что несчастная

любовь — женская слабость. Козлик поняла, что от слабостей надо избавляться. Любая, даже романтически настроенная Марина Сергеевна из АО на три буквы, годам к тридцати пяти это понимает и перестает «обжигаться».

Наш Козлик в стихотворении, посвященном себе, заметила:

*От беспечности к безучастности
Я могу, чтоб остаться возле,
Стать другой. Но бывают счастливы
Только козлики, только козлики...*

Послесловие о «волках»

Меня так и тянет выложить все, что знаю. Итак...

Первый муж Козлика защитил докторскую и преподает в вузе экономики. Недавно снова женился на студентке.

Второй муж получил повышение по службе и зарабатывает пятьсот баксов в месяц. Откладывает, чтобы в отпуск поехать на Кипр.

Возлюбленный работает пресс-секретарем в одной демократической партии, выпускает чудовищную партийную газетенку.

Любовник занимается бизнесом. Успешно.

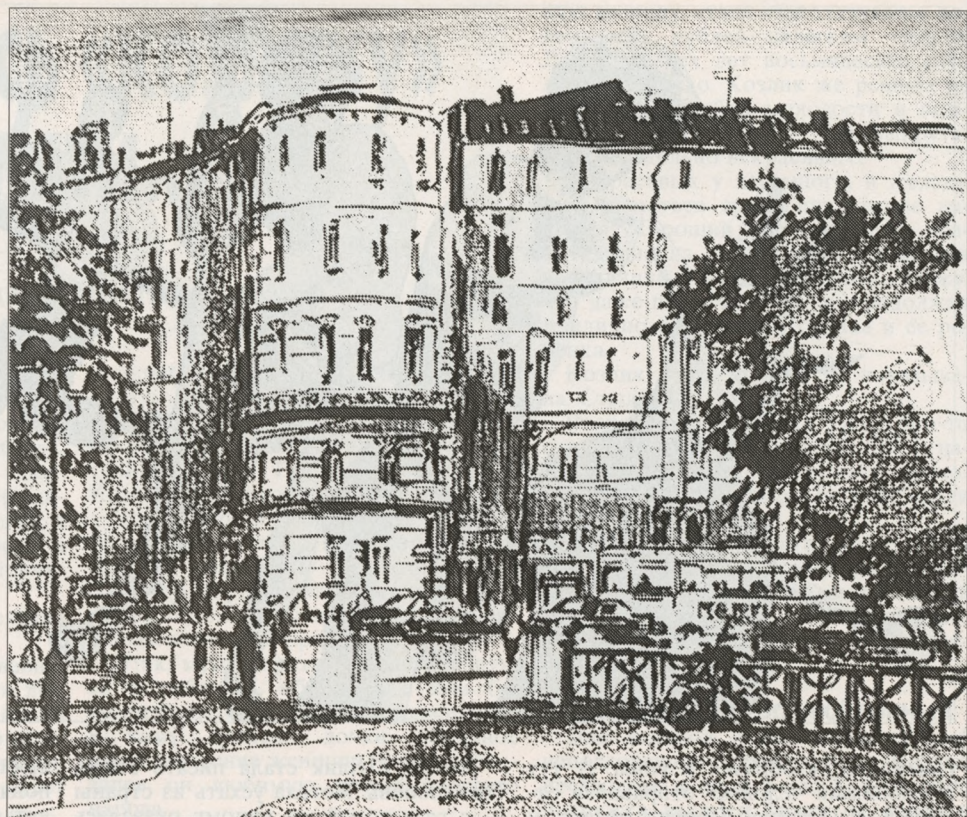
Козлик тоже занимается бизнесом. Безуспешно.

И еще. Какая-нибудь читательница да возопит: «Да кого же мужикам надо?! Да каких же они любят?!»

Я не знаю.

Алексей
МИТРОФАНОВ

Вокруг Д-ра Чехова

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Этот бульвар — не длинный, но широк — скорее, сквер. И правда, разбила его в 1872 году Е.Нарышкина (почему сквер и назвали Нарышкинским). Только в начале двадцатого века его переименовали в Страстной бульвар.

Здесь все нашпиговано д-ром Чеховым. Но начинается бульвар, конечно, с Пушкина. С памятника Пушкину, с Пушкинской площади. Даже в ныне погорелом здании Дома актера в 1934 году открыли кафе под названием «Пушкин». Правда, вскоре под давлением интеллигенции его переименовали. Почему-то в «Спорт». А после кафе сделалось рестораном Дома актеров. И так вошло в историю.

А в соседнем здании, под номером 4, — не менее известная и славная кафешка «Лакомка». Долгое время была она гастрономическим символом Пушкинской площади, и даже Войнович в «Москве 2042» «задействовал» этот

Стратной
бульвар
назван по
женскому
Страстному
монастырю, что
до 1937 года
стоял на месте
памятника
Пушкину и
кинотеатра
«Россия».

объект без переименования. По Войновичу, через полвека тут будет Прекомпит (Предприятие Коммунистического Питания) «Лакомка» со щами из лебеды, овсяным киселем и водой натуральной «Свежесть».

Но пока что не сбылись пророчества глумливого иностранца. В этом доме (а также перед ним) станется все больше предприятий капиталистического питания с разнообразными блинчиками, пиццами, курами-гриль и алкоголем. Сохранилась и старая добрая «Лакомка» — здесь все так же отпускают всякую недорогую выпечку и жиденький горячий шоколад.

А прохожие смакуют сии нехитрые дары и не подозревают, что под ними, в подвале, — штаб зрителей московских фонтанов, где несколько пенсионеров, окруженных игрушками, стаканами и прочими предметами, в фонтанах найденными, борются с вечными кома-

рами и следят за приборами — чтобы в жару нам было чуть прохладнее. Как и все мы, «фонтаньеры» мечтают о спонсорах. А дом для спонсорства благоприятный — в 1902 году издатели газеты «Искра» конспиративно встретились тут с Горьким и «раскрутили» своего уже богатого единомышленника на пять тысяч рублей ежегодно.

В доме №8 расположена библиотека имени д-ра Чехова (там еще недавно действовала военно-патриотическая студия журналистики). Перед ней торгуют американским лимонадом «Д-р Пеппер», а редакция журнала «Д-р Чехов» находится чуть далее, в доме №12 (вход со двора, со стороны военкомата).

По другую сторону Пушкинской улицы — дом главного редактора «Московских ведомостей». Несмотря на обшарпанность дома, ясно видно, что был М.Катков не дурак — дом роскошен. Разве что студенты отравляли жизнь консервативному редактору. То устроят под окнами настоящий кошачий концерт, то начнут кидаться яйцами и огурцами (бывало, доходило до камней). А на день святой Татьяны учащиеся университета пели перед домом своего злого гения совсем уж неуместную «Дубинушку».

Домом №12 (там, где редакция журнала «Д-р Чехов») в конце прошлого века владел д-р Редлих. Он держал водолечебницу, квартиры, несколько же залов сдал Гимнастическому обществу. Здесь тренировались циркачи А. и В.Дуровы, конечно, Гиляровский. Кроме того, членом Гимнастического общества был д-р Чехов.

— Ну какой же я гимнаст, — сопротивлялся д-р. — Я — человек слабый, современный... Нет уж, куда мне!.

Однако его постоянно записывали — и приходилось платить взносы. Хотя о занятиях речь и не шла.

Впрочем, само общество нравилось д-ру Чехову.

— Это люди будущего, — говорил он о спортсменах, — и настанет время, когда все будут такими же сильными. В этом счастье страны.

Но счастье страны оказалось в другом. А гимнастов прикрыли. Полицейский начальник сказал председателю общества:

— Школа гимнастов! Знаем мы, что знаем. В Риме тоже была школа Спартака... Нет, у нас это не пройдет.

И не прошло. А дом стоит. И даже в его правой части сохранилась маленькая литая штука в виде змейки с тупым названием — флагодержатель.

На противоположной же стороне бульвара — одноэтажный, в семь окошек дом Сухово-Кобылина. Богатый светский лев, А.Сухово-Кобылин, будучи в Париже, увлекся мадемуазелью Луизой Симон-Деманш, ее «элегантной и нежной фигурой». Увлёкся не на шутку — даже выписал свою возлюбленную в Москву (где слуга Андрей все время напивался пьяным, ухал и пугал Луизу).

Затем же ветреный Кобылин увлекся Н.Нарышкиной, Луизу бросил, переехал в домик на Страстном бульваре — слуги же убили госпожу Симон-Деманш. И пало подозрение на Сухово, и были долгие суды и унижение, и в результате бывший светский лев стал драматургом и писателем. И даже знаменитым. Почти как д-р Чехов.

Рядышком не менее очаровательное здание — построенный в конце прошлого века особняк. Он более всего известен «Жургазом» — журнально-газетным объедине-

нием, включавшим в себя около тридцати периодических изданий. В свою очередь «Жургаз» более всего известен своим летним рестораном.

Бабель поедал тут раков с пивом, академик Ферсман пил грузинское вино, бывали Ильф, Петров, Д.Бедный, Ю.Олеша, М.Светлов, Иосиф Уткин, Мате Залка... Вход сюда, конечно, был по специальным пропускам, невелика наценка, плющ на веранде, джаз А.Цфасмана... Словом, совсем «Грибоедов» из «Мастера и Маргариты».

И действительно, Булгаков «перетащил» его отсюда — к дому МАССОЛИТа на Тверском бульваре, 25. И даже Я.Д.Розенталь по кличке Борода, директор ресторана при «Жургазе», стал прототипом Арчибалда Арчибалдовича.

Когда же репрессировали М.Кольцова, закрыли и «Жургаз», и сад, где проходили вымышленные и реальные веселья, превратился в мусорную свалку.

А рядышком, перед тринадцатым домом, установить хотели памятник д-ру Чехову. Почему именно здесь — понять непросто. Дом №13 —

один из немногих на этом бульваре, что не имеют к д-ру Чехову ни малейшего отношения. Здесь жил приятель Льва Толстого Н.Давыдов, дом отдавали под историко-литературное объединение старых большевиков.

Однако даже заготовили гранитную площадку. Но до сих пор там возвышается лишь бюст Ф.Н.Петрова — дважды Героя Соцтруда и ветерана партии.

Последний же по этому бульвару — бывший дворец Гагариных, затем — английский клуб, затем — штаб главного интенданта армии Наполеона, затем — Ново-Екатерининская больница, а сейчас — двадцать четвертая лечебница.

Она ничем не отличается от прочих городских больниц — все та же грязь и запах, та же неустроенность, обшарпанный фасад, поросший дикою травой. Зато у входа — фонари старинные.

Все это — в духе д-ра Чехова. Кстати, сам д-р Чехов, будучи студентом, практику прошел именно здесь.

Говорят, неважным он был доктором.

Страстной бульвар, внешний проезд
Фото конца 1950-х годов из собрания М.Струкова

Город-блюз и город-джаз

Два самых красивых здания Самары: костел, выстроенный в 1906 году, и особняк Курлиной (сейчас — краеведческий музей)

В сравнении с Самарой Саратов элегантен и глядит европейцем.

Из газеты. Конец XIX века

В 1929 году Борис Эйхенбаум писал в «Моем временнике»: «В каждом городе есть что-нибудь одно, чего нет ни в каком другом.

В Петербурге — в полдень пушечный выстрел.

Город вздрагивает и хватается за жилетный карман. Приезшему кажется, что люди бледнеют от ужаса.

В Самаре таковой эксклюзивной достопримечательностью является новая водка — «Самарская». Нежная, как поцелуй младенца.

В Саратове — мемориальная доска бывшему губернатору Петру Столыпину. Первая в России.

В четырехвековом соперничестве родов-ровесников таким образом наметился паритет. В Самаре приезжего непременно угощают «Самарской», в Саратове — Столыпиным. Патриотический па-

фос в обоих случаях примерно одинаков.

Саратов ниже по течению, но выше статусом. С XIX века считается «столицей Поволжья». Самара — разве что «русским Чикаго».

Советская власть пыталась города уравнивать, нарекоша каждый областным центром, но за Саратовом все равно остаются старейшие провинциальные музеи и газета, четвертая в России консерватория и десятый университет. Самара — город молодежавый; век назад одному шотландцу «своим незаконченным видом» напоминал города Америки.

«Столице» страдать полагается больше; вот и Саратов: Пугачевым бит, чумою мучен, голодом морен, холерою жжен. Самара же самое суровое испытание перенесла, будучи трансвестирована в Куйбышев.

Главная улица Саратова — Немецкая — что твой Арбат: пешеходье, фонари, кафешки, духовой оркестр, редакция журнала «Последний экземпляр». Ленинградская в Самаре — проще и незатейливей; в семь часов вечера на самую ее середину вышла уборщица и со всего размаху опрокинула на мостовую ведро грязи, не-

хай высыхает. Гуляющие уважительно оглядывались и смущенно подымали ноги.

Неся бремя «столичности», Саратов тянулся к небу, размазывал по лицу тушь площадей и примерял накладные небоскребы. Самара же росла конусом, оставляя в мирной дреме свою старую часть, — так она вся и уцелела.

Впрочем, главные храмы снесены в обоих городах. В Самаре на его месте площадь Куйбышева, в Саратове — стадион (надо ж додуматься). Припомним, что самарских бурлаков прозывали «горчичниками» — за любовь к оной и за диридность, саратовских — дразнили «чехонниками» (за привязанность к рыбе «чеше»); одна из дразнилок материализовалась в истории с храмом: «В Саратове чехонь через собор перепрыгнула, а мешчане тот собор с молотка продали».

Стадион окружает парк «Липки», дочерью Столыпина заклеянный как «несколько чахлах липок вокруг собора», а Ильфом и Петровым — как «Бульвар Молодых Дарований». Через площадь — стадо замызганных столиков под скромным названием «Террас де Пари».

Напротив — консерватория, символ саратовского эстетства. Дело в том, что первоначально она была выстроена в самых казенных, если не казарменных формах и заслужила у горожан кличку «элеватор». Всего через десять лет Дума уяснила свою ошибку и архитектор-рирайтер Каллистратов переделал скучную реалистическую повесть в дивную готическую сказку.

Музыкальность Самары олицетворяет филармония, восстановленная недавно в прежних современных формах. Но это уже не ловкая «редактура», а, скорее, жалкое эпигонство.

На главной площади Саратова — памятник Чернышевскому. Здесь прошло детство, здесь учительствовал, здесь же повстречал прототипшу Веры Павловны и здесь, наконец, влюбился в Ольгу Сократовну. Держался, как полагает Набоков, «довольно неосторожно, людей степенных, юношей богобоязненных пугая резкостью взглядов и развязностью манер» — совсем не так, как на памятнике.

Думая, что провинция излечивает от революционности, Фамусов грозился сылать в деревню, в глушь, в Саратов. Но Чацкий обернулся Чернышевским, Саратов — «столицей», а свободомыслие замечательно нашло себе подругу в скалозубии: в 1918 году один из уездов Саратовской губернии обратился в Наркомпрос с ходатайством о выдаче средств на сооружение памятника Ф.М.Достоевскому...

Вольнодумие поднималось вверх по Волге; в Самаре молодой адвокат Ульянов выиграл свое первое дело, защищая обвиненного в богоульстве крестьянина, за что на площади Революции ему и был поставлен памятник. Пьедестал же остался от Александра II. Со здоровым прагматизмом включился в революцию и Саратов: Чернышевский тоже поначалу стоял на постаменте Царя-Освободителя.

В Самаре есть своя монументальная крамола на букву «ча» — лаокооновыми змеями вьется над площадью чапаевская дружина. Под нею — 12-этажный бункер Сталина. Надо заметить, что Самара периодически вскакивала со скамеечки запасных и разминалась, примеряя майку столицы: в 1919 году здесь квартировало Учредительное собрание, а в войну сюда переехали посольства и заселили примерно те же современные особнячки, что и в Москве. А если заглянуть в свежешедший первый том «Самарской энциклопедии», куда занесены все, чьи подошвы касались города (кто-то на гастролях, кто-то проездом; второй век краеведы спорят, можно ли считать «пробыванием Пушкина в Самаре» те полдня, что поэт застрял в ближайшем пригороде), становится ясно, что без Самары русская история пошла бы совсем иным путем.

К истории в обоих городах относятся с флегматичным пиететом: издают кучу краеведческих книжек (в Самаре — «Самарский краевед», в Саратове — «Годы и

Самара. Памятник Чапаеву. Под ним — бункер Сталина, за ним — драмтеатр, один из лучших образцов «русского стиля» в провинции

люди»), постоянно пополняют музеи (история Саратова кончается нынче группой «Комбинация» и личными вещами ее продюсера), при этом не торопятся вынести занимающий ползала рабочий стол писателя Панферова...

Провинция вообще не торопится — сносить памятники, переименовывать улицы; время здесь тормозит и превращает пространство в памятник Времени; торопясь, провинция впадает в наивность (хлопочет, например, о памятнике Столыпину), лентяш — глядит столицей (Саратов встречает приезжих памятником Дзержинскому: как это по-аристократически небрежно!).

Впрочем, «столичествующий» Саратов уже переименовал: Ленинскую — в Московскую, Кировскую — в Немецкую. В Самаре же руки дошли только до Куйбышева, а Коммунистическая по-прежнему пересекается с Клинической...

В Самаре есть «Овраг Подпольщиков», в Саратове — Глебушев овраг, очаровательным суффиксом коего местная интеллигенция брезгует и запанибратски кличет его «Глебоврагом». Есть еще «Бабушкин взвоз», хотя никакой бабушки там и не ночевало, а просто был купец с такой фамилией (кстати, предок Иллариона Бабушкина, родного деда художника Павла Кузнецова).

Местные жители, как водится, склонны преувеличивать расстояния: что для них «три дня лесом», то для бойкого туриста «рукой подать». Улицы здесь длинные, домов в триста, но старый город компактен: из конца в конец — десять минут на трамвае.

Трамвай! Верблюд провинции! Хрупкий и прозрачный, грассирующий на поворотах, привычный, как пылесос, — начинался он довольно курьезно: взобравшись на гору, первый саратовский трамвай покатился назад; пролетев Полицейскую, встал; отцы города отделались сильным испугом.

Самарский же трамвай хулиганит по сей день — манкируя указанием притормаживать около краеведческого музея; от вибрации в хиллом модерном доме сыплотся потолки и трескаются окна. Видимо, это месть за младшего брата: метрополитен в Самаре сослан куда-то на рабочую окраину.

Выросши из коротких штанишек коммунистической идеологии, оба города жадно обзавелись монархическими культиками (так восьмиклассник торопится занять паспорт, девушку, бритву и сигареты); прежде, заметим, чрезмерным верноподданничеством не страдали: встречая царя, саратовцы, как свидетельствует мемуарист, зычно рифмовали «ур-ра!» с «дур-р-рак»... В Самаре чтут городского голову, историка и краеведа Петра Алабина — того, кто в своих трудах именовал императора не иначе как «нашим обожаемым Повелителем». Саратов бредит Столыпиным...

Губернаторствовал он здесь всего три года; тут выхлопотал себе чрезвычайные полномочия, набил руку, чтобы потом «навешать пестелей» уже всей русской революции. В его присутствии черносотенцы мести балашовскую интеллигенцию, но троюродный брат Лермонтова не вмешивался, прозревая в безобразии патриотизм.

Понятно, что любили его здесь не очень, покушались. За одним неметким стрелком Петр Аркадьевич самолично бегал, но не догнал. Когда же земцы потребовали сенаторского расследования губернаторских хамств, Столыпин одну управу быстренько разогнал, а председателя другой посадил.

Злой был человек, комплексовал, наверное; в уезды телеграфировал «стрелять» и «подавлять силою беспощадно»; стилистически готовил почву известным распоряжением Ильича. Интересно, что

ИТАР-ТАСС

Саратов. Пешеходная улица — бывшая Кировская, ныне — Немецкая

ленинский культ взят за основу и в местном краеведческом музее: забрызганная кровью шинель Столыпина напоминает известный экспонат московского музея: копию пальто, в котором был ранен вождь мирового пролетариата.

Художественные же музеи в обоих городах превосходны; но если самарский заменит старыми мастерами (а также тем, что новое здание отвоевано у горкома партии), то саратовский — блестящей коллекцией «конца-начала», в том числе картинами «своих»: Борисова-Мусатова, Кузнецова, Уткина.

Саратовский музей основал художник Алексей Боголюбов и назвал в честь деда Радищевским. Проект долго мурыжили, прикидывая, не будет ли музей выглядеть, «как щегольская шляпа на человеке, платье которого — простое, жалкое рубище»; в конце концов Боголюбов пригрозил подарить коллекцию Пензе... Основывая музей, художник передал туда 52 картины Айвазовского, Брюллова, Верещагина, Васнецова и — 118 собственных произведений. Произошло все это, заметим, за семь лет до передачи Третьяковки...

Боголюбовские картины трогают несколько наивной своей красотой и по сей день, а сам художник считается национальным героем Саратова. В Самаре это звание носит Константин Головкин, такой же живописец-дилетант, коллекционер и меценат. Знаменит он, кроме того, «дачей со слонами», первым в городе автомобилем и джентльменством. Последнее выразилось в том, что автолюбитель платил за нечаянно подавленных кур. Ушлые самарцы цинично пользовались великодушием барина и кидали ему под колеса кур дохлых...

В Саратове же первым автовладельцем был граф Нессельроде; вторым — некий поляк, с которого, по легенде, два пронырливых шутника и списали два Коз-

левича. Арбатов аукается с Саратовом вплоть до того, что здесь был торговый дом «Андрей Бендер и сыновья».

Саратов вообще город с «литературинкой»: считается, что именно здесь пленный Гашек задумал Швейка; в 1900 году сюда на день заезжал Рильке; а на троллейбусе №9 из Саратова можно перебраться в Швамбранию, то бишь город Энгельс, бывший Покровск.

Зато племянником знатного самарского купца Чельшева был редактор «Литературки» Александр Чаковский, а маленький Лешка Толстой рвал здесь яблоки, чтобы потом захихнуть Самару в «Хожение по мукам».

В романе фигурирует «нелепо роскошный» особняк Александры Курлиной, тот самый модернистский дом, травимый травами; построил его архитектор Зеленко, правая рука Шехтеля на Всемирной выставке в Глазго и один из немногих русских зодчих, по чьим проектам строили в США.

Самый же красивый саратовский модерн, особняк Александра Рейнеке, до сих пор приписывается Федору Шехтелю. Дом действительно ужасно напоминает особняк Рябушинского, но веских доказательств нет.

Наиболее же плодовитым архитектором Самары был Александр Щербачев; количество усугубляло качество, а потом еще и сын занял отцово место и строил вплоть до недавнего времени. Но если Щербачев был женат на дочери Алабина, то судьба Алексея Салько, бывшего сорок лет главным архитектором Саратова, куда менее безоблачна: долго не мог оформить брак, потом жена умерла, оставив девятерых детей, был вынужден содержать семью второй жены, бедствовал, но к нищим был неизменно жалостлив.

Оба города «подвинуты» на модерне, в Самаре даже новостройки явно глядят в

начало века. Возможно, в этом тяготении к самому «женскому» стилю парадоксальным образом сказалась одна пространственная тоска:

— Ах, Самара-городок, беспокойная я...

— Парней так много холостых на улицах Саратова...

Может быть, потому же оба города так охотно и радостно сдались без боя удалому мужчине Стеньке Разину...

(Щиколотки саратовских красавиц значительно изящнее, чем у их самарских соперниц; бытует легенда, что какая-то русская царица, не отличаясь особой милovidностью, сослала всех московских красоток именно в Саратов; судя по всему, красотки дали обильное потомство.)

В более современных песнопениях Самара известна как «сестра» Бориса Гребенщикова; Саратов же в хипповской среде знаменит «дидьками» — местными «митьками», ведомыми обаятельным Лешей Дидьковым, поэтом, музыкантом и великим приколостом.

Если в Саратове «дидьки» — то в Самаре были «панки», обедневшие потомки известных фамилий, неграмотные порой крестьяне: Шаховские, Трубецкие. К натурально «панковским» примочкам отнесится, судя по всему, следующая: поскольку «панки» сохранили право участия в дворянских выборах, то жадные до власти кандидаты (в их числе был и отец А.Н.Толстого) привозили «панков» в город, наряжали во фраки, кормили-поили, потом вели голосовать, а после, «раздев», отправляли восвояси. До следующего раза.

Всякими такими формальностями, и вообще производимым впечатлением, оба города озачивались со всем положенным провинциальным пылом. Английский писатель Маккензи Уоллес удивлялся, что отгротать собор у самарцев деньги есть, а дороги починить — нету. («Но на этот счет у русских существуют свои особые понятия. Во всем, касающемся внешности, они чрезвычайно религиозны и охотно жертвуют деньги на церковные надобности».)

Тот же Уоллес бросил снисходительную фразу: «Волга вообще не особенно живописная река». Погорячился, конечно, хотя Волга и вправду омывает оба города как-то робко; здесь она стыдливая, застенчивая, траченная островами. Саратовский порт, тем не менее, выглядит почти морским.

Однако наш англичанин был так очарован Поволжьем, что в 1870 году переселился в Россию; его примеру последовал итальянский художник Гектор Баракки: плыл-плыл по Волге, а в Саратове так расстрогался, что заявил: «Дальше плыть незачем. Остаюсь здесь жить!» Сменил имя, завел учеников; его картинами гордится музей.

Остался бы здесь и я.

Кабы не зной, не комары да мухи.

Николай МАЛИНИН

Остров ПАМЯТИ

Анатолий ЖДАНОВ

Мое детство прошло на Курилах. На острове Шумшу. Произношу это слово, и в его звучании слышится шум прибоя, шорох гальки, свист ветра. А ветер иногда достигал такой силы, что буквально сбивал с ног. Тогда объявляли «штормовую», и мы не ходили в школу, сидели дома. И играли в войну.

Война была профессией наших отцов. Она шла за стенами наших домов. Она кончилась, но постоянно напоминала о себе разбросанными по всему острову самолетами, танками, пушками, всей той военной техникой, которая осталась со времен войны с японцами.

Потом мы переехали на материк, и шум большого города заменил мне шум океана. Учеба в институте, поездки, работа, семья. А на острове тянуло. Но было нельзя: в то время он был окутан военной тайной, там проходила граница и шла подготовка к очередной войне.

Подросток сын. Мы перестали готовиться к войне. И с острова сняли запрет на въезд людей, которые могли бы «разгласить военную тайну». И вот впервые за 30 лет я попросил билет до острова детства. Вернее, два

билета. Второй — своему сыну.

Остров встретил нас невесело. Когда-то населенный довольно плотно, теперь он мог «пересчитать» своих жителей по пальцам — их осталось не больше пятидесяти. А во времена моего детства в одном только рыболовецком совхозе работало около трех тысяч человек! Но рыба перевелась, и люди устремились на материк — искать работу.

Осиротел Шумшу. Нет у него хозяина. А полвека назад за него дрались. Правда, с горечью вспоминают здесь Курильскую десантную операцию, проходившую на острове с 18 по 20 августа 1945 года. К тому моменту уже было очевидно, что Япония капитулирует — зачем же понадобилось посылать столько наших солдат на верную гибель? Самый северный остров Курильской гряды, Шумшу, японцы превратили в настоящую крепость: все побережье, доступное для высадки десанта, прикрывалось дотами и дзотами. Там же действовали два аэродрома.

Считается, что мы застали японцев врасплох. «Ошеломленные появлением десантников на берегу, японцы открыли беспорядочный ружейно-пулеметный огонь, но он не помешал высадке. К 5 часам передовой отряд

десанта был высажен на берег полностью и без потерь...» Авторы 12-томной «Истории второй мировой войны. 1939—1945», мягко говоря, лукавили. По словам сотрудницы Северо-Курильского краеведческого музея, практически весь первый десант погиб во время высадки — из-за крутого скалистого берега наши корабли не могли подойти близко, и люди тонули в холодной воде или погибали под пулями... Только третьему десанту удалось закрепиться на берегу.

Рассказывая об этом, экскурсовод несколько смутилась: «Понимаете, — объяснила она, — даже не знаю, как и сказать об этом. Детям-то я все по-старому говорю, а взрослым врать как-то неудобно...»

Но одно, безусловно, правда — наши сражались героически. Когда с острова Парамушир на Шумшу японцы перебросили танки, стало ясно — силы неравны. Но всего пять человек, оставшихся прикрывать отступавших, сумели уничтожить 12 танков. А потом, обвязавшись гранатами, бросились под гусеницы еще трех. Двое — Николай Вилков и Петр Ильичев — закрыли своими телами амбразуры вражеских дотов. До победы над Японией оставалось всего около двух недель...

В Северо-Курильске я познакомился с Александром Павловичем Маршуком, учителем истории, организовавшим и возглавившим местный краеведческий музей. Узнав, что я собираюсь фотографировать военную технику, он сначала насторожился: «Я бы не хотел, чтобы об этом стало широко известно, — сказал он. — Итак растащили многое: самолеты увозят, вот два танка уже исчезли...»

Остров давно уже интересует многих. Одно время появился кооператив, который занимался показом военной техники с вертолета. Но потом туристов стало мало — подорожала дорога. И дело заглохло.

На острове постоянно вертятся молодые оборотистые ребята, собирающие информацию для иностранных коллекционеров. А потом прилетает вертолет, и...

Технику вывозят и под предлогом сбора металлолома. А однажды приехали «умельцы» и принялись вырубать дюралевую обшивку самолетов, чтобы потом делать из нее кастрюли, сковородки и прочую утварь. Местные же жители попросту использовали технику в сельском хозяйстве: танки служили тягачами, двигатели — приводами для лебедок...

Надо было что-то предпринимать. И когда начали вывозить танки,

Александр Павлович Маршук взял масляную краску, проставил инвентарный номер на каждом «объекте». На каждый завел карточку с описанием его местонахождения, состояния, «национальной принадлежности», — набралось порядка 30 «единиц хранения». Учителю помогали ребята из местной школы. Кстати, именно они положили начало краеведческому музею, натаскав со всего острова военные трофеи.

А еще рассказал мне Маршук, как в 1952 году произошла здесь трагедия: цунами высо-

той 40 метров буквально накрыло Северо-Курильск. Волна была такой силы, что от бетонной пристани оторвало огромный кусок и выбросило на соседний остров. Сотни людей погибли тогда.

Официальная версия была такова: стихийное бедствие, вызванное извержением подводного вулкана. Однако незадолго до этого на острове появились странные люди в штатском. Что они делали здесь, никто не знал. Но перед столь же внезапным отъездом один из них, видимо, в порыве чувств не удержался и посоветовал

своей подруге как можно скорее покинуть остров. «Здесь будет небезопасно», — предупредил он.

Вскоре его слова оправдались. И хотя официального подтверждения своей версии учитель Маршук, естественно, не имеет, он (и не только он) уверен, что цунами было вызвано не чем иным, как подводным испытанием ядерного устройства.

...Когда мы уезжали, жители острова смотрели на нас с надеждой. Маршук просил: «Ты поговори в Москве с прессой, что ли, с руководителями. Может, поддержат мое предложение — создать на острове музей военной техники. Пока не растащили все окончательно, не разбазарили...»

Фото автора

RENAULT

Сегодня можно уже с полной уверенностью сказать, что грузовые автомобили известной во всем мире французской фирмы РЕНО ВИ подтвердили необходимость своего присутствия на рынке СНГ и стран Прибалтики.

Многие транспортные компании убедились в процессе эксплуатации и испытаний различных автомобилей РЕНО, что они вполне пригодны для работы на наших дорогах и в наших климатических условиях, а по некоторым показателям превосходят своих ближайших конкурентов.

Приобретая автомобили РЕНО, вы становитесь нашими друзьями-партнерами.

ГАММА АВТОМОБИЛЕЙ, ОТВЕЧАЮЩАЯ ВСЕМ ТРЕБОВАНИЯМ

	Полный вес автомобиля в тоннах	Полный вес автопоезда в тоннах	Мощность двигателя в л. с.
MIDLINER 	7,5 ↑ ↓ 15,7	12 ↑ ↓ 33,8	120 150 175 205 226
MANAGER 	16 ↑ ↓ 26	26 ↑ ↓ 44	205 226 265 302 338
MAJOR 	18 ↑ ↓ 35,5	40 ↑ ↓ 180	338 385 415
MAGNUM 	18 ↑ ↓ 26	40 ↑ ↓ 80	385 415 530

РЕНО ВИ, Россия, 121002, Москва, ул. Луначарского, д. 7, кв. 12

Тел. (095) 2020360, 2020406; факс (095) 2302661; сат. (502) 2241302; телекс 413327

Майя и «Майя»

В Санкт-Петербурге прошел международный конкурс балета, получивший название «Майя» — по имени одного из организаторов и председателя жюри конкурса, великой балерины Майи Плисецкой.

По окончании конкурса в Москве состоялся гала-концерт победителей и лауреатов. Накануне концерта в столице же прошла презентация книги «Я, Майя Плисецкая...».

— Майя Михайловна, конкурс,носящий ваше имя, — это ваша прихоть или что-то иное?

— Это не только не моя прихоть, это даже не моя идея. Я была ошарашена, когда мне это предложили. И тем более — в Петербурге: я ведь московская балерина. Однако выбор пал на Петербург не случайно: именно этот город подарил миру русский балет, знаменитых Павлову и Нижинского, «Дягилевские сезоны». Все это отсюда. Теперь петербуржцы решили взять реванш, конкурс — их идея.

— Вы приняли эту идею с воодушевлением?

— Я приняла ее с удовольствием. Сначала, правда, немного удивилась. Но оказалось, что идея верная, поскольку под мое имя спонсоры давали деньги.

— Однако Большой театр в Москве и Кировский в Санкт-Петербурге весьма прохладно отнеслись к идее вашего конкурса. Как это объяснить?

— Не просто прохладно. Кировский, вернее — Мариинский, закрыл перед конкурсом двери, заявив, что это нереально. И придумали ремонт. Ну, это неоригинально, это у нас всегда: что еще придумать, кроме ремонта? Вот и они сказали: «у нас ремонт», хотя его нет.

Следующий шаг был — закрыть балетную школу, не пустить туда конкурсантов. Это они сделали, тоже повесив дощечку со словом «ремонт», хотя до сегодняшнего дня никакого ремонта там нет, и неизвестно даже, нужен ли он.

Был и еще один шаг: несколькими исполнительницам, которые должны

были участвовать в конкурсе, сказали, что если они это сделают, то вылетят из театра. Открытым текстом.

— Чем вы можете это объяснить?

— Наша советская система породила маленьких диктаторишков, этаких мини-сталиных. Большим театром уже 30 лет командует такой тип, Григорович. В Кировском, не столь длинно, — Виноградов. Но оба хороши, субчики. Оба — творческие импотенты как хореографы, и оба — абсолютные диктаторы. Быть таковыми им всегда позволяла советская власть, а может быть, и поощряла. И это продолжается по сей день, поскольку, должна вам сказать, если где-то советская власть и кончилась, то ни в Большом, ни в Кировском этого не произошло.

— И еще один вопрос, Майя Михайловна. Я заранее прошу простить меня за него, но как журналист я не могу его не задать.

В связи с вашим приездом в Москве прошла презентация вашей книги. Презентация была чудесной — под стать вам самой и вашей книге. В ней вы пишете о многом, но кое о чем не

пишете. В частности, вы ничего не пишете в ней о вашем участии в так называемом «Антисионистском комитете советской общественности»...

— Я никогда не была членом этого комитета. Не спрашивая моего согласия, мою фамилию ставили под многими письмами, обращениями и прочими «документами». В защиту какой-нибудь Анджелы Дэвис, например. Так я оказалась и членом этого самого «Антисионистского комитета». Открываешь газету и видишь свою фамилию под чем-нибудь подобным. И все. И хоть стой, хоть падай, хоть вешайся. И никому ничего не докажешь.

Так мне мстили за мою истинную подпись, которую я поставила под письмом против возрождения сталинизма. Когда сняли Хрущева, власти СССР намеревались реабилитировать Сталина. И было письмо с протестом против этой реабилитации, в том числе и с моей подписью. Зарубежные радиостанции передавали его множество раз. И вот таким способом мне мстили. И так мы жили 75 лет.

Марк ДЕЙЧ

АЛЕКСАНДР ТЯГНЬ-РЯДНО

Ностальгия по прошлому и настоящему

Пыльные модели Сергея Волкова

Сергей Волков — довольно своеобразная фигура в московской концептуальной среде. В силу дружеских связей и бескомпромиссности творчества он очень быстро вошел в московский круг посвященных «ному» (термин П.Пепперштейна). Тем не менее Волков стоит несколько особняком. И прежде всего потому, что его работы не перегружены столь свойственными концептуализму литературными ассоциациями. Он никогда не навязывает зрителю никакого «правильного» прочтения своих созданий, а, напротив, раскрывает собственную субъективность навстречу чужой субъективности. В его работах, как правило, нет переусложнения. Они целиком открыты для восприятия зрителя, пусть и не искушенного в языке концептуального искусства.

Свои холсты художник впервые показал на знаменитой 17-й молодежной выставке. Биография его весьма характерна для нашего времени. Как многие из радикальных художников, он прибыл из провинции, где получил хорошее, но не заакадемизированное образование (архитектурное отделение Казанского инженерно-строительного института). Сразу попал в круг московских концептуалистов (что было беспорной удачей), который с наступлением перестройки быстро превратился из гонимого андерграунда

в ведущее направление современного русского искусства. И вот он уже участник московского Сотбис, где его работы оцениваются не только по художественным критериям, но и получают эквивалент в твердой валюте. Затем следует ряд персональных выставок у нас в стране и за рубежом — в Амстердаме, Бостоне, Нью-Йорке. Он — участник крупных международных арт-форумов: ФИАК—87, Венецианская Биеннале, Бинационале «Советское искусство около 1990 года» в Кунстхалле — и многих других.

Сейчас, когда интерес к современному русскому искусству на Западе несколько угас, среди московских художников все больше ощущается растерянность. Как говорил китайский философ: «Не дай вам бог жить в интересное время». Время само по себе сильнее искусства, часто оно целиком захватывает художников. Не случайно многие из них ушли в смежные с искусством области — компьютерную графику, моду и тому подобное. Изменился и творческий язык Сергея Волкова. Если прежние его работы часто строились на укрупнении знаковой системы повседневной советской среды — его героями были зайчики, голубки с ограды детских садов и пионерских лагерей или глаза, уши и нос с плакатов врачебных кабинетов, — то теперь они стали более сложными по ассоциативному ряду. Прини-

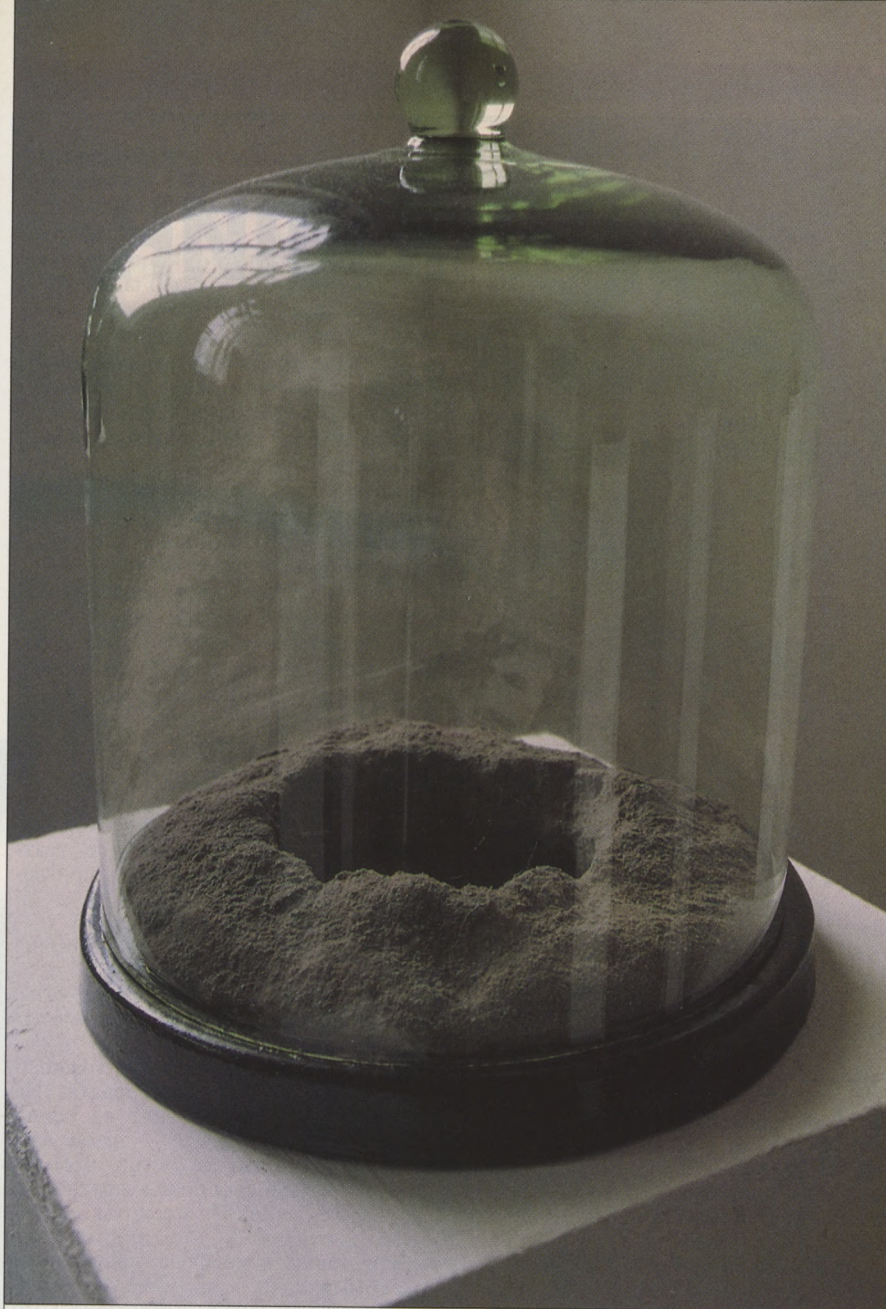

мая и тонко чувствуя время, Волков сознательно использует недолговечные материалы. Например, на выставке в музее почты в Париже в прошлом году он сделал инсталляцию из топоров, отлитых из воска, а на выставке в галерее Айдан Салаховой в прошлом году была представлена серия пейзажей, выполненных на школьных досках.

В этом же ряду оказываются вещи, представленные недавно одновременно в двух московских ведущих галереях — галерее «Айдан» и XL. Общее название проекта «Пыльные модели». На первой Волков показал маленькие модели привычных объектов, которые попадают нам буквально на каждом шагу: детский грибок, песочница, деревянная лагерная вышка, указатель со стрелками... Пушистая фактура — все покрыто пылью, серый мышиный цвет, успокаивающий и

Из серии «Восковые топоры»

Из серии
«Пыльные
модели»

примирающий. Серая грязь, серый мусор, серая пыль — все это останется навечно, даже когда и искусство уйдет. Музейную ценность инсталляции придают блистающие чистотой стеклянные колпаки — колбы начала нашего века, хранившие в политехнических музеях редкие измерительные приборы. Пыль внутри этих музейных витрин не нужно стирать тряпкой, а напротив — бережно сохранять, для чего они, собственно, и установлены. В галерее XL те же колпаки содержали уже не узнаваемые предметы уличного быта, а некие «мыслеформы», как будто вытесненные из подсознания постмодернистского художника. Они уже потеряли реальные, привычные очертания или еще не получили их, не сформировались. Подвергая деконструкции некие архетипы, этот проект становится актуальным и для современного русского искусства, противопоставляя миру реальных, неповоротливых и угрожаящих вещей защищенные стеклом камерные «модели».

Стремление к стерильной чистоте, по мнению Сергея Волкова, идея чисто западная, России свойственна леность, рождающая пыль. Впрочем, та же пыль — свидетельство небрежения, заброшенности, запустения, — в комплексе с тщательно-любовным исполнением игрушек-макетов наводит на мысль о ностальгии, ставшей привычным мотивом последнего художественного сезона.

Вера ПОГОДИНА

Достойно есть...

Пожалуй, ресторанная хроника начала века была побогаче нынешней. Одна карта вин любого среднего заведения чего стоила! Да и едали не так, как сегодня. Обычный обед в трактире состоял из доброго десятка блюд, начинаясь осетриной и икрой и заканчиваясь целой скорородкой гурьевской каши, между которыми умещались и солянка с парой растегаев, и жареный поросенок, и еще бог знает что. Недаром глупый француз из одноименного чеховского рассказа, посмотрев на этот разгул обжорства, решил, что вокруг него собралась компания самоубийц — разве можно столько всего съесть и не умереть? Впрочем, что русскому хорошо, то немцу (читай — француз) смерть. И наоборот: хот-дог или какой-нибудь биг-мак и вся эта fast food — разве можно их вкушать? Смаковать, общаться за едой, превратив обед или ужин в непрерывный и многочасовой оргазм, в конце которого гости, как пьявки,

должны отвалиться от стола, как говаривала моя приятельница, большая охотница до кулинарных радостей. «Когда жарко и хочется есть...», нашим предкам и в голову не пришло бы мороженое «Сникерс», они знали, что в этом случае стол положено перенести в пруд и кушать, сидя по горлышко в воде. Прежние хозяйки не мучились проблемой, как бы приготовить «что-нибудь вкусное для мужа и питательное для сына», и уж тем более не решали бы ее с помощью заморского арахисового масла из пестрой баночки, которую бездарная повара выставляет по сто раз в день на телестол под голодными взглядами несчастной родни. Позор негодной и нерасторопной, сказали бы люди начала века, которые знали, что в крайнем случае надо послать в погреб за зернистой икрой, а паюсную отдать прислуге. Вот оно, благоденствие и гражданский мир. Вот единение народа и его творцов: Васнецов и Бенуа не гнушались оформить меню большого юбилейного обеда, императорский фарфоровый завод работал и

на питейные заведения, Чехонин создавал плафон для ресторана «Метрополь», не смущаясь, что вечеринка подгулявших купчиков могла закончиться выносом «шансонетки с гарниром» (то есть певички на подносе, обложенном фруктами) или «аквариумом» (сиречь роялем, в который наливали несколько дюжин шампанского и пускали поплавать кильки).

О, пулярка, кулебяка, стерляжья уха на шампанском и мясо, носившее гордое имя Строгановых! О, перепела, хрустящие рыжики, рябчики и ананасы, естественно, в том же шампанском! Где ты, «Яр», трактир Тестова, заведение Елисеева, корчмы, харчевни и молитва «Достойно есть...», которой когда-то начиналась трапеза?.. Вот что живо читается в грустном взоре воскового Гиляровского, который встречает посетителей в Музее истории Москвы на выставке «Москва кабацкая — Москва хлебосольная». На столе перед ним, кроме бумаги и ручки, штофик с рюмкой. Эй, человек, подай еще графинчик, тоска-с зела...

М.К.

Юрий НИКУЛИН: «Кажется, мой внук сумеет стать клоуном»

На свете мало есть артистов, которых никак не надо представлять. Достаточно назвать фамилию. Всенародная популярность Юрия Никулина сродни феномену Василия Теркина: каждому он как друг, сват и брат. Недаром Людмила Гурченко зовет его «папой», а Кристина Орбакайте после фильма «Чучело» на законном основании обращается к нему «дедушка».

Больше десяти лет назад, после шестидесятилетнего юбилея, отмеченного даже не в Москве, а в провинции, самый знаменитый клоун подался в начальники, радуясь, что больше не надо будет красить седые волосы. Он сменил гардеробную-гримерную на просторный кабинет директора и художественного руководителя Московского цирка.

— **Юрий Владимирович, скажите, пожалуйста, вспоминает ли хозяин этого роскошного кабинета, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, маленького мальчика Юру?**

— Во сне я часто вижу себя маленьким. Видимо, это признак старости. Сны воскрешают мое детство как-то особо, с каким-то беспокойством. Во сне я постоянно волнуюсь, мне кажется, что я потерялся. Я ищу родителей, звоню по телефону, разыскивая их, и не нахожу, но словно слышу их голоса...

Самая счастливая пора жизни — дошкольное детство. Школа — это конец свободе. Вот анекдот из серии «школьных»: «Назови лучшие пять лет в твоей жизни». — «Когда я пять лет учился в первом классе». А у меня самыми счастливыми были годы, когда я в пять лет вместе с отцом впервые пришел в цирк на Цветном бульваре и увидел испанских клоунов Барассета. Я их помню до сих пор. Мне так понравилось в цирке, что са-

мому захотелось стать клоуном. Первый цирковой костюм из ситца мне сшила мама. Должен сказать, что мой клоунский дебют в гостях у девочки из нашего двора был полностью провальным. Подражая клоунам Барассета, я нарочно падал, пытаюсь вызвать смех, но вместо аплодисментов услышал обидный вопрос, заданный маме: «Он у вас что, припадочный?»

— **Значит, выбор профессии был сделан уже тогда?**

— Нет, не сразу. Кроме цирка я был влюблен в театр. После неудачной попытки выступить в роли клоуна я попробовал свои силы в домашнем спектакле под вкусным названием «Блин». Это было представление во время масленицы, и состояло оно из веселых приключений, в конце которых все садились за стол и ели настоящие блины со сметаной. Так что связь искусства с жизнью я осознал еще в дошкольном возрасте.

Мои школьные годы вообще целиком прошли под знаком театра благодаря родителям. Они были не просто театралы: мама в молодости успешно выступала на подмостках провинциальных театров, а папа был режиссером. Именно мама настаивала на том, чтобы я стал актером Камерного театра, к которому она питала особое расположение, а отец уговорил идти работать в цирк.

— **Расскажите о ваших родителях.**

— В детстве мама жила у бабушки в Прибалтике, в городе Ливенгофе, где ее отец был начальником почты. Во время революции она уехала к своим сестрам под Смоленск, в город Демидов. Днем работала в библиотеке, а вечерами играла в театре характерные роли. Там, в Демидове, мои родители и познакомились.

Отец в Демидове создал «Теревьюм» — Театр революционного юмора. Познакомившись с мамой, он стал приходить в библиотеку менять кни-

ги три раза в день. Чем это «быстрое чтение» закончилось, известно: они поженились, и родился я. Ради меня мама отказалась от сценической карьеры: ей предлагали учебу в театральном институте и даже приглашали во МХАТ-2.

— **А как вы стали москвичом?**

— Москвичом я стал через четыре года, когда семья переехала из провинции в столицу, родной город отца. Ума не приложу, как мы все умещались на девяти метрах: папа, мама, тетка, я. Периодически еще возникали кошки, собачка и черепаха. На жилплощадь претендовал и папин театральный реквизит — отец вел кружок самодеятельности. Помню фрак, пистолет, цилиндр и другие экзотические вещи. От тесноты спасал юмор отца и фантастически дружелюбная атмосфера нашей родной коммуналки. Кроме нас в ней жила большая семья гимназического друга отца Виктора Холмогорова в шести комнатах. Двери во всей квартире не запирались, и для детворы было раздолье. Всех объединяла кухня — своеобразный клуб-салон. Интеллигентные беседы витали над кастрюлями и сковородками, не зная склок и скандалов. Таких домов теперь больше нет. Мы живем замкнуто, не имея понятия даже о соседях. Раньше, до войны, все было иначе.

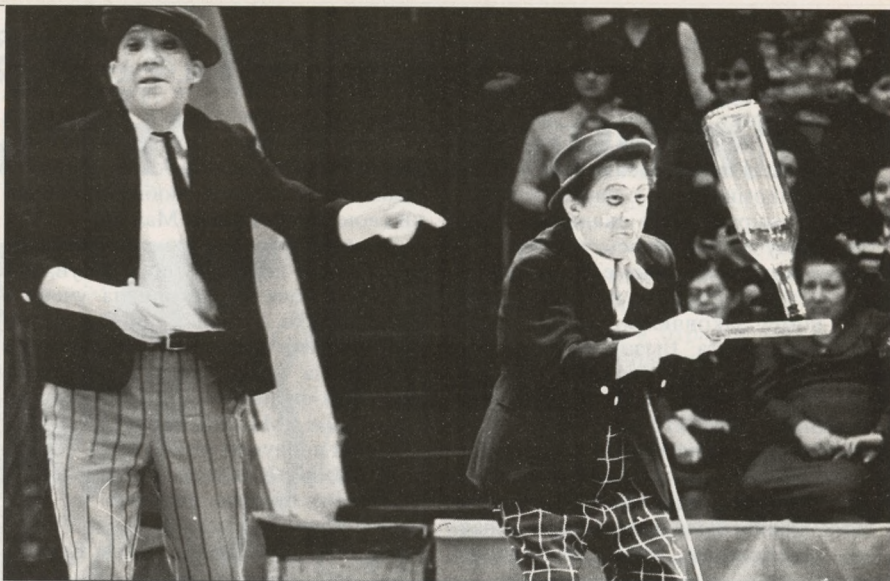
Мы жили бедно, но весело благодаря профессии отца. Он писал скетчи, репризы для цирка, для эстрады, и мы с мамой первыми их выслушивали. Папа читал хорошо поставленным голосом и следил за нашей реакцией. Еще он писал тексты для известных куплетистов, таких, как Громов и Миллих, для конференсье Райского. Работая репортером в газете «Известия», отец получал пропуск на спектакли на два лица. Возвращаясь с мамой из театра, они обсуждали пьесу, игру актеров, оформление. Так, еще

мальчишкой, я оказался в курсе театральных дел Москвы. Отец занимался со мной этюдами, художественным чтением. По утрам он читал мне стихи, а вечерами мы пели песни.

У папы была толстая тетрадь, в нее он переписывал русские народные песни, начиная с шуточных и кончая кандальными. Иногда мы сами придумывали к ним мотивы и страшно удивлялись, услышав по радио их иное звучание. Отец меня очень любил и все свое свободное время посвящал мне. Я и сотой доли такого внимания не уделял своему сыну Максиму, когда он рос.

— **А от кого вы унаследовали любовь к анекдотам?**

— Тоже от отца. Мне шел шестой год, когда отец рассказал мне первый анекдот, соответственно моему возрасту. Лет в четырнадцать я услышал

анекдоты, рассчитанные на подростка. А когда отец уходил в армию, он поведал мне три последних анекдота, зашифрованных в толстой тетради.

Еще в школе, следуя примеру отца, я завел специальную записную книжку

для анекдотов. Часто вдвоем с ним мы анекдоты улучшали, усиливали концовку, убирали лишние слова. А через год-полтора из Ленинграда или Киева кто-то привозил наш улучшенный анекдот, мы этим гордились.

— **Театр, цирк, песни, анекдоты... Однако настоящая популярность к вам пришла в кино — после фильмов Гайдая. Не было желания оставить цирк ради карьеры киноактера?**

— Кино я очень люблю, но ради него никогда бы не ушел из цирка. Ведь тогда я вынужден был бы сниматься в плохих фильмах ради заработка. Я выбирал сценарии, которые нравятся. «Кавказская пленница» поначалу меня совершенно не заинтриговала, и я отказался. Гайдай уговаривал: «Мы что-нибудь придумаем для тебя по ходу съемок, Юра, соглашайся!» Звонили даже из парткома «Мосфильма» и пытались воздействовать на мою партийную совесть. Одновременно заманивали повышением ставки. Но уступил я ради Вицина и Моргунова, чтобы не разбивать нашу комедийную троицу. Ведь уже вышли на экран «Пес Барбос и необычный кросс», «Самогонщики», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». «Кавказская пленница» была четвертой. Потом «Бриллиантовая рука». Я вспоминаю те прекрасные дни, когда снимался с Папановым и Мироновым в этом фильме — мы понимали друг друга с полуслова. После их смерти, такой внезапной, «Бриллиантовую руку» смотреть больше не хочется...

— **Вы часто ходите в театр, кино?**

— В театр — очень редко, а в кино почти не бываю. Так, смотрю изредка по телевизору или на видеокассете, хотя впечатление, конечно, не то — только сосредоточишься, глядя на экран, тебя сразу отвлекут чем-нибудь вроде: «Юра, передай колбасу».

— **Вы реализовали практически все интересы и увлечения своих родителей. Ваша жена Татьяна стала цирковой артисткой. А вот сын Максим нарушил традиции семьи — пошел в журналисты. Почему?**

— Лет в четырнадцать он мечтал о цирке, но клоуном быть не хотел, его привлекала акробатика. А Татьяна и не собиралась в артистки, да жизнь заставила. Женил меня на ней клоун Карандаш. Готовя сценку на лошади, он познакомил меня с двумя студентками Тимирязевской академии. Таня мне сразу приглянулась, и я пригласил ее в цирк на наше с Карандашом выступление. Но в тот вечер наш концертный номер закончился тем, что я попал под копыта. Вызов на «Скорой» приняла моя мама, которая работала там диспетчером. Чуть не потеряла сознание, узнав, кто пострадал. Меня положили в институт Склифосовского, а Таня пришла меня навестить. Так началась наша любовь. Танина тетка очень была недовольна, узнав, что племянница навещает клоуна.

остальное время работают в так называемом конвейере: каждые два-три месяца переезжают в другой город, таская за собой детей и всю семью. Нашего Максима воспитывала Мария Петровна. Когда сын подрос и женился, то в честь любимой бабушки свою дочку назвал Машей.

Мария Петровна со многим смирилась: и с тем, что зять клоун, и с тем, что дочь не закончила учебу в Тимирязевке, а стала цирковой артисткой. И даже с тем, что Таня коротко подстригла волосы, чтобы играть мальчика-француза в клоунаде-пантомиме «Маленький Пьер», сюжет которой придумал мой отец.

— **Назовите самых замечательных, по вашему мнению, клоунов.**

— На вершине всей цирковой пирамиды стоит Карандаш, потом Вяткин,

сломалась трюковая шкатулка, без нее эффектный трюк с кубиком не получался. Никто из наших краснодеревицков починить шкатулку не мог. А Шуйдин глянул и говорит: «Я сделаю ее за выходной». Увез ее в Подольск, где в то время жил, а на другой день доставил в полной исправности. Все только ахнули. Больше всех был потрясен сам Кио: он трюк с кубиком очень любил и заплатил Шуйдину 1000 рублей — в ту пору большие деньги.

...Я уверен, клоуном нельзя стать — надо родиться. Я все время мучительно думаю над тем, где найти смешных клоунов, к молодым присматриваюсь, даже в детях ищу черты будущего клоуна. Мне кажется, мой младший внук Максим сумеет стать клоуном. Он очень смешной: голубые глаза, лукавая улыбка. Юмор в нем заложен

Она видела клоунов в последний раз в 1911 году в балагане на ярмарке, и воспоминания об этом вызывали у нее тихий ужас.

Так, благодаря сломанной ключице, моя затянувшаяся холостяцкая жизнь завершилась свадьбой. У меня появилось много новых родных, и самое главное — Танина мама, Мария Петровна. Она бесстрашно кочевала с нами по циркам всего Советского Союза: ведь цирковые артисты только месяц в году проводят дома, а все

Берман, Енгигбаров, Олег Попов, а уже после них — Майхровский, Марчевский, Маковский, Ротман, Родин.

— **Простите, вы забыли упомянуть в первом списке Никулина и Шуйдина.**

— Ну, о Никулине не мне судить. А мой неизменный партнер Михаил Николаевич Шуйдин был уникальным артистом. Когда он умер, я просто осиротел. Он был мастером на все руки, очень гордился мирной профессией слесаря-лекальщика, весь репертуар делал сам. Помню, у Эмиля Кио

от природы. Он любит анекдоты, особенно абстрактные, и в свои пять лет смешно их рассказывает. Когда он приходит к нам вместе с солидным первоклассником — старшим братом Юрой, названным в мою честь, то обращается ко мне с такой репризой: «Дорогой дедуля, большое тебе спасибо за то, что сегодня ты нам купишь пепси-колу».

Людмила УРАЗОВА

Как Минфин правительство «подправлял»

Россия добилась еще одного выдающегося достижения, которое достойно внесения в Книгу рекордов Гиннесса. Мы стали первой и единственной страной в мире, где производство этилового спирта невыгодно!

И совсем не потому, что наши спиртовики разучились производить этот продукт, уступая другим странам в технологии его производства, или, скажем, пользуемся другой сырьевой базой. Нет! Такое «достижение» оказалось возможным только благодаря вмешательству Министерства финансов Российской Федерации, которое весьма своеобразно «разъяснило» постановление правительства о введении акцизного налога.

Суть дела заключается в следующем. Постановлением правительства объявлен акцизный налог 90 процентов на этиловый спирт-ректификат из пищевого сырья, который идет для приготовления водки и других крепких спиртных напитков. Но у Министерства финансов оказался свой подход. Чиновники задумались, как практически претворить в жизнь это постановление? Долго ломали они головы, но затем вместе с Государственной налоговой инспекцией создали уникальную формулу расчета, которая и обеспечила крупнейшее достижение в области экономических знаний.

Минфин предлагает не просто девяностопроцентный акцизный налог. Давайте вспомним школьный курс арифметики. Если увеличение на 90 процентов, то это рост в 1,9 раза. Логично? Для отечественных министерских финансистов — нет. Они изобрели совершенно новую формулу:

$$\frac{100}{(100 - A)}$$

где А — акциз, который равен 90, т.е.:

$$\frac{100}{(100 - 90)} = 10.$$

Какая же экономика выдержит таких лобачевских?! Где логика? Такое удорожание ничем не мотивировано. Наши российские специалисты только что разработали новую, не имеющую аналогов в мире технологию получения спирта. Она обеспечивает

снижение его себестоимости в три раза. Это большой успех коллектива ученых, инженеров-химиков, технологов. Событие в отрасли значительное, сулящее большие прибыли государству. Но не тут-то было! Чиновники из Минфина единым росчерком пера правят плюс на минус. Угнаться за полетом их ни на чем не основанной фантазии нереально. В десять раз удешевить сложное производство этилового спирта-ректификата из пищевого сырья не удавалось никому и нигде. И в ближайшие десятилетия не удастся.

На сегодня спиртовики Министерства сельского хозяйства, других российских министерств и ведомств пребывают в недоумении и растерянности. Всю жизнь в России производился лучший по качеству спирт, всегда это было выгодно и давало крупные поступления в государственную казну. Сегодня же в стране накопилось 30 миллионов декалитров спирта на общую сумму около 2,5 триллиона рублей. А это именно те деньги, которых не хватает бюджету России для того, чтобы решить самые насущные проблемы с повышением минимальных пенсий, зарплат и т.п.

И при таком количестве отличного отечественного пищевого спирта мы покупаем водку низкого качества за рубежом! Каждый из нас встречал информацию в прессе, что то тут, то там происходят отравления недоброкачественными спиртными продуктами. И при этом российский спирт высочайшего мирового класса остается невостребованным!

Все работники спиртовой отрасли России задаются вопросом: неужели наше правительство не в состоянии разъяснить Министерству финансов суть изданного постановления о государственной монополии? Ведь если на высшем уровне был принят размер акцизного налога в объеме 90 процентов, кто может править его по своему усмотрению, ставя тем самым на грань финансовой катастрофы целую отрасль, испокон веку одну из самых рентабельных?

Александр ТРУТНЕВ

Умен, а не заумен

**«Кругом возможно Бог»
Театр «Эрмитаж»,
реж. М.Левитин**

Михаил Левитин поставил уже третий спектакль, где используются тексты обэриутов: в данном случае — поэма «Кругом возможно Бог» и маленькие фрагменты других вещей Александра Введенского («Очевидец и крыса», «Сцена на шестом этаже»). Нынешний спектакль, где заняты по преимуществу выпускники левитинского курса РАТИ, имеет предшественником, конечно, не проникновенный и созерцательный «Вечер в сумасшедшем доме», а знаменитую «...Школу клоунов» — спектакль по Хармсу, визитную карточку «Эрмитажа». Зрелый Введенский, с его почти маниакальной сосредоточенностью на трех пресловутых темах («время, смерть, Бог»), с его суровыми прорицаниями, интересом к запредельному и брезгливостью к посюстороннему, — этот автор, как доказывает спектакль, может послужить созданию бесшабашного карнавального действия с кодой оптимистической и чувствительной. Такому «превращению» Введенского, прямо противоположному тому «огненному», что претерпевает мир в поэме, много способствовал совсем еще молодой композитор спектакля Андрей Семенов. Он не только сочинил множество вокальных и сопровождающих номеров, но и сам играет их, восседая в течение всего спектакля за роялем, уставленным

свечами в канделябрах и бутылках. Рыжий, гибкий, хочется сказать — егозливый, пианист не аккомпанирует, а активно влияет на ритм и «накал» действия, то жеманно наигрывая некий стилизованно салонный джаз, то неистовствуя в «мюзик-холльном» номере «В лесу растет могилка...» и, наконец, с подъемом завершая спектакль песней на текст отрывка «Беседа часов» — потенциальным шлягером. Вообще, спектакль, как представляется, непременно должен стать своего рода шлягером интеллигентной молодежи. Просмотры уже давали основание для такого прогноза: по количеству желающих попасть в театр казалось, будто вернулись 80-е годы, когда обэриуты наиболее интенсивно возвращались в культуру и их творчество воспринималось как остроумное, дерзкое нарушение норм обыденного. Знаменательно и справедливо, что именно Левитин, так много сделавший для упрочения репутации обэриутов, теперь обозначает рубеж, где следует остановиться при чтении этих трудных текстов, дабы не утратить жизнелюбия. «Мертвый господин», который у Введенского вбегает в зарезанный, подобно петуху, мир и «молча удаляет время», у Левитина сдергивает и утаскивает белый полог, колыхавшийся над кроватью. Обнаружившийся на кровати петух, безусловно, жив, а не мертв; а спектакль, заканчивающийся таким образом, несомненно, умен, а не заумен.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Увертюра перед какофонией

**«Увертюра»,
Объединение
«Ф-семинар»,
реж. Ф.Якубсон**

Название фильма нарочито двусмысленно: увертюрой называется как вступление к опере, так и законченное симфоническое произведение, и какому толкованию отдать предпочтение — дело зрителя. Впрочем, в начале фильм увертюра понимается буквально: на наших глазах ее исполняет оркестр под управлением Мстислава Ростроповича, которого судьба принесла в Россию в дни очередного путча. Как признается режиссер, судьба тоже занесла его в Москву по совсем другому делу, но, услышав грозный президентский указ, он с оператором отправился к «Белому дому», чтобы схватить на пленку все, что удастся. Самую блистательную сцену он снял на 27-м этаже мэрии, где располагался в те дни «ЭПИцентр», но не событий, а Григория Явлинского. За эти три минуты на экране я не колеблясь присуждаю Григорию Алексеевичу приз за лучшую мужскую эпизодическую роль. Надо видеть, как он держит паузу, как взвешивает слова, как точно формулирует мысль. Этими бы устами да мед пить. Но дальнейшее течение фильма вызывает непривычное сожаление о несовершенстве документальной кинокамеры, чей глаз, в отличие от божьего ока и камеры

художественной, не вездесущ. Увы, где ее нет, там нет: в кабинете Хасбулатова, за спиной Руцкого, в покоях Ельцина, в машине Лужкова и в кармане Грачева. Зато стихию уличных беспорядков она поглощает и выпускает на экран упорядоченной, чем и отличается от пищеварительного тракта. Запоминаются кликуши у стен ВС и второе издание «хрустальной ночи»: битые стекла на *телефидении* под водительством партайгеноссе и камрада Макашова. Здесь, в толпе погромщиков, странным образом яснее чувствуется, что выбор между законным, но нелегитимным Верховным Советом и легитимным, но незаконно действующим президентом был вариантом все того же неизменно неразрушимого российского выбора между Сциллой и Харибодой. Хоть налево пойдешь, хоть направо — все равно, когда выйдешь, люди зажмут нос. И стоять на месте не лучше, поскольку, как гласит китайская мудрость, лучше сидеть, чем стоять, лежать, чем сидеть, и умереть, чем лежать.

Виктор МАТИЗЕН

Фокусы языка знаков

**«Товарные знаки
Специального
художественного
конструкторского бюро
ЛЕГПРОМ 1964—1984.
Художественный
руководитель
М.Шварцман»
Изд. «ИМА-пресс» и
Галерея дизайна**

Не зная названия выставки при виде экспозиции испытает шок: то ли это — проба принтера, то ли — элементы орнамента, то ли — страницы из Словаря символов. Как и большая часть искусства второй половины XX века, выставка «Товарные знаки...», экспонируемая Галереей дизайна, требует комментария, знакомящего с диахронией данного художественного языка. Вернее, даже не требует, а включает текстовой комментарий внутрь языка как одну из необходимых частей, превращая его из посредника («Не смотрите, пока я не расскажу») между

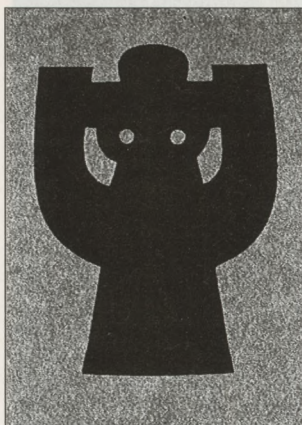

Сцена из спектакля

зрителем и изображением в элемент изображения, который (боюсь напророчить) явно желает доминировать. Тут страшна не произвольность или необходимость интерпретации, а подмена одного языка другим, который, как фокусник, убеждает, что вот он, целехонек, этот только что сожженный платок. И от этого нового языка искусства нельзя отказаться, потому что как бы мы без него узнали, например, чем отличается знак:

от знака:

Д.А.КОР

Шоколадная Софи

«Аида», фильм-опера Италия, показ по РостВ

Весьма остроумный ход — представить Софи Лорен 19-летней статисткой, вымазанной шоколадным гримом и весьма старательно открывающей рот под гениальную фонограмму Ренаты Тебальди. Весьма телевизионный жанр — фильм-опера, в котором

условность сценического действия режиссер героически пытается преодолеть безусловностью его изображения на целлулоиде. Чисто оперная «вампучка» только выигрывает в сравнении с сорокалетней давности «вампучкой» кинематографической, когда в Египте, оказывается, произрастают кактусы, а псевдоисторические костюмы танцовщиков прекрасно дополняют балетные пуанты и соответственно танец на них, и все это среди гигантских картонных дворцов, живых коней и битвы в пустыне. Но в результате все же в большой игре оперной статики, кинематографической динамики и телевизионной всеядности побеждает и выигрывает последняя, поскольку она по сути своей создана для того, чтобы развлекая просвещать и просвещая развлекать. Так что стоит, наверное, вынуть из Госфильмофонда заплывшие фильмы-оперы, снятые в лучших и самых постмодернистских традициях большого советского стиля.

И.Л.

Хочу гюлькюлюм

**«Мангоманго. Рожденные взрывом»
Аудиокассета,
ст. Нарезного
«Мангоманго»
Выступление
в клубе Alyabyev**

Пройдя сквозь ряд рабочих, матросов, эскимосов и доярок — барельефов и мозаик станции «Автозаводская» — и перейдя улицу, попадаешь в коридор бетонных заборов, гаражей, кустов, заводских труб, и шумов, и дымов, который ведет прямоком в ДК «Динамо». Этот уютный шедевр сталинской масс-архитектуры расположен между мусоркой на речном обрыве и в никуда ведущей улицей, рядом с трамвайными путями, которые то вновь пропадают, то появляются из-под асфальта. Это идеальное место для рок-клуба, выдержанного в стилистике провинциального советского ресторана середины зных

Плакат группы «Мангоманго»

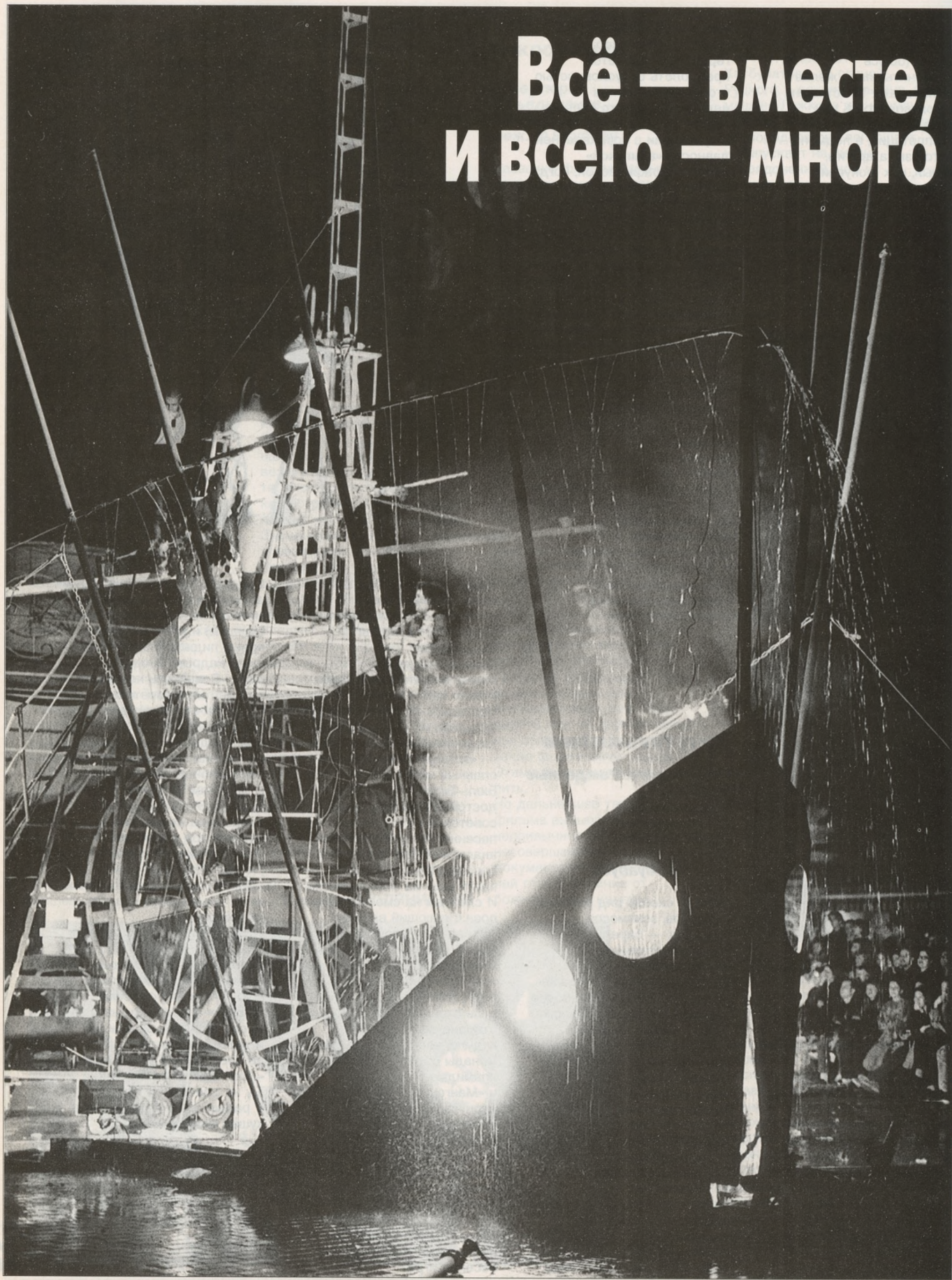
годов: но вместо Бюль-Бюль оглы, Кола Бельды и блатняка из динамиков раздается народная задушевная «Пьяная-поддатая пионервожатая», а в баре можно найти виски. Ностальгические слезки уже катились из моих глазок, когда на сцену (тянет сказать — «эстраду») поднялись славные наследники Бюль-Бюль и компании, достойные продолжатели советской песенно-басенно-питейно-аналитической традиции, бородатые-неподдатые партизаны из «Мангоманго». И слезкам на смену пришел повизгивающий восторг. Диковинный двойной плод, группа «Мангоманго», вновь родилась после четырех лет запоя, застоя и полного отсутствия на сцене. Много пуль отсвистело по родной стороне, много ветров отдуло, все сознательные монады сменили свои хламиды на пиджаки, и «Мангоманго» оставили свои бурнусы, чтобы сменить их на теплые жилетки и возродиться в новой карме. Во времена социального рока заливчатские мангоидные композиции казались чистым стебом и нецелесообразностью: сейчас они точно в струю. «Мангоманго» — это как Mano Negra. Но по-русски: веселая игра

с музыкальными и текстовыми штампами плюс этнические мотивы, пестрая (как старые бурнусы) и клетчатая (как новые пиджаки) эклектика плюс надрыв. Пионеры тут поют «Взвейтесь кострами» под рэггей, а советская патриотическая плавно перетекает в нечто алисоподобно-идиотическое, цыганочку сменяют заунывно-восточные ритмы, а шаманам на север завозят бананы. Это веселый мир сумасшедших влюбленных мужчин под одинокими искусственными пальмами (песня «Пять мужчин»). «Манго» снова играют старые хиты: «Бензобак», «Космонавты», «Аквалангисты», «Не щечочи мне душу». Не хуже старых — новые: «Пули», «Источник наслаждения». Визгливый вокал Андрея Гордеева и акустический надрыв, увы, много теряют в записи. А хитее всех хитов по-прежнему «Гюлькюлюм»: «Этот мир такой жестокий. Ты не плачь, моя ханум. У раджи была собака. Тоже кушал гюлькюлюм».

Михаил МУЗЫКОВ

Дневник У.

Всё — вместе, и всего — много

Если на будущий год они приедут к нам, будет шухер на всю Москву. Они разыграют гибель «Титаника». Для этого им нужна большая городская площадь и пожарная машина, все остальное они привезут с собой на двух трейлерах. Когда мы с режиссером Иосифом Райхельгаузом предложили им показать свое действо в Москве, они хором закричали: «Red square! Red square!» Гибель «Титаника» на Красной площади — действительно эффектно!.. Хотя у Райхельгауза есть своя площадь перед своим театром — Трубная. Где же тонуть «Титанику», если не там?..

Короче, на втором боннском театральном фестивале немецкая труппа показывала представление на открытом воздухе. «Спектакль воды и огня» — было написано в программе. Зрелище взаправду фантастическое! Вначале на площади были разложены части какого-то гигантского конструктора: колеса, трубы, листы металла, канаты... И вот все это начинает вздыматься, сближаться, свинчиваться, оплетаться канатами — и у нас на глазах возникает корабль почти в натуральную величину. Вернее, не корабль, а образ корабля, потому что находимся мы все-таки не на верфи, а в театре. Живой оркестр, разноцветные прожектора, легкий занавес немецкой ночи... Вот в железный нос корабля с двух сторон ударяют две толстые струи воды — это «Титаник» поплыл, разрезая волны. Полная иллюзия! Спектакль разыгрывается несколькими клоунами: клоун-капитан, клоун-матрос, клоун-кочегар, клоун-стюарт, клоун-пассажир, клоунесса-пассажирка... На верхней палубе идет грандиозная гулянка, едят огромную свинью, пьют шампанское из нефтеналивных воронок, танцуют... А в это время в трюме открывается течь. В сплошном хлещущем водяном потоке кочегар-работяга в кожаном фартуке и на костыле пытается заткнуть пробину. Никак! Время от времени он карабкается на верхнюю палубу — мол, господа, спасайтесь, катастрофа! Но его спихивают обратно вниз — тут у нас самый кайф, не до тебя. Уже струи начинают бить отовсюду, все горит, взрывается, рвется... Так же, как на наших глазах корабль собирался, он начинает распадаться. Мечутся в бурлящих водопадах люди, валится мачта, сгорает труба... Всё! Да, на Красной площади такой аттракцион был бы очень уместен...

Но одна пронзительная деталь делает из этого цирка, гротеска, гиньоля — трагедию. Перед самой катастро-

фой к двум концам перекладки на самом верху мачты подвешивают дирижера оркестра с одной стороны и матроса — с другой. Перекладка становится гигантскими качелями: дирижер идет вверх, матрос — вниз, и обратно... Но при этом дирижер на валторне, а матрос на аккордеоне играют нежную печальную мелодию. И на секунду сжимается сердце, щиплет глаз — ты вдруг осознаешь, что тебе рассказывают об одной из самых трагических историй нашего почти минувшего века. Страшную фразу сказал мне Анатолий Смелянский после этого спектакля: «Представляешь, через 82 года так поставят про Чернобыль...»

«Титаник» не был самым заметным спектаклем в Бонне. Более того, многие вообще не принимали его всерьез — так, цирк с водой... Но мне показалось, что в этой воде барахтается в мучительных поисках себя театр девяностых годов. Театру сейчас трудно. К сегодняшнему дню, и даже ко вчерашнему, прокручены, проверчены и, я бы даже сказал, промотаны все сценические идеи двадцатого века. И реалистический театр, и символический, и гротесковый, и натуралистический, и театр абсурда, и театр жестокости, и концептуальный... Что дальше? Пока тишина. Пока ничего нового не изобретается...

И тогда театр в ожидании очередного взрыва начинает соединять ранее найденное в причудливых сочетаниях: авось на стыке жанров и стилей появится новая реальность на сцене и свежая эмоция в зале. И это не только в искусстве. Наука уже давно работает в пограничных зонах. Общество судорожно тасует политические концепции: то пытается случить социализм с капитализмом, то мечтает о царе при всей остальной полной демократии, то скатывается к коммуно-фашизму... Все — вместе. И всего — много. В театре это «всего много» выражается в переборе: уж если лить воду, то цистернами; а если петь, то в полную силу, как в опере. Впрочем, это уже про другое.

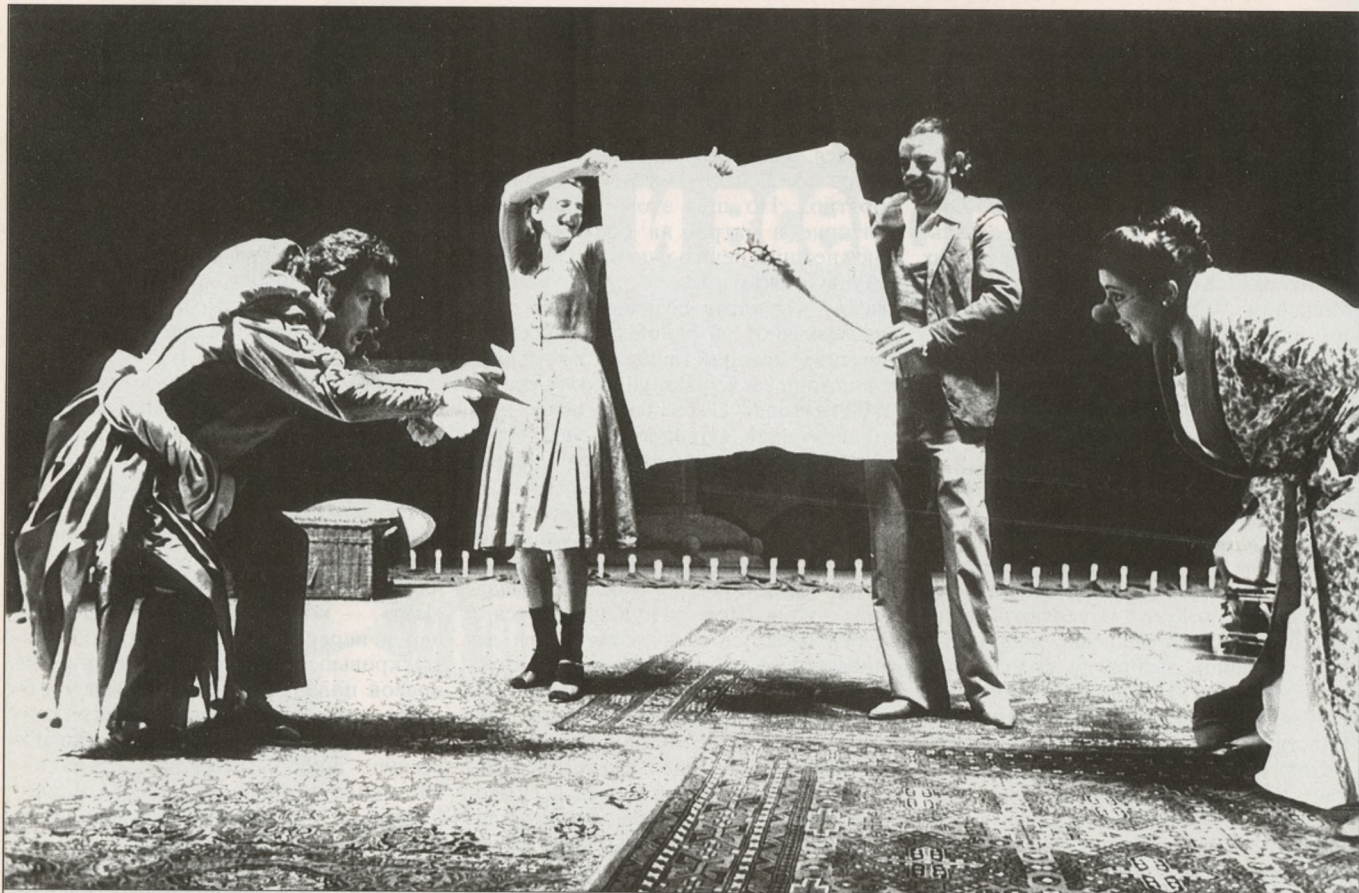
Барселонский театр «Els Joglars» приехал на боннский фестиваль второй раз. И оба спектакля меня потрясли! Первый был весь замешен на фламенко. Фламенко как действующее лицо, как сила, поворакивающая сюжет, как танк, перепихивающий сценическое пространство. В новой работе все вращается вокруг оперы «Риголетто». Сюжет такой: старый капельдинер собирает ночью на сцене большого национального театра группу бомжей и пытается с ними репетировать знаменитую оперу Верди. Текст, разумеется, пародийный, остроумный, зал хохочет. Колоритные

бомжи с музыкальными инструментами, привязанными к тележкам, которыми полны наши станции метро, исполняют куски из оперы вживую и абсолютно профессионально. Самая потрясающая в этом ансамбле Джильда — толстая уборщица с метлой и ведром, но когда она запекает... На эту роль в драматическую труппу была приглашена оперная певица Бегона Альберти — победительница конкурса Марии Каллас, до удивления на нее похожая.

Господи, как раскачивается действие! От гиньоля до вдруг возникающей высокой трагедии бедного шута и его обесцещенной дочки... В какой-то момент на сцене появляется журналист, который задает капельдинеру длинный вопрос, уже заключающий в себе развернутый ответ. «Так да или нет?» — спрашивает журналист. «Нет», — коротко отвечает капельдинер и перерезает ему горло. Обливаясь кровью, журналист агонизирует на правой половине сцены, а слева Риголетто пытается копировать его конвульсии, исполняя при этом свою коронную арию. Посередине стоит капельдинер и руководит учебным процессом... Постепенно у бомжей получается, в них просыпаются актеры, теперь их трудно остановить. Они жаждут успеха. Кто-то приносит на сцену магнитофон с записью бурных и продолжительных аплодисментов, актеры упииваются этими божественными звуками, отпихивая друг друга, выбегают кланяться перед магнитофоном, а исполнитель роли Герцога, спившийся и стареющий фат с вываливающимся из брюк животом, просто мастурбирует на аплодисменты, испытывая райское наслаждение...

И снова капельдинер своей железной художественной волей поворачивает актеров к подлинному театру. Он учит: «Не скатывайтесь ни к жизненному правдоподобию, ни к порнографии — только высокий фарс и буффонада!» В финале с колосников опускается крошечная сценка с парчовыми кулисами и задником, и в этом изящном обрамлении Риголетто и Джильда допевают свою беду. Мощно звучит полный симфонический оркестр, взмывают ввысь божественные голоса солистов... Золототканые одежды старинного театра падают — перед нами снова уборщица и бомж... Великий спектакль!.. Всё — вместе: и опера, и драма, и пародия, и буфф. И всего — много. И всё — настоящее!

Еще совсем недавно, несколько лет тому назад, у нас можно было удивить зрителя чем-нибудь одним: остротой политической темы, оригинальной сценографией или, например, поп-звездой в главной драма-

На боннской сцене — актеры из Испании

тической роли; вывести, скажем, на сцену живого льва или устроить в театре большой бассейн; в конце концов, раздеть актеров... Каждый из этих кунштюков в отдельности мог обеспечить успех спектаклю. Теперь не то. Объелись. И раскатать зрителя можно только наворотом всего сразу. «Вы видели этот спектакль? Что вы! Срочно бегите! Там голый член парламента с Аллой Пугачевой верхом на льве переплывают настоящее озеро...» Да, на это стоит посмотреть. Повторим: всё — вместе, и всего — много. Не это ли формула постмодернизма, который считается сейчас преобладающим направлением в искусстве?.. Правда, уже начинает отходить. Отходит, отходит... И вот уже не хочется никаких ухищрений — коврик и два актера. И неторопливый внятный текст. Но пока...

Когда раскрылся занавес на амстердамском спектакле, на зал поехала гигантская театральная машина. Все зеркало сцены представляло собой разрез гостиничного здания. Два этажа, на каждом по пять номеров, и в каждом номере идет жизнь. И мы все их — эти жизни — видим сразу. Два вора, притаившиеся в ожидании облавы; женщина в траурной вуали, зажигающая свечу; какая-то политическая группа, разговаривающая

между собой цитатами из газет; странный молодой человек, вселившийся в свою клетушку с огромным баулом, полным театральными карнавальными костюмами (в течение всего спектакля он переодевается и фотографирует себя, когда же костюмы кончаются, запечатлевает себя голым); в среднем номере хозяйка гостиницы, огромная феллиниевская бабища, навалившись на микрофон, пытается через радиоточки руководить процессом проживания...

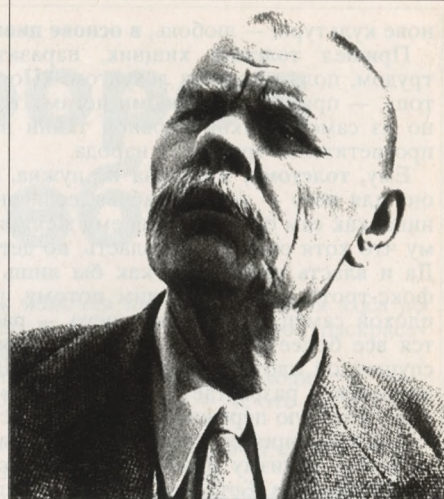
Кроме того, в каждом номере телевизор, показывающий то, что происходит в соседних номерах. Сюжеты развиваются, переплетаются, меняют свое направление... И обрушиваются на зрителя, словно камни, безостановочно катящиеся с горы. Вот затихли, вот взрыв, а вот все жильцы сошлись в одном номере, стоят плотно сбитой группой и наблюдают, как одетая в бальное платье женщина, разбегаясь от одной стены, всем телом вцепляется в другую, — и так без конца. Муха, бьющаяся о стекло. А все стоят и смотрят. Как в театре. И мы, зрители, тоже...

«А как там в Бонне наши?» — спросите вы. Были там и наши: театр им. Маяковского со «Сказкой о мертвой царевне» Николая Коляды и «Школа русского самозванства» с «Землян-

кой» Владимира Сорокина. Сенсацией фестиваля наши не стали, но прошли очень хорошо, с положительными рецензиями и широкими дискуссиями. Пьесы русских авторов западный зритель смотрит особенно внимательно. Он знает, что театр в России больше, чем театр. Напряженно и пристально всматривается западный человек в сценическую картинку, пытаясь понять: что это за страна — Россия, что с нами происходит и почему мы так долго не можем вынырнуть из своих проблем, вынырнуть, отдышаться и рвануть к прогрессу, благоденствию, к счастью? И надо сказать, наши спектакли дают им какие-то ответы. Может быть, поэтому вот уже второй раз организаторы фестиваля отбирают у нас два спектакля. Все страны привозят в Бонн по одному, а Россия — два. А в этот раз туда еще была приглашена целая компания из стран СНГ. И тут, на чужбине, исключительно благодаря немцам, я после долгого перерыва смог увидеть своих старых друзей-драматургов: Алексея Дударева из Белоруссии, Ярослава Стельмаха с Украины, грузина Тамаза Чиладзе, литовца Роландаса Раस्ताускаса. Снова все были вместе, и всех много...

Горький и Толстый

Об одной известной статье пролетарского писателя

Алексей БАТАШЕВ

Люди среднего поколения прекрасно помнят статью Максима Горького «О музыке толстых», которой в 50-е годы страшили любителей танцевать под синкопированную музыку. Не все еще знали, что такое джаз, но уже все отвечали у школьной доски про это произведение «неоднозначного» писателя.

Еще в школе мне было непонятно, ради чего Алексей Пешков отказался от своего имени и фамилии?.. Я считал, что тем самым он предал родителей и всех своих предков, отсек собственные корни. Имя «Максим»,

допустим, от этого максимализма. Но почему «Горький», а не «Злобный»? Ведь от его строк веяло неудовлетворенной злобой. Эта злоба отравила людей моего поколения, разлилась в них, и угрюмое молчание вокруг демонической фигуры «пролетарского писателя» (голова которой с дьявольскими рожами еще пугает посетителей старого вестибюля метро «Парк культуры») — одно из следствий этого отравления.

Я предлагаю еще раз прочесть отрывок из знаменитой горьковской статьи, впервые опубликованной в «Правде» 18 апреля 1928 года. Теперь этого уже никто не помнит, но начи-

налась она с описания тихой итальянской ночи, с мысли автора о прогрессе науки, которые прерывались вдруг звуками джаза...

Любопытно, кстати, что поначалу этот памфлет не оказал заметного влияния на советский джаз: вмешалось (и это отдельная сенсационная история) международное коммунистическое движение. О заметке Горького вспомнили в период «разгибания саксофонов» и «борьбы с космополитизмом». Статью всюду цитировали, учили в школе, но с изъятиями особо одиозных мест. Ниже отрывок из нее приводится по оригинальному тексту.

О музыке толстых

Но вдруг в чуткую тишину начинает сухо стучать какой-то идиотский молоточек, — раз, два, три, десять, двадцать ударов и вслед за ними, точно кусок грязи в чистой, прозрачную воду, пацает (падает? — А.Б.) дикий визг, свист, грохот, вой, рев, треск; врываются нечеловеческие голоса, напоминающие лошадиное ржание, раздается хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных, они сошли с ума на сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец, размахивая огромным фаллосом.

Это — радио, одно из величайших открытий науки, одна из тайн, вырванная ею у притворщицы-природы. Это радио в соседнем отеле утешает мир толстых людей, мир хищников, сообщая им по воздуху новый фокс-тротт в исполнении оркестра негров. Это — музыка для толстых. Под ее ритм во всех великолепных кабаках «культурных» стран толстые люди, цинично двигая бедрами, грязнят, симулируют акт оплодотворения мужчиной женщины.

Издrevле великие поэты всех народов, всех эпох вдохновенно тратили творческие силы свои на то, чтобы облагородить этот акт, украсить его достойно человека, чтобы не равнялся в этом человек с козлом, быком, боровом. Созданы сотни и тысячи прекрасных поэм, воспевающих любовь. Это чувство играло роль возбудителя творческих сил мужчины и женщины. Силою любви человек стал существом неизмеримо более социальным, чем самые умные из животных. Поэзия земного, здорового, активного романтизма в отношении полов имела огромное социально-воспитательное значение.

«Любовь и голод првят миром», — сказал Шиллер. В ос-

Комментарий на полях

Про молоточек Горький навывдумывал — числительные, названные им, не содержат музыкального образа. Вот если бы он написал: раз, два, раз-два-три-четыре. По свидетельству современников, у Алексей Максимыча со слухом было совсем неважно. Другок его закадычный, Федя Шаллапин, с ним никогда петь рядом не принимался.

Ну, вот видите, ритм он не улавливает, а диагноз ставит в две минуты.

В этом месте в поздних публикациях фраза обрывалась и ставилось многоточие... А насчет сексуальной почвы он верно подметил. Только вот у кого безумство?

Милый образ науки, насилующей притворщицу-природу. Помните сталинско-мичуринское: «Мы не можем ждать!.. Взять их!..»

Надо стоять очень близко к дверям соседнего отеля, чтобы услышать радио. Как он определил негров?

Интересная мысль. А тонкие что симулируют? И почему в танце мерещится этот самый акт? И что это у него на уме?..

А чем лучше кот, слон, еж?

Интересная тема — Горький и эстетика немецкого фашизма.

нове культуры — любовь, в основе цивилизации — голод.

Пришел толстый хищник, паразит, живущий чужим трудом, получеловек с лозунгом: «После меня — хоть потоп», — пришел и жирными ногами топчет все, что создано из самой тонкой нервной ткани великих художников, просветителей трудового народа.

Ему, толстому, женщина не нужна, как друг и человек, она для него — только забава, если она не такая же хищница, как сам он. Не нужна ему женщина и как мать, потому что хотя он и любит власть, но дети уже стесняют его. Да и власть нужна ему как бы лишь для фокс-тротта, а фокс-тротт стал необходим потому, что толстый — уже плохой седец. Любовь для него — распутство и становится все более развратом воображения, а не буйством распущенной плоти, чем была раньше. В мире толстых эпидемически разрастается «однополая» любовь. «Эволюция», которую переживают толстые, есть вырождение.

Это эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокс-тротта с судорогами чарльстона, от Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров, которые, наверное, тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят все дальше.

— Погибает культура! — вопят защитники власти толстых над рабочим миром. — Пролетариат грозит погубить культуру! — вопят они и лгут, потому что не могут не видеть, как всемирное стадо толстых людей вытаптывает культуру, не могут не понимать, что пролетариат — единственная сила, способная спасти культуру и углубить и расширить ее.

Нечеловеческий бас ревет английские слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминая крики обозленного верблюда, грохочет барабан, верещит скверненькая дудочка, раздирая уши, квакает и гнусаво гудит саксофон. Раскачивая жирные бедра, шаркают и топают тысячи, десятки тысяч жирных ног.

Наконец музыка для толстых разрешается оглушительным грохотом, как будто с небес на землю бросили ящик посуды. Снова светлая тишина, и мысли возвращаются домой, откуда селькор Василий Кучерявенко пишет мне:

«Раньше в нашем хуторе Россошинском на триста дворов была только одна школа, а теперь имеются 3, кооператив, три красных уголка, клуб, изба-читальня, библиотека, ячейка партии и комсомола, отряд Ю.П., кружки: сельскохозяйственный, селькоровский, имеется своя стенная газета, выписывается множество журналов, газет, книг. Вечером клуб полон, начиная от седобородых стариков и кончая краснощекими пионерами. Крестьяне с охотой покупают займ, даже маленькие ученики и те. У нас недавно умерла 72-летняя старуха, которая еще при жизни говорила: записалась бы в комсомолки, да только беда, что стара. И почему это все так поздно стало. А перед смертью говорила, что хоронить ее по-советски, со знаменем. Эта бабушка за несколько верст регулярно посещала собрания сельсовета, клуб, читальню и была как девка. Недавно американский журнал «Азия» написал про нас насчет этого самого статью с фотографиями».

Замечательно курьезна эта смешная бабушка. Разумеется — «одна бабушка культуры не делает», но сколько знаю и таких — скажем — забавных случаев «омоложения» древнего, деревенского человека и все они говорят об одном: молодеет русский народ. Очень хорошо работать и жить в наше время.

М.Горький

Музыка тонких

Телефонный звонок. Голос с сильным грузинским акцентом:

— Алло, Сталин слушает. Кто говорит?

В трубке окающий нижегородский басок:

— Это Горький, писатель проле-

тарский. Я из Италии, с острова Капри.

— Ну что там у вас?

— С продуктами хорошо, Иосиф Виссарионович, еды много. Да только все обжираются непотребно. Толстых много. И всюду джаз, даже по ра-

Интересно, что думал Сталин, читая Горького? Что любовь побеждает смерть? Или планировал голод на Украине?

Итак, высокий, худощавый, поглощенный писатель мыслями об акте оплодотворения, стоит у дверей отеля. Отчего же просто не снять там номер и осуществить мечту?

Не поселяют. Набожная Италия вряд ли поощряла адюльтер, а «Буревестник Революции» со своими гражданскими женами брак принципиально не оформлял.

И вот он стоит у дверей, там радио что-то наяривает (он сразу догадывается, что играют негры — вот что значит классовое чутье), а у него в голове одни любовно квакающие лягушки, ревущие ослы и жеребцы с огромными фаллосами. «У, толстые», — подумал тонкий. «У, пидорасы», — сказал потом в Манеже Хрущев. Так мы и жили.

Вот он, единственный факт использования автором слова «джаз». А сколько было шума!.

Это при хищниках-капиталистах? Любопытное признание!

Ходасевич, долго живший под одной крышей с Горьким, поразился его «запутанному отношению к правде и лжи».

Слово «джаз» встречается один раз, а слова «толстый» и «жирный» — на коротком отрезке текста — четырнадцать! При этом смысл этих слов — прямой, а не переносный. Метафорика статьи передается другими словами и носит совсем иной, чисто сексуальный характер.

Валентина Ходасевич, жившая у Горького в марте 1928 года, вспоминала, как он хвастал, что летом сможет посетить СССР. Готовил почву.

Юных пионеров.

Ничего не поможет. Через несколько месяцев начнется истребление крестьянства. А Горький будет славить НКВД и проводимую им «перековку».

Еще одна тема: «Образ пожилой женщины у Горького».

А.Б.

Палач Никифоров уходит на небо

Валерий РОНЬШИН

В давние времена жил один человек. Очень хороший. Звали его — Никифоров. А работал он — палачом. Головы с плеч рубил... Вернее, не он рубил, а его жена — Матрена. Сам Никифоров только числился на службе.

Матрена была женщиной грубой и властной. И при разговоре с Никифоровым в выражениях себя не стесняла. Материла как сапожник. Палачу Никифорову иной раз даже казалось, что у нее вместо слов черви изо рта ползут.

В отличие от своей жены Никифоров был мужичонкой хлипким, а чертами лица — нежный, как девушка. Чуть что, зареется лицом в подушку и плачет, плачет...

Ну, правду сказать, причин для слез у него было больше чем достаточно. Очень уж Матрена его обижала.

Ну вот, к примеру, садятся они чай пить. Казалось бы, ну чего проще: выпей ты стакан чаю спокойно. Так нет, Матрена берет и ни с того ни с сего плюет в чашку Никифорова.

— Матреша, — говорит Никифоров плаксивым голосом, — зачем ты мне в чашку плюнула?

— Я не плювала, — отрицает Матрена. — Тебе, Никифоров, верно, почудилось. Ты перекрестись.

Или вот, Никифоров книжку религиозную читает, в уголке примостясь. А Матрена тихонечко подкрадется к нему и — цап! неожиданно за нос! И тянет, тянет с придурочной улыбочкой. Бывало чуть ли не на метр вытянет, а потом — отпустит. Нос, конечно, как резинка, — хлоп! — Никифорова по щекам.

Больно это все ему. И обидно.

Однако это все цветочки по сравнению со всем остальным. Ходила Матрена постоянно в грязных кирзовых сапогах. Что дома, что на улице. Снимала их только когда в кровать заваливалась, да и то не всегда. Ноги она, кстати говоря, тоже никогда не мыла. Так что тут еще бабушка надвое сказала, что для Никифорова лучше было: когда супруга в сапогах заваливалась или когда освобождалась от них. А помимо сапог — она больше ничего и не снимала. Плюхалась как есть в верхней одежде. «А зачем раздеваться-то? — сильно удивлялась Матрена робким попыткам Никифорова ее усовестить. — Завтра все равно одеваться!»

Хорошо, если на улице лето и сухо; ну а как осень с ее проливными дождями? или зима с обильными снегопадами?.. Можно было только посочувствовать бедному Никифорову, который всегда спал в одних трусах. Навалится на него Матрена своим грузным телом и давай щупать холодными лапищами его теплые ребрышки.

— А ну-ка, — требует, — почеси мне пяточки!

Очень она это дело уважала: когда ей Никифоров пяточки чесал.

...Как сошлись эти два совершенно непохожих друг на друга человека, одному Богу известно. Но вот — сошлись! И жили неплохо, в смысле — пожрать. В остальном же для Никифорова была не жизнь, а сплошная мука.

Единственной отдушиной для него был сон. Свернется Никифоров калачиком, угреется и — спит. Наяву все люди живут в одном мире, а во сне — каждый в своем. Вот и у Никифорова был свой особый мир. Большая лесная поляна, усеянная яркими цветами; а по этой поляне ходит красная девица в синем сарафане: телом вся ладная,

дородная, щечки как яблочки наливные и русая коса до самого зада. Страшно и подходить-то к такой раскрасавице, не то что заговорить.

А тут как-то, в один из снов, она сама подходит.

— Здравствуйте, — говорит приветливо, — че это вы тут все прячетесь?

— Я не прячусь, — смущенно вышел из-за кустов Никифоров. — А как вас зовут?

— Никак не зовут. Я же ваш сон. На самом деле меня не существует.

— А можно я буду звать вас Сонюшкой?

— Зовите, коли нравится.

Так и познакомились. И с тех пор стали вдвоем по полянке гулять. Влюбился Никифоров в Сонюшку по самые уши; все бывало ручку пухленькую гладит и уговаривает: «Давай убежим куда-нибудь, чтобы нас никто не смог найти в этом огромном мире».

(Очень уж ему эта красивая фраза нравилась. Он ее в одной заморской книжке вычитал.)

А Сонюшка ему в ответ с тяжким вздохом:

— Ну куда же мы убежим, сокол ты мой ясный? Я же не из мира, а из твоего сна.

— Ах, да! — вспоминал Никифоров и тоже принимался тяжело вздыхать.

Так и жил он раздвоенной жизнью. Днем с Матреной-ненавистницей, ночью с Сонюшкой-заснобушкой...

Сонюшка сладкоежкой была, все бывало шоколадными конфетками лакомилась. И где только брала их?.. Никифоров не то что во сне, а и наяву такого лакомства не видывал. А тут как-то Сонюшка и говорит мечтательно:

— Слышала я, любимый мой, что есть такая сладенькая штучка: сгущенка называется. Она белая, липкая и вкусная-превкусная. Это правда?

— Правда, мой зайчик, — отвечает Никифоров. — Я тебе завтра принесу.

Здесь надо сказать, что по чистой случайности у Матрены этого добра хоть залейся было. Целая бочка со сгущенным молоком в сенях стояла. Она прямо оттуда сгущенку пила, заместо рассола, когда у нее отходняк начинался; и представьте себе — помогало!

И стал Никифоров думать, как же ему эту самую сгущенку в свой сон неразлитой пронести. Пообещать-то он пообещал, а вот как сделать? Бочку с собой не возьмешь, в ладони зажимать — вытечет. Вот задача, хоть в трусы наливай!

А Сонюшка в каждом сне канючит и канючит: «Когда ты мне сгущеночки принесешь?! Ведь обещал!»

Наконец вот что Никифоров придумал. Разделся он до гола и обмазался сгущенным молоком с головы до пят. И в таком виде улегся спать.

Сонюшка так обрадовалась! так обрадовалась! слов нет. Стала сразу же Никифорова облизывать. Язычок у нее тепленький, быстрый... Что называется, сразу двух зайцев Никифоров убил — и самому ничего делать не надо, и Сонюшке приятно.

Во жизнь пошла!! Не успеет проснуться Никифоров, а уже ждет не дожидается следующей ночи, чтоб, значит, подставить себя под ласковый Сонюшкин язык.

Но... каждый день приносит свою беду. Стала Матрена подмечать, что куда-то ее сгущенное молоко пропадает. По первости меточку поставила, чтоб точно удостовериться, а затем и самого Никифорова через щелку высидела.

И вот в одну из ночей, когда он уснул крепким молодецким сном, Матрена тихонечко подобралась к нему и, подняв пальцем правое веко, заглянула в его спящий глаз. И увидела Никифоровский сон: как он вальяжно на травке голый нежится, а какая-то баба (тоже, кстати говоря, голая) его длинным языком ублажает.

Матрена ажно затряслась от такого зрелища. Уж ревность ли это была или жадность — неизвестно, однако решила Матрена погубить Сонюшку. «Кину в сгущенку яда, — думает злобно, — пушай обожрется и подохнет в корчах!»

Но, подумавши еще маленько, решила Матрена, что это для г а д и н ы слишком легкая смерть. И замешала месью покруче... Вечером следующего дня подсыпала она Никифорову в чай сонных трав, он и уснул как убитый. Матрена оба века ему подняла и стала Сонюшку высматривать.

А Сонюшка, голубка ясноглазая, цветочки на полянке собирает в ожидании любимого.

— Сонюшка, Сонюшка, — принялась звать Матрена ласковым голоском.

Сонюшка кругом озирается.

— Кто это меня кличет? — понять никак не может.

— Неважно, Сонюшка, неважно. Хочешь мёдика липового, сладенького?

— Хочу, — говорит Сонюшка, — а что это такое? Сорт сгущенки?

— Лучше, Сонюшка, лучше. И вкуснее. Подь, подь сюды, милая.

Идет Сонюшка, ничего не подозревая, на таинственный зов. Все ближе, ближе подходит... Тут Матрена обеими руками к-а-к Никифорову в глаза ткнет!!! Правой рукою в правый глаз, а левой рукою — в левый. Засунула по самые локотки, да и схватила Сонюшку за ее длинную косу.

Сонюшка кричит, бьется, словно птичка, попавшая в силки... Да уж куда ей, сердешной, супротив Матрены тягаться, если та бычка-трехлетку одним ударом кулака убивает.

Так и вытянула Матрена бедную Сонюшку на свет божий через Никифоровские глаза. А Никифоров и не проснулся даже. Перевернулся на другой бок, к стеночке лицом, да и храпит себе дальше. Не чувствует никакой, какая смертная опасность нависла над его любимой.

А расторопная Матрена, времени зря не теряя, посадила Сонюшку в чулан под замок, а сама сапоги скинула, юбки подобрала и бе-гом к генерал-губернатору. «Так мол и так, — жалится, — эта б... у меня последние кирзачи сперла!» — и тычет генералу прямо в нос свои грязные ноги.

У генерал-губернатора разговор известно какой: короткий. «Срубить, — приказывает, — голову к такой-то матери!» И бумагу соответственную подмахнул!..

Прибегает Матрена взад. Никифоров все дрыхнет. Растолкала она его пинками. Иди, мол, быстрее на работу! Никак в толк Никифоров взять не может, что за дела?..

— Дак ты ж завсегда сама этим занимаешься, — говорит.

— Ни-че, не развалишься, если одну голову срубишь, — Матрена ему строго. — Неможется мне че-то седня.

Поднять-то она его подняла, а все одно он еще спит. А Матрена уже в спину толкает: иди да иди. Ну что делать? Взял он в чулане свой служебный топор с длинной ручкой и пошел.

Сонный и небритый — приплелся на лобное место. А там уже Сонюшка, по рукам и ногам связанная, лежит, а голова — на плахе.

— Никифоров, — молит слезно, — где же твои глаза?! Это же я, Сонюшка, зайчик твой побегайчик...

А Никифорову с дурманного сна все едино: что Сонюшка, что зайчик-побегайчик, что черт в ступе... Взмахнул топором, раз ударил! второй раз, для верности, ударил!.. Короче — разрубил своего зайчика на две неравные половинки.

Сонюшка и ойкнуть не успела, как без головы очутилась.

А Никифоров как ни в чем не бывало воротился домой. Досыпать.

Сонюшка и ойкнуть не успела, как без головы очутилась.

Обезглавленное тело, тем временем, схоронили на кладбище, а голову Матрена взяла себе на память, заместо сувенира. Кровь тряпичей обтерла и положила в корзинку, с какой всегда на рынок ходила.

Тут и день прошел потихонечку. Наступила ночь.

Вот Никифоров в третьем часу за полночь проснулся, голова болит, во рту — как кошки нассали. И словно бы с похмелья. Стал он рыскать по избе, чем бы опохмелиться. Но по этой части — хоть шаром покати. Матрена все давным-давно вылакала.

Хотел уже Никифоров опять до утра спать завалиться. Вдруг смотрит — корзинка на столе стоит. Дай, думает, гляну — что там? Может, жратва какая.

Взял и глянул...

А там — голова отрубленная!!

Покатилась корзина по полу. А голова — по столу.

— Сонюшка!!! — вскричал Никифоров. От такого сюрприза его чуть кондрашка не хватила!

Тут веки на мертвом лице дрогнули и глаза открылись. А мертвые губы прошептали:

— Ах, Никифоров, Никифоров. Что же ты наделал? Загубил ты собственными руками счастье свое. Убил любовь свою страстную. Отрубил зазнобушке ее единственную головушку.

Говорит Сонюшка эти горькие слова, а у самой слезы из глаз градом так и катятся, так и катятся...

— Ах, Боже ж ты мой!! — заметался по избе бедный Никифоров. — Что же делать?! Делать-то что???

Ничего не ответила на это Сонюшка. Погасли ее глаза, опустились ее веки — снова она мертвой сделалась.

Тут дверь в сенях отворилась, и вошла Матрена собственной персоной, уже поддавшая на радостях как следует.

— Ку-ку, — хохочет. — Не ждали?

— Ну и стерва же ты!! — в сердцах воскликнул Никифоров и, схвативши со стола пустую бутылку, грохнул Матрину по голове. Бутылка вдребезги — а Матрене хоть бы что!

— Да, — не спорит она, — стерва! За что себя очень даже люблю и уважаю. А ты, Никифоров, убирайся из моей избы ко всем чертям собачьим. И бошку своей полубовничи не забудь прихватить. Может теперь с ней на пару в церкви... тьфу! в цирке выступать. — И она, злобно косоротясь, выкрикнула: — На арене фокусник и чародей Никифоров и его говорящая голова!! Ха-ха-ха-ха-ха...

Вот так. Неисповедимы пути Господни, и никто знать не может, что нам уготовлено в завтрашнем дне. Остался Никифоров в одночасье и без Сонюшки, и без крова. Взял он мешочек штопаннный, положил туда несколько сухариков да голову своей любимой, перекрестился на Божью мать — и за порог.

Пока еще ночь была, так душу все тоска теснила, и жгло нестерпимо оттого, что любимую напрасно сгубил. Но вот посветлело, солнышко выглянуло, птички запели. Погода насладительная сделалась. И — повеселел Никифоров. «Ладно, — думает. — Все переможется. Беда приходит для того — чтобы переносить ее достойно. Пойду ходить божьим странником по Руси, авось услышу себе вразумления».

По первости и вправду хотел он к цирку какому-нибудь пристать, да не взяли его, черти: нет, говорят, ни у тебя, ни у твоей головы говорящей соответствующего образования... Ну так и тут вскорости выход отыскался: наострилась Сонюшкина голова песни народные петь, да все про любовь, про любовь несчастную. О-очень это у нее, надо сказать, жалостливо выходило:

Как по правому берегу

Черный звон.

А по левому берегу

Волчий вой.

Как по правому берегу
Женский стон.
А по левому берегу
Смертный бой.

Как по правому берегу
Купола горят.
А по левому берегу
Мертвецы стоят...

Бабы рыдали в голос, а мужики сжимали губы и хмурились. Никифоров тем временем с шапкой по кругу ходил. Кто денежку даст, кто пряничек, а кто и курочку. Тем и кормились.

Долго ли, коротко ли ходили они по разным местам, пока не вышли наконец к селению Игуменка. Приглянулось это название Никифорову. Такое звонкое, веселое... Подумал он, подумал, прикинул, как у нас на Руси говорится, кое-что к носу, да и свернул с главной дороги. Взошел на пригорок и... ахнул! Вся Игуменка перед ним как на ладони расстилалась. Церквей — видимо-невидимо. Все расписные, словно яички в пасху, купола на солнце поблескивают... «Вот то, что мне надо, — решил Никифоров, — здесь и жить приятно, и помереть не страшно».

Пришедши на место, взошел он в одну избу и увидел древнего старика, худого и бледного, с седой бородой до самого пояса.

— Здравствуйте, дедушка, — поклонился ему Никифоров. — Не дадите ли водицы испить?

Хорошо попросишь — хорошо и приветят.

Усадил его старик на лавку, достал из печи щей в чугунке, пирогов с крольчатинкой, чаю из самовара налил...

— Ешь, пей, — говорит, — да сказывай, что у тебя за беда приключилась.

— Откудова дедушка про беду-то знаешь? — удивился Никифоров.

— А откудова, милай, что за спиной ты ее носишь, — отвечает старик. — В мешочке своем.

Ну что тут скажешь?.. Поел-попил Никифоров, поблагодарил за обильное угощение, да и начал рассказывать: так мол и так, грех на мне тяжкий...

Ну и далее, все в том же роде...

Выслушал его старик со вниманием и говорит:

— Слов нет, сынок, велика твоя беда. Но любовь Господа нашего к нам, грешным, — тоже беспредельна. Надо тебе на Тот Свет иттить, тело своей зазнобы выручать. Чтоб, значит, была она у тебя баба не квеляя — а настоящая, с руками и с ногами.

— Да как же мне попасть на Тот Свет, дедушка? — стал допытываться Никифоров. — Научи!

— Попасть туда дело нехитрое, — старик в окошечко поглядывает. А за окошком уже полная луна на небе висит, землю желтым светом обливает. — Вишь, — указывает старик. — Луна. А в полночь она — дыра.

— Загадками говоришь, дедушка.

— Отгадку на кладбище, сынок, сыщешь. В самую глухую полночь.

Сказавши это, старик — исчез. Вот только что рядом был, а уже — и нет!.. Смекнул Никифоров, что не простой совет ему даден, и с радостью сердечной поспешил на кладбище.

А тут и полночь...

Сидит Никифоров у часовенки, притаился: ждет, что будет. Вдруг подул сильный ветер, зашуршала листва на деревьях, и с неба спустились огромные черные птицы. Просунули они свои тонкие лапы в свежие могилы и вытащили оттуда гробы, нисколько при этом верхних холмиков не потревожив. Затем снова в воздух поднялись и, сжимая когтями добычу, полетели к луне.

...А как подлетели — так и пропали.

Поутру поспешил Никифоров на рынок, купил себе просторный гроб и, вернувшись на кладбище, улегся в свободную могилку... Ровно в полночь опустились с неба черные птицы, забрали гробы с новыми мертвецами, а среди них и тот гроб, в котором Никифоров таился.

МАЛЕНЬКИЙ ПРАЗДНИК

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Ни к селу ни к городу комар Томка сделала себе маленький праздник, не предупредив об этом мужа комара Стасика.

Стасик явился домой усталый после долгих переговоров со свиньей Аллой, старый роман без результата, пролитое молоко.

А тут дома кавардак, комар Томка лежит в шлепанцах на кровати, сама помятая, глазки кислые, щелкает семечки, на подушке се-ледка прямо в бумажке, полторта в коробочке, под кроватью две пустые банки из-под антикомариного спрея, пепельница с окурками, кругом шелуха и наляпано, старые газеты на полу плюс вода некипяченая.

По радио передают марш «Прощание славянки» как специально. Комар Томка на вопросы не реагирует, только воспаленно моргает.

Тут бы комару Стасику взорваться и газеты в клочья!

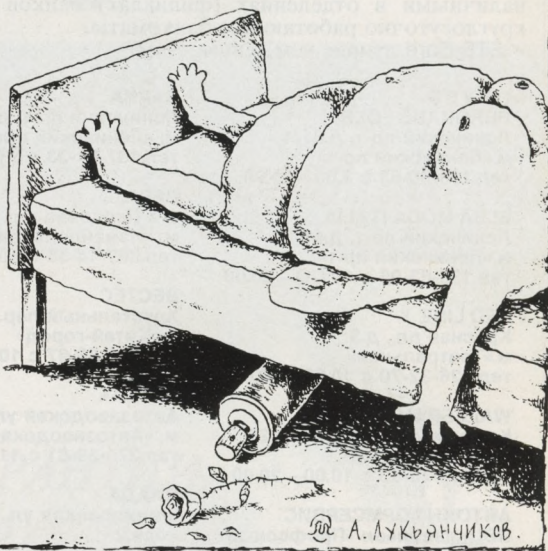
И торт послать сильной рукой по синусоиде.

Ан нет, комар Стасик терпеливо все собрал, он понял причину этого маленького праздника (все та же свинья), и всплакнул над водой: вдвоем, всегда вдвоем они переживали все его невзгоды, его роман — ее роман и так далее, но никогда в обратном смысле, ни-ни.

Как говорится — ежели я кого-то, то это мы с Томкой кого-то.

А если ее кто-то, то это меня кто-то.

Такой закон семьи.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Американская эскадра
Обманом расщепив уран,
Мечтает ядерные ядра
Обрушить разом на Иран.

Она в Персидского залива
Затем вошла морскую гладь,
Чтоб нефть персидского разлива
В свой Вашингтон по трубам гнать.

Нет, господа, никак не выйдет!
Придется вам умерить прыть,
Народы мира правду видят,
Ее ничто не в силах скрыть.

Дадим, друзья, отпор разбою
Со стороны отдельных стран,
Народ Ирана, мы с тобою!
Но пасаран! Но пасаран!

С улыбкой мимолетной на устах,
В поток различных мыслей погруженный,
Брожу порой в общественных местах,
Толпой сограждан плотно окруженный.

Как мне они физически близки,
Те, за кого пред небом я в ответе,
Солдаты, полотеры, рыбаки,
Саксофонисты, женщины и дети.

Объект их лихорадочных надежд,
Весь замираю от стыда и муки,
Когда моих касаются одежд
Их грязные, доверчивые руки.

Чем я могу помочь, несчастным, им?
Чего им ждать от нищего поэта,
Когда он сам отвержен и гоним,
Как поздний посетитель из буфета.

Уважаемые дамы и господа!

Акционерное общество «STB Card» поздравляет Вас с приобретением нашей пластиковой карточки!

Мы публикуем адреса и телефоны московских предприятий торговли и сервиса, принимающих к оплате STB Card. Но для начала немного о самой карточке. Получив STB Card, Вы автоматически открываете личный счет в банке, который выдал карточку. С помощью STB Card вы сможете, не затрачивая серьезных усилий, перевести со своего счета деньги за покупку в магазине, или обед в ресторане, или турпоездку... И снять необходимую сумму наличными в отделениях (филиалах) банков или через круглосуточно работающие банкоматы.

STB Card лучше, чем деньги. Чем?

— Владельцу карточки не обязательно иметь при себе крупные суммы наличных денег;

— Вы можете хранить деньги на счете в любой валюте;

— открыть несколько счетов на одну карточку или несколько карточек на один счет, как Вам удобнее;

— расплатиться по STB Card можно как в рублевых, так и в валютных точках торговли и сервиса, причем при оплате в валюте Ваши рубли конвертируются по курсу ММВБ на день покупки;

— пропажа карточки не является потерей денег.

ОБУВЬ

BERGHAUS—OLBI
Ленинский пр-т, д.61/1
м.«Ленинский пр-т»
тел.135-90-63 с 9.00—21.00

ELSA MODA ITALIA
Ленинский пр-т, д.41
м.«Ленинский пр-т»
тел.135-63-05 с 10.00—20.00

RED LINE
Красная пл., д.3
м.«Театральная»
тел.926-32-70 с 10.00—20.00

WALZER MODA SHOP
Комсомольский пр-т, д.26
м.«Фрунзенская»
тел.246-70-63 с 10.00—20.00

АВТОИНФОРМСЕРВИС
ВВЦ, павильон «Профсоюзы»
м.«ВДНХ»
тел.974-71-93 с 10.00—18.00

АДИДА
Плещеева ул., д.12
м.«Бибирево»

АЛДЕМАК
Туристская ул., д.17
м.«Сходненская»
тел.948-23-40 с 10.00-19.00

АЛЬБИОН
Ленинградский пр-т, д.39
м.«Аэропорт»
тел.213-67-65 с 10.00—18.00

АНТОНЭЛЛА
Долгоруковская ул., д.39/6
м.«Новослободская»
тел.258-68-11 с 10.00-19.00

БЕРЕЗКА-МОДЕРН
1812 года ул., д.12, корп.5
м.«Кутузовская»
тел.148-69-76 с 8.00—20.00

БЕРЕЗКА №2
Краснохолмская наб., д.5/9
м.«Таганская»
тел.271-92-71 с 9.00—20.00

БОНИТА
Косыгина ул., д.15
м.«Ленинский пр-т»
тел.939-80-60 с 10.00—20.00

БРАТЕЕВО
Паромная ул., д.11/31
м.«Орехово»
тел.342-22-45 с 11.00—18.00

БЭМБИ
Краснобогатырская ул., д.31
м.«Преображенская площадь»
тел. 964-06-48 с 9.00—19.00

ВАРНА

Ленинский пр-т, д.34
м.«Ленинский проспект»
тел.137-61-33 с 9.00—20.00

ВЕРА
5-я Парковая ул., д.25
м.«Измайловская»
тел.367-14-36 с 10.00—18.00

ВЕСТЕС
Хрустальный пер., д.1
м.«Китай-город»
тел.921-80-97 с 10.00—19.00

ВЕТАНА
Автозаводская ул., д.7
м.«Автозаводская»
тел.275-59-61 с 11.00—20.00

ВИАДА
Шипиловская ул., д.13,
корп.2
м.«Орехово»
т.391-16-16, с 9.00—20.00

ВИЗИТ
Пятницкая ул., д.27, корп.3
м.«Новокузнецкая»
тел.231-91-30 с 10.00—19.00

ВИКТОР И Я
Б.Черкизовская ул., д.5
м.«Преображенская площадь»
с 10.00—19.00

ВИКТОР И Я
Щербаковская ул., д.9
м.«Семеновская»
тел.369-17-57 с 10.00—20.00

ГАЛЛА
Лесная ул., д.55
м.«Белорусская»
тел.973-14-30 с 10.00—19.00

ГРЕКОФФ
М.Калужская ул., д.1
м.«Шаболовская»
тел.955-33-11 с 12.00—20.00

ДРУЖБА
Новодевичий пр., д.2
м.«Спортивная»

ЗАРЯ
Гвардейская ул., д.16
м.«Кунцевская»

ИТАЛИ ШОП
Измайловское ш., д.71
м.«Измайловский парк»
тел.166—58—63 с
9.00—21.00

КАЛИНКА-ТЕКСЕКС
Профсоюзная ул., д.15
м.«Профсоюзная»
тел.129-77-11
с 11.00—19.00

КЛАССИКА МОДА

Профсоюзная ул., д.118
м.«Коньково»
д.335-74-10 с 10.00-19.00

КОНВЕРТЕХ
ВВЦ, павильон
«Центр-Москва»
м.«ВДНХ»
тел.974-92-73 с 10.00—19.00

МАИР
Щербаковская ул., д.12
м.«Семеновская»
тел.369-24-20 с 10.00—19.00

МАНОН
Ленинский пр-т, д.13
м.«Октябрьская»
тел.237-31-66 с 10.00—19.00

МАРИО ВАЛЕНТИНО
Варварка ул., д.3
м.«Китай-город»
тел.296-35-11 с 10.00—20.00

МЕНДЕ-РОССИ
Арбат ул., д.42
м.«Смоленская»
тел.241-97-34 с 11.00—20.00

МИРОФОРКДИС
Кутузовский пр-т., д.16
м.«Киевская»
тел.243-45-41 с 9.00—20.00

МОДНАЯ ОБУВЬ
Ленинградское ш., д.80
м.«Речной вокзал»

НА БЕГОВОЙ
Беговая ул., д.11
м.«Беговая»

НАДЕЖДА-92
Саянская ул., д.10а
м.«Новогиреево»
тел.300-83-41 с 10.00—19.00

НОРД АМ КОМПАНИ
Кржижановского ул., д.19/28
м.«Профсоюзная»
тел.124-69-92
с 10.00—19.00

ОБУВЬ-САЛАМАНДЕР
Ростовская наб., д.5
м.«Смоленская»
тел.248-65-26 с 10.00—19.00

ОДЕЖДА-СТИЛЬ
Живописная ул., д.52
м.«Щукинская»
тел.190-52-25
с 10.30—19.00

ПАОЛО САНТИНИ
Б.Якиманка ул., д.22
м.«Октябрьская»
тел.230-07-30 с 9.00—20.00

ПАРИЖ ТОП

Рублевское ш., д.30, корп.1
м.«Крылатское»

ПАСИК
Воронежская ул., д.16/7
м.«Домодедовская»
тел.398-96-33 с 11.00—19.00

РОДНИК
Красного Маяка ул., д.16/7
м.«Правая»
тел.388-77-33 с 11.00—19.00

РОСКОШНАЯ ОДЕЖДА
Новослободская ул., д.20
м.«Менделеевская»
тел.258-06-41 с 11.00—20.00

СЕУЛ-М
Б.Строочновский пер., д.4
м.«Дубровинская»

СИЛУЭТ
Первомайская ул., д.39
м.«Первомайская»
тел.465-26-01 с 10.00.—19.00

СОВИНТЕРАВТОСЕРВИС
Институтский пер., д.2/1
м.«Новослободская»
тел.299-77-73 с 10.00-20.00

СОГЛАСИЕ
Жолтовского ул., д.5
м.«Маяковская»

СОХО КЛУБ
Трехгорный Вал ул., д.6
м.«Улица 1905 года»
тел.205-62-09
Круглосуточно

СТИЛЬ
Профсоюзная ул., д.22/10
м.«Профсоюзная»
тел.125-14-63 с 10.00—19.00

СУНА
4-я Сокольническая ул., д.2
м.«Сокольники»
тел.268-37-20 с 9.30—18.00

ТД БАРС
Первомайская ул., д.106
м.«Первомайская»
тел.465-58-81 с 10.00—20.00

ТД ПЕРОВСКИЙ
Свободный пр-т, д.33
м.«Новогиреево»
тел.300-60-10 с 9.00—20.00

ТРИ КИТА
Абельмановская ул., д.3а
м.«Пролетарская»
тел.276-38-04 с 11.00—20.00

ФИЛИ-КУНЦЕВО
Рублевское ш., д.40-1
м.«Молодежная»

С НАШЕЙ
ПОМОЩЬЮ
ВЫ ИНВЕСТИРУЕТЕ
ВЫСОКОПРИБЫЛЬНЫЕ
ПРОЕКТЫ
С УЧАСТИЕМ БАНКОВ

КВАНТА ИНВЕСТ

Узнайте подробности!

924-1624, 924-1636, 924-1585,
529-5643, 534-5947, 310-2257, 310-4138.

**ГАРАНТИИ
СТРАХОВОЙ
КОМПАНИИ
"ГЕРМЕС"**

ПРИЕМ ВКЛАДОВ ПО АДРЕСАМ:

- ст. м. "Тургеневская", "Чистые пруды", Уланский пер., 8/10, проход с пр-та Академика Сахарова;
- ст. м. "Белорусская", Ленинградский пр-т, д. 5, стр. 2.

МИНИЗАВОДЫ компании "КВАНТА-ИНВЕСТ"
ПРЕДСТАВЛЕНЫ на ВВЦ в павильоне № 38

Наличные деньги могут остаться
лишь на полотнах старых мастеров
да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК

BANK STOLICHNY